

Елена Кутукова

В ЧУЖОМ
Меле

Annotation

Один поход в ночной клуб и моя жизнь перевернулась с ног на голову. Из простой медсестры – в супермодели. Из непроглядных серых будней – в яркую столичную жизнь. Из повседневной суеты и одиночества – в объятия красавца жениха. Вот только все это мне не принадлежит, я лишь оказалась в чужом теле. Родные и близкие не узнают меня. Как быть? Приспосабливаться к новой жизни или пытаться вернуть старую? И что собственно делать с чужим мужчиной, который видит во мне свою невесту?

ЧЕРНОВИК

- [В чужом теле](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Эпилог](#)
-

В чужом теле
Елена Кутукова

Глава 1

В чужом теле

Один поход в ночной клуб и моя жизнь перевернулась с ног на голову. Из простой медсестры — в супермодели. Из непроглядных серых будней — в яркую столичную жизнь. Из повседневной суеты и одиночества — в объятья красавца жениха.

Вот только все это не мне не принадлежит, я лишь оказалась в чужом теле. Родные и близкие не узнают меня. Как быть? Приспосабливаться к новой жизни или пытаться вернуть старую? И что собственно делать с чужим мужчиной, который видит во мне свою невесту?

Я вышла из палаты, тихо прикрыв за собой дверь, и устало перевела дыхание. Устала. Как же я устала... ладно, Алён, соберись. Впереди ещё ночная смена.

Но едва я развернулась и направилась в сестринскую, как увидела старшую медсестру Марину Игоревну: грузную полную женщину, которая направлялась ко мне. Немного напряглась, обычно добродушная, и в меру строгая, она выглядела сейчас слегка рассерженной. Неужели я что-то сделала не так? Похоже, накрылись мои план попроситься на еще одну смену. Я уже приготовилась выслушивать выговор, но вместо этого она сказала:

— Это тебе на День рождения, — и протянув конверт, добавила, — Могла бы сказать заранее. Пришлось по-быстрому собирать.

— Спасибо, — пробормотала я, уткнувшись взглядом в конверт и поджав губы. Я не хотела говорить, что промолчала лишь потому, не хотела тратить деньги на торт и прочие угощения. В этом месяце маме пришлось уйти с работы и приходилось экономить на самом необходимом. Какие уж тут праздники?

К тому же, должна признаться, к своему дню рождения, я более чем равнодушна. Когда-то в детстве я все-таки предвкушала этот день, но после появления младшего брата, теперь это казалось пустой формальностью. Не до праздников становится, когда врачи ставят страшный диагноз твоему близкому человеку, и когда его жизнь зависит от того сможешь ли ты собрать деньги на лекарства, поэтому сегодня

вечером я больше думала о том, чтобы найти очередную подработку, может быть попроситься на еще одну смену?

Я работаю медсестрой в хирургическом отделении, но, увы, возможности пойти учиться на врача у меня не было, а желание помогать людям было, как бы банально это не звучало. Зато я сама могла ставить уколы и капельницы маленькому Ване хоть где-то мои умениягодились, да и рука у меня легкая.

Наверно, кто-то меня спросит, если так нужны деньги, почему я не ушла в частную клинику? Мало уметь безболезненно делать уколы, брать анализы. Медсестра престижной клиники должна быть еще и красивой, притягивать взгляд и вызывать желание вернуться в клинику. Я же подобного лишена: низкий рост, полноватая фигура, крупный нос, да еще ношение очков, которые явно не добавляли мне привлекательности. Мужчины не обращали на меня внимания, и я к этому привыкла. К тому же из-за постоянных подработок времени на какие-либо отношения у меня попросту не было.

— Веронике, скажи спасибо! Она напомнила. — Женщина внимательно посмотрела на меня. — Знаю, все на брата спустишь. Хоть бы себе купила что-то, — покачала головой она.

Я вновь промолчала. Что могу сказать? Брат важнее каких-то шмоток и женских штучек, без которых я могу вполне обойтись. А обойтись можно без многого. Например, можно экономить на еде, заодно и похудею.

— Ему нужнее, — выдавила из себя я. — Вот выздоровеет...

Не хотелось с ней спорить, но выглядеть невежливой тоже не хотелось. Тем более Марина Ивановна помогала, как могла: частенько угощала меня в обед домашними вкусностями, и ничего не говорила по поводу того, что я в другом отделении подрабатывала санитаркой. Только один раз заметила, что столько работая, я загоню себя на больничную койку, а то и вовсе в гроб, раньше времени. Что ж я и на это готова лишь бы с Ванечкой все было хорошо. Сложно объяснить, окружающим, что я чувствую, когда гляжу в его глаза, которые смотрят на меня с надеждой. А как нелегко мне слышать, как Ваня рассказывает, кем он мечтает стать, когда вырастет, конечно же, врачом, а может быть и спортсменом... Но несмотря на это он в свои свои шесть лет отлично понимает, что это когда может и не наступить. Вот поэтому я так и хватаюсь за подработки, хоть как-то пытаюсь продлить брату его жизнь,

хотя я отлично понимаю, на операцию нашей семье не накопить.

Марина Игоревна лишь вздохнула, это был не первый наш разговор об этом.

— На сегодня ты свободна, — сказала женщина. — Марьяна тебя подменит, я договорилась с ней и с зав. отделения.

Я удивленно хлопнула ресницами. Неужели она так просто меня отпустит?

— Отметим хоть, — и Марина Игоревна, кивнула, куда-то в сторону выхода, где я с удивлением обнаружила радостно машущих мне девчонок: Таньку с Олеськой, к которым я тут же помчалась, на прощание сказав: “Спасибо”.

На что старшая медсестра лишь улыбнулась.

— А вы разве сегодня не на смене? — спросила я у подружек.

Девочки работали медсестрами в терапии. Собственно, с Танькой мы дружили еще со школы, а с Олеськой познакомились уже в самом училище.

— Мы поменялись. Сегодня же твой день рождения.

— Я не отмечаю.

— Вместе отметим, — настаивала Танька. — Я уже и торт купила и свечки.

— А потом в клуб пойдем, — улыбнулась Олеська.

— В клуб? — удивилась я.

— Ален, расслабься. Тебя же отпустили, — сказала Олеся. — Так, почему бы не отметить?

Похоже, девочки заранее договорились со старшей медсестрой, и, скорее всего, запланировали все это заранее. Вот только как объяснить, что на подобные развлечения у меня ни подходящей одежды, ни денег.

— Мы за вход заплатим, — тут же успокоила меня Таня, правильно оценив моё замешательство.

Я прикусила губу, несколько мгновений собираясь с мыслями. Как объяснить, что мне неудобно. Девчонки и так каждый раз они норовят заплатить за меня? Они обе знали мою ситуацию, хоть от Олеськи я первое время и пыталась скрывать. Меньше всего хотелось, чтобы меня ещё и жалели.

— Это подарок, — уперлась Олеся, и я окончательно сдалась. Оставалось только сходить в сестринскую на другом конце отделения. Переодеться.

Проходя по коридору, я наткнулась на заведующего.

Павел Олегович, был занят разговором с каким-то высоким широкоплечим мужчиной, облаченным в деловой костюм, даже на вид ценной в мою полугодовую зарплату. Судя по побелевшим от напряжения пальцам на пластиковой папке с историей болезни и немного бледному лицу моего начальника, ему было не до меня.

— Еще раз подобное повторится... — произнес мужчина низким хриплым голосом. Несмотря на то, что он говорил тихо, слово произносил так, что к его голосу невольно прислушаешься, и стараешься ничего пропустить. И уж тем более — ни в коем случае, не перебивать..

Он выдерживает паузу, дает своему собеседнику полностью осознать, сказанные им слова, наслаждается произведенным им эффектом.

— Что вы, что вы... — запинался мой начальник, и я заметила на его лице выступившие капельки пота. В жизни бы не поверила, что его можно довести до такого состояния. Обычно он даже с главврачом не стеснялся спорить и разговаривать на повышенных тонах.

— Тебя даже по частям не соберут, — довершил фразу его собеседник, с такой уверенностью, что я содрогнулась.

И дело было вовсе не в фразе. В интонации, именно она пугала меня. Он нисколечко не сомневался в том, что способен выполнить угрозу.

— Сделаю в лучшем виде, — продолжил раскланиваться врач, этому бандюге. Что передо мной бандит я уже даже не сомневалась. Ни один бы проверяющий не позволил себе разговаривать в подобном тоне. — Лично прослежу.

— Уж проследите, — ответил незнакомец и резко развернулся, по всей видимости, намереваясь уйти. И тут же уперся взглядом в меня.

Оценивающий цепкий мимолетный взгляд, от которого внутри все холодеет, и становится трудно дышать. Крупные правильные черты лица, черные коротко стриженные волосы слегка контрастируют с удивительно светлыми глазами цвета льда. Он красив, и он об этом знает. Но завораживает не красота, а это удивительная уверенность, особая энергетика, которая чувствуется на расстоянии. Он не сомневается, что все в этом мире принадлежит ему. Даже походка выдает в нем хищника. Человека, готового на все в угоду своим

желаниям. Человека, у которого лучше не стоять на пути. И в этот самый миг мне хотелось спрятаться, провалиться сквозь землю. Инстинкт самосохранения, будто кричит, что таким людям лучше не попадаться на пути, пусть и случайно.

Я ускорила шаг, хотя очень хотела сорваться на бег. Спиной, я чувствовала его взгляд, провожающий меня до самой двери. И только оказавшись в сестринской, повинуюсь какому-то непонятному чувству, я тут же закрыла дверь на замок, и прислушалась — вдруг кто-то уже поджидает снаружи. Словно кто-то действительно может погнаться за мной. Только через пять минут я наконец-то успокоилась, выпила стакан воды, наконец, сменила халат, на футболку и джинсы.

Кому нужна какая-то медсестра, пусть и слышавшая разговор с угрозами? Да подобное в нашем хирургическом отделении случается чуть ли не каждый день: взволнованные родственники на нервах и не такое могут заявить врачу. Но я продолжала ловить себя на мысли, что лицо мужчины мне кажется знакомым, но он точно не из бывших моих пациентов, такие, как он, предпочитают дорогие частные клиники, и вряд ли кто-то из его родственников лечится у нас. Впрочем, сейчас, не он меня должен волновать. Меня ждут подруги.

Я вышла из сестринской, и с облегчением поняла, что в коридоре никого не осталось. Ну, хоть можно спокойно идти, к девочкам, что в это самое время меня уже дожидались у выхода из отделения.

Вместе с подругами мы отправились к Тане. Благо идти было совершенно недалеко. Она, как и я, жила с родителями неподалеку от больницы.

Войдя в квартиру, мы направились на кухню, У Тани дома всегда пахло свежей выпечкой. Лидия Степановна, уйдя на пенсию, баловала домашних — пирогами и ватрушками. К сожалению, у меня дома, кроме удушливых едких запахов медикаментов редко удавалось ощутить какие-либо сильные ароматы.

Таня тут же поставила чайник, выгрузила на кухонный стол небольшой торт и воткнула свечи. К счастью, она предпочла цифрами, иначе торт был бы похож на маленького ежика.

«Двадцать лет — это много или мало?», вяло подумала я, набирая в лёгкие воздух, чтобы затушить свечи. Но бойкая Олеся напомнила, что сначала не мешало бы загадать желание. А то как-то совсем уж уныло. День рождение это или как?

Главным моим желанием ужестолько лет было, чтобы брат выздоровел. Я загадывала его из года год на все праздники: день рождения, Новый год, даже на падающую звезду. Да что там, я даже святым молилась, чтобы произошло чудо. Но уввы... Чудеса чудесами, а на лечение нужны деньги.

Я отвела взгляд, чтобы скрыть набежавшие так некстати слёзы. Ещё не хватало испортить настроение девочкам.

Неожиданно, на глаза попался женский журнал о моде, с обложки которого мне улыбалась известная модель Валерия Литовски. Безумно красивая девушка с блестящими волосами и идеально правильными чертами лица. Я часто брала у девочек журналы, чтобы прочитать о ней. Слишком ее история напоминала сказку о золушке. Девушка из глубинки, покорила владельца модельного агентства своей красотой и теперь купалась в роскоши. Ей не надо допоздна работать. А все потому что, она родилась такой.

Я грустно вздохнула, давно смирилась, что такой мне не быть. Если с внешностью, что то можно сделать, то с ростом нет. Да и тратить деньги на такую чушь, когда жизнь брата висит на волоске?

И все равно я продолжала пялиться на обложку. Сложно оторвать взгляд от улыбчивой девушки. В ее жизни нет проблем, и все благодаря красоте, а теперь и деньгам. Всему, чего у меня нет.

Но сегодня я обещаю, что у нашей семьи все будет. Мы справимся! Как-нибудь переживем и этот новый кризис, а мама обязательно найдет работу. Вдруг повезет найти с хорошей зарплатой? После всего, что мы пережили должно же когда-нибудь повезти.

Пора собираться в клуб, но мне не в чем пойти, и даже в свой день рождения придется отправиться во взятом займы у подруги платье. Таня говорит, что все нормально, что это обычная практика. Но я знаю, что это ненормально, и я все сделаю, чтобы такого не повторилось больше, я обязательно найду способ заработать.

Глава 2

Утро встретило меня дикой головной болью, отдающей в виски. Казалось, каждая клеточка моего тела горит от этой нескончаемой агонии. Не было сил даже открыть глаза, не то, чтобы встать. Почему же так больно? Словно я попала асфальтоукладывающий каток, а не мирно отмечала свой день рождения в клубе. Да уж! Никогда не ходила по таким местам, так не стоило и начинать. А сейчас еще нужно встать на работу, иначе мама сама отправится меня будить. Она ни слова не скажет о ночной гулянке, промолчит, что никогда не позволяла себе подобного, и, скорее всего, грустно вздохнет, что не может дать мне другого будущего престижного института, безбашенной молодости вороха различных нарядов. Вместо этого я должна заботиться о семье, хотя, на мамин взгляд, мне пора уже подумать о своей. Но могла ли я бросить родных на произвол судьбы, отлично зная, как плачет ночами мама от безысходности, зная, что они скандалят с отцом из-за вечной нехватки денег, из-за того, что ему приходится вспахивать на нескольких работах. Он винит маму еще и потому, что именно она хотела второго ребенка, в том что малыш родился с пороком сердца, а врачи не увидели это вовремя. Утром я обнимала ее, и говорила, что ничего, все лечится, и Ваня обязательно выздоровеет.

Я продолжаю лежать и все еще жду, когда прозвенит будильник. На завтрак меня, как всегда ждет овсянка. И не потому, что это полезно, хоть мама в который раз и заверит в этом. Просто так овсянка одна из самых дешевых круп, а нам, как никогда, нужно экономить, после того как, она потеряла работу. Хотя экономить нам нужно всегда. Чтобы хоть как-нибудь сводить концы с концами, чтобы накопить на вожделенную и так жизненно необходимую для Вани операцию. А ведь время стремительно утекает, и мы можем не успеть, мой брат просто может не дожить, до того как, получится накопить нужную сумму, и накопим ли мы ее с этими вечными долгами. А ведь и цена на саму операцию может возрасти. Это мысль приводит меня в отчаяние, хоть я и понимаю, что нужно стараться об этом не думать. Мы найдем деньги, мама обязательно устроится куда-нибудь устроиться работать, да и я что-нибудь придумаю.

Слишком свежи были в памяти воспоминания о последнем приступе, бледный, весь в поту шестилетний Ваня, вцепившейся ледяной рукой в мою руку, и пытающийся нормально дышать и унять слезы. Его голос звучал совсем тихо, когда он спрашивал меня умрет ли он. В его возрасте дети не должны думать о смерти, не то, чтобы так близко к ней подступать. В его возрасте дети должны веселиться, бегать целыми днями на улице, играть в мяч, кататься на горке, а не тихо смотреть на все из окна, прекрасно зная в свои шесть лет, что то, что для какого обычная жизнь для него запретный плод. Подобная активность попросту убьёт его. Только операция подарит ему нормальную жизнь. Я отлично понимала, что кроме членов семьи маленькому Ване надеяться не на кого.

Мы обращались уже в благотворительный фонд, только толку от этого не было, лишь одни проблемы. Нет, деньги собрали, но вот только один из организаторов этого фонда попросту удрал с ними куда-то за границу, поэтому оставалось надеяться только на себя.

Время шло, но будить меня никто не торопился, ни мама, ни Ваня, который сейчас не ходил в детский сад, пока она была дома. Ни к чему тратить деньги на садик, пока она не найдет работу. Быть может, мои родные уже решили, что я давно встала и ушла на работу? Что ж пора вставать.

Я только успела об этом подумать, как почувствовала, на себе чью-то руку, открыла глаза и тут же застыла едва сдержав крик, рядом со мной спал мужчина, незнакомый мне мужчина, который по-хозяйски обнимал меня. Каким-то чудом, я все-таки смогла вырваться из его захвата, который я раньше приняла за объятия, и он перекатился на другую половину кровати, непривычно огромной кровати. И только сейчас мне бросились в глаза голубые обои, и я, наконец, огляделась, и мое затуманенное алкоголем сознание возвестило, что ко всему прочему, я еще и очутилась черти где. Хотя, с другой стороны, это лучше, чем я бы оказалась дома, я никак не могла оторвать взгляд от красноречиво разбросанного на полу белья и одежды, слишком ясно свидетельствующих о том как прошла эта ночь. Впрочем, я бы и без этого смогла догадаться. Похоже, я подцепила его в клубе и, к своему ужасу, осознала, что даже имени его не помню.

Хотя, с другой стороны, это лучше, чем я бы оказалась дома, я никак не могла оторвать взгляд от красноречиво разбросанного на полу

белья и одежды, слишком ясно свидетельствующих о том как прошла эта ночь. Впрочем, я бы и без этого смогла догадаться. Похоже, я подцепила его в клубе и, к своему ужасу, осознала, что даже имени его не помню. И это мой первый мужчина?! Происходящее напоминало катастрофу, я, конечно, никогда не мечтала о какой-то великой любви, слишком хорошо знала, что она бывает только в книжках, но никогда не думала, что все будет так.

Нужно было побыстрее отсюда убраться, поскорее забыть все это как страшный сон. Тем более мне нужно спешить на работу, я наверняка уже опаздывала. Вот думала бы я о работе вчера, глядишь тут не оказалась, и, вообще, нечего было ходить по клубам, когда в семье такие проблемы.

Я поднялась с кровати, чувствуя при этом себя как-то странно. Словно слабый ток прошел по всему телу, вновь и вновь отдавая в виски. Хотя, чего я хотела? Это ж надо напиться до такой степени, чтобы не помнить, где ночевала и с кем. Нужно поскорее найти свою одежду, и поскорее убраться из этого кошмара. Вот тут-то меня поджидал первой неприятный сюрприз, среди разбросанной на полу одежды моей не нашлось, я уже подумывала поискать, ее в другой комнате. Как вдруг краем глаза увидела свое отражение в огромном зеркале над деревянным резным комодом, и едва сдержала крик.

Нет, там не было никаких последствий вчерашней бессонной безбашенной ночи. Впрочем, на счет безбашенности я могла лишь только догадываться. Ибо плохо помнила, что произошло после того, как мы с девочками зашли в клуб.

С лицом было все отлично, даже слишком, вот только оно никак не походило на мое, и в этом и была проблема. Огромные васильковые глаза, смотревшие на меня с легким удивлением, высокие скулы, острый подбородок, кожа без единого изъяна. Это лицо я знала, столько раз видела в журналах, лицо Леры Литвински, той самой модели, о которой я думала вчера.

Посмотрела на руки, и только сейчас заметила, длинные идеальной формы ногти покрыты розовым лаком. И как я его раньше не заметила? Мне как медсестре подобное запрещено, только прозрачный лак. Провела рукой по длинным, по самую поясницу волосам, затянутым в высокий хвост, так непохожим на мой мишеный хвостик, напоминающий больше солону.

Коснулась слегка выступающих ключиц, в полном неверии дотронулась до абсолютно плоского, немного впалого живота. Все казалось таким реальным. Но так не бывает настойчиво пульсировало у меня в голове. Это что сон? Не успев обдумать мысль, как зазвонил телефон. Песня звучала настойчиво и громко, и, конечно же, разбудила моего... любовника?!

— Лера! Черт возьми... ответь, наконец! — прозвучал голос из-за спины.

Но этот голос был мне знаком. Его обладателя я видела вживую лишь однажды, но запомнила точно на всю жизнь. На кровати лежал тот самый мужчина, который угрожал нашему заведующему всего сутки назад. Тот самый мужчина, которого лучше не злить.

— Лера, да возьми, наконец, трубку!

Наверное, если бы этот голос действительно принадлежал мужчине, которого я встретила в жизни впервые, я бы набралась храбрости: и сказала, что я никакая не Лера, и попыталась хоть что-то объяснить, но этому человеку не нужны мои объяснения лишь подчинение.

Дрожащими пальцами, я потянулась к телефону, и взяла его с такой осторожностью, будто он был живой гадюкой. На дисплее какой-то очередной версии айфона высветилось «менеджер Аня». Затаив дыхание, я все-таки провела пальцем по экрану, чтобы принять звонок.

— Лера, где ты пропадаешь? — собеседница была настолько зла, что даже не стала здороваться. — Ты должна была уже приехать как десять минут назад. — Или думаешь поучаствовала в нескольких зарубежных показах и звезда?

— Что молчишь? — не успокаивалась она. — В клубе всю ночь прохлаждалась? — Чтобы через полчаса была здесь. Не слышу ответа.

— Эээ... Буду, — тихо произнесла я, только потому, что нужно было что-то ответить. Собственный голос показался незнакомым, каким-то низким грудным, так непохожим на собственный.

— Все? — мягко спросил мужчина. — Может быть, вернешься в постель? Иди ко мне, милая.

Я чуть не выронила из рук телефон.

Я чуть не выронила телефон из рук, и с ужасом посмотрела на него, чувствуя, как предательски задрожали колени. Вот сейчас я готова была готова на все что угодно: бежать изо всех сил, кричать, что не Лера, все

что угодно, чтобы не приближаться к нему.

— Не хочешь? — он удивленно изогнул бровь, как будто это было самое большое удивление в его жизни. Еще бы накаченный и мускулистый, он выглядел как девичья мечта, но это не уменьшало мой ужас от подобного предположения. Этого мужчину я не знала, и честно говоря после короткой встречи в больницы не хотела узнавать.

Светлые глаза внимательно смотрели на меня, изучая и анализируя. Он догадывается, не может не догадаться, что здесь что-то не так.

Я почувствовала ком в горле, на меня накатывала паника, но я все же заставила себя выдать:

— Не могу. Я уже опаздываю. Нужно ехать.

Последнее казалось самым правильным решением. Нужно поскорее покинуть квартиру, найти Леру, а не стоять здесь столбом перед незнакомым мужчиной.

— Ах, да репетиция показа, — сказал он, явно много зная о ее делах. Ну конечно, в последнем, прочитанном мною интервью Лера говорила, что-то об откладывающейся свадьбе и женихе. Конечно, это был он. Вот только я никак не могла вспомнить его имя.

— Я тебя отвезу.

А вот это в мои планы не входило.

— Я сама.

В голове стучала только одна мысль поскорее убраться от него подальше.

— Ты уже сама доездила. Теперь машину в ремонт сдавать. Я отвезу.

Он встал с кровати, и сделал по направлению ко мне шаг. Всего лишь один шаг, который заставил меня обратиться в бегство:

— Я в ванную, — сказала я, пулей вылетев в коридор, лишь закрыв за собой дверь. Сердце бешено колотилось о ребра, единственное желание, которое у меня было, это поскорее покинуть эту квартиру, однако, выходить на улицу в трусах и футболке было точно не самым правильным выбором. И это мне еще нужно сказать спасибо Лере за ее привычку спать хоть в какой-нибудь одежде. Оставалось только мечтательно бросить взгляд на входную дверь и пойти искать ванную комнату. Квартира была поразительно огромной, в особенности по сравнению с нашей хрущевкой, и здесь легко можно было заблудиться, поэтому ванную я нашла с третьей попытки, перед этим заглянув, в

гостиную и в мини-спортзал, и что-то, напоминающее кабинет. К счастью, ухажер Леры этого не видел, иначе бы явно понял неладное.

Найдя, наконец, нужную комнату, я тут закрылась на защелку, страх никак не отпускал меня, нужно было хоть чуть-чуть успокоиться. Но из зеркала на меня по-прежнему смотрело чужое пусть и прекрасное лицо, лицо испуганной Леры. Как, вообще, могло такое случиться? И, самое главное, что теперь делать?

Чтобы хоть чуть немного дрожь, сделала глоток воды прямо из-под крана, чтобы хоть как-то успокоиться, слегка ополоснула лицо, холодная вода бодрила, и заставляла чувствовать себя лучше. Ничего страшного, если жених Леры меня подвезет, не будет же он меня до самой двери провожать, а оттуда уже доберусь до дома на общественном транспорте. Кстати, о доме...

Если я очутилась здесь, значит, Лера проснулась у меня дома. В комнате, которую мы делим с братом. Я с ужасом представила, как наверно испугался Ваня, когда она в моем теле, сказала, что я не его сестра. А ведь ему нельзя нервничать, нельзя переживать, это может ускорить наступление очередного приступа. К счастью, я прихватила с собой телефон.

Я быстро набрала собственный номер, приготовилась услышать собственный голос, должна же она ответить, у нее же не меньше меня вопросов. Но после многочисленных гудков я услышала лишь, абонент не отвечает. Тогда я набрала маме, но она тоже не взяла трубку. Скорей всего она занята. Вряд ли Лера также спокойно отреагировала на подобную перемену, это я очутилась в теле модели в шикарной квартире, наверняка девушка закатит истерику, если уже не закатила, а бедные перепуганные, Ваня с мамой будут на это смотреть. Я уже хотела выйти из ванной, как вспомнила про работу. Все— аки стоит предупредить, что меня сегодня не будет, если я ее потеряю для моей семьи это будет ударом похлеще, чем творящаяся чертовщина.

В этот раз мне повезло, трубку взяли достаточно быстро:

— Хирургическое отделение, — услышала я знакомый голос Даши, с которой у меня сегодня и должна была состояться смена.

— Алена Сотникова сегодня на работу не придет, — сказала я, ожидая каких-то вопросов. Например, что она удивится, почему не позвонила я сама или моя мать, ее Даша тоже знала, или хотя бы поинтересуется сама. Но девушка лишь проронила:

— Уже знаем.

Наверно, мама поняв неладное, уже позвонила на работу. Вот только что-то было в ее словах, что-то грустное и покорное судьбе. Но мне некогда было заострять на этом внимание. Даша вполне могла просто расстроиться, что ей сегодня придется работать в одиночку, если Марина Игоревна не найдет мне подмену.

Как только я положила трубку, то услышала из коридора:

— Ты там скоро любимая?

— Да милый, — ответила я. Голос звучал фальшиво, но жених Леры ничего не заметил, осталось только поездку продержаться.

Я вновь вернулась в спальню Леры, открыла в поисках одежды огромный платяной шкаф, занимающий всю стену, и застыла, как замороженная. Столько нарядов, различных платьев комбинезонов сумок, наверняка часть вещей была привезена из-за границы. Не удержалась и провела рукой по легкой гладкой ткани платья из алого шелка. Почему-то в голову пришла мысль. Наверно за те деньги, которые можно выручить за это платье, может, хватит, чтобы купить месячный запас лекарств для брата, а то и еще останется. Впрочем, я тут же ее прогнала, чужого мне точно не надо, ничего хорошего оно не приносит. Из всех многочисленных вещей Леры, я решила выбрать, что-то более неброское и недорогое и легкое, все-таки мне предстояла поездка в общественном транспорте в самое пекло. Мой взгляд попадает на легкий летний голубой комбинезон, из летящей хлопковой ткани, украшенный белым кружевом. Очень красивая, но в то же время простая вещь, мягкая приятная телу ткань. Что ж пора ехать, я, итак, долго провозилась с выбором одежды. Уж лучше не заставлять «жениха» ждать.

— Ты уже все?

— Да.

Кажется, он вовсе не считает, что я слишком долго собиралась?! И даже немного изумлен моим скорым появлением.

— И краситься не будешь?

Я лишь покачала головой и вижу все еще большое удивление в его глазах, прикусила губу, ибо допустила ошибку. Ибо во всех интервью Лера Литвински говорила, что ни за что и никогда не выйдет без косметики, и я об этом прекрасно знала. Вот только я не умела краситься. Да и учитывая огромную различия баночек и тюбиков с

иностранными этикетками, понимала, что сейчас не время начинать, и банально не смогу разобраться с этим богатством, не то что повторить обычный макияж Леры.

Мужчина промолчал, и мы направились к выходу из квартиры. Я попыталась открыть дверь, но ключ никак не хотел поворачиваться в замочной скважине. Провозившись с минуту, я повернулась к своему сопровождающему.

— Ключ заел.

— Дай, я попробую.

И он без труда открыл дверь, и в очередной раз с удивлением посмотрел на меня.

— С тобой все нормально? — Он казался действительно обеспокоенным. Сейчас его голос казался совсем другим, нисколько непохожим на тот, что я слышала в больнице.

Я лишь пожала плечами. Нормального в моей ситуации было ничего, но жениху Леры незачем было об этом знать.

Путь до автомобиля мы проделали в полном молчании, что меня полностью устраивало. Я старалась не отставать от моего сопровождавшего, из-за чего толком не получилось рассмотреть незнакомый для себя район. Мужчина открыл для меня переднюю дверь, и я села в автомобиль, и через несколько мгновений автомобиль уже выруливал с парковки, а жених Леры положил мне руку на колено, отчего я тут же вздрогнула. К моему счастью, он истолковал ситуацию по-своему.

— Лера, ты все еще обижена за вчерашнее? — спросил он, когда автомобиль выехал на оживленную трассу.

Еще бы знать, что именно было у них вчера, но все-таки выбрала самый безопасный ответ:

— Нет.

Однако мой собеседник в искренность ответа ни грамма не поверил и истолковал все по-своему:

— Мы все сделали правильно Лера. Другого выхода не было.

Я напряглась и уже хотела спросить, что именно сделали, но тут же прикусила язык, это меня не касается. Вот только меня не покидало чувство, что чтобы это ни было, вряд ли оно подпадало в разряд правильного или хотя бы законного.

— Но все-таки завязывай с этими клубами. Ни к чему хорошему

это не приведет, — сказал он, явно поморщившись.

Получается, Лера тоже вчера была в ночном клубе, и мы с ней пересеклись? Я упорно пыталась вспомнить, что же произошло ночью, но ничего после прохождения фейсконтроля не помнила, а попытка хоть как-то убрать эту завесу отдалась лишь приступом головной боли в висках, от которого я тут же поморщилась.

— К сожалению, сегодняшней поход в ресторан отменяется.

Он сказал это так, как будто я действительно могла обидеться. Хотя, кто знает, может быть Лера и могла. — Мне нужно уехать по делам дня на два.

Я лишь пожалала плечами, не зная, что на это сказать. К моему облегчению, мы уже прибыли к месту назначения, красивому зданию с лепными колоннами, на котором я увидела надпись из золотых букв «Гостиный двор».

— Удачи!

Я уже собралась сама выйти из машины, как меня почувствовала чужое горячее дыхание, рука мужчины легла мне талию, а его губы впились в мои, жадно и ненасытно, подавляя любое сопротивление, и только через несколько мгновений я смогла обрести над собой контроль и отстраниться.

— Мне пора.

Сердце бешено стучало, я чувствовала, как краснеют щеки, поэтому быстро ринулась из прохладного охлажденного салона хэтчбека, в московскую жару.

Автомобиль уже скрылся из виду, но я все еще чувствовала вкус чужих губ, ощущала его терпкий запах своей коже, и никак не могла отойти от произошедшего. В моей жизни не было таких поцелуев, меня никогда не целовали так, как этот чужой мне мужчина. Провела рукой попытке стереть вкус его губ. Я все еще чувствовала мандраж по всему телу.

Нужно скорее выдвигаться к ближайшей общественной остановке. Но только развернулась, то меня окликнули.

— Лера!

Не успела.

Глава 3

Нужно скорее выдвигаться к ближайшей общественной остановке. Но только я успела, развернулась, как услышала.

— Лера!

Не успела.

Я медленно повернулась, вой взгляд тут же упал на женщину, облаченную в строгий деловой костюм. Если не рассерженный вид, то ее вполне можно было назвать красивой, и судя по интонации крика, эта ярость была направлена на меня:

— Почему так долго? — спросила она меня. Похоже, это и была менеджер Аня, с которой я недавно говорила по телефону.

Она внимательно меня оглядела:

— И почему на тебе комбинезон от Вонга? Ты же знаешь Пьетро, он его ненавидит. — Казалось, ее глаза были полны ужаса, как будто я совершила действительно страшную ошибку. Я даже имени дизайнера не знала, ни первого ни второго, за модой я не следила, это мне было ни к чему. Поэтому отличить обычную вещь от-кутюр было мне не по силам.

— Запасное платье есть?

В ответ на мое замешательство, она добавила:

Лера, я всегда учила тебя на всякий случай хранить запасное платье в сумочке.

Я тут открыла сумку и, к своему удивлению, действительно нащупала какой-то сверток ткани, очевидно, являющийся платьем.

— Есть.

— Сейчас же идем переодеваться, — и не дожидаясь ответа? схватила за руку и потащила в сторону здания.

— Если ты спишь с шефом, Лера, это не значит, что ты имеешь право срывать контракт и другим девочкам. Андрей, тебя по головке за это не погладит, — высказывала она мне по дороге.

Значит, сегодня я проснулась в компании с владельцем модельного агентства, замечательно, теперь хоть имя удалось узнать имя того, с кем провела ночь.

Аня по-прежнему продолжала тащить меня к входу, рука заняла от

ее крепкой хватки. Но женщина нисколько не обращала внимания на это, лишь продолжала:

— Лера-Лера, — покачала она головой. — Ты не первая модель в его постели, и не факт, что у тебя получится довести его загса.

Так не могла говорить просто коллега, скорее всего, они были подругами, и наверно дружили еще давно еще до того, как Лера стала известной и явно не была в восторге от этой интрижки.

— А вот если испортишь с ним отношения, на твоей карьере можно поставить крест.

— Почему? — не удержалась от вопроса я. Мне казалось в модельном бизнесе важны только внешние данные.

— Потому, что пока не истек контракт, твоя судьба в его руках. Сколько я тебе объясняла, — вздохнула Аня. Мы зашли в здание и менеджер уверенно повела меня через лабиринты из различных коридоров, я едва успевала за ней, похоже, мы действительно опаздывали на эту репетицию. Единственное пришлось сделать остановку в примерочной одного из здешних магазинчиков, чтобы я сменила одежду.

Всю дорогу я пыталась придумать предлог, чтобы избежать подобного, но ничего подходящего в голову не приходило, оставалось лишь подчиниться неизбежному. Впрочем, это всего лишь репетиция, а значит, никакого вреда карьере Леры я не нанесу. Зато смогу узнать, что-нибудь интересное, успокаивала я себя.

Менеджер привела меня в закулисы за сценой, которое сейчас напоминало огромную гримерную, где сбилось около пятнадцати стройных длинноногих девушек. Увидев меня одна из них со светлыми волосами, вышла вперед, и сказала:

— А вот и Лера, — и все взгляды устремились на меня. — А мы уже все тут переживали, — сказала она с показным беспокойством, хотя в ее тоне читалось, что надежда что я не приду. Она подошла ко мне и расцеловала в обе щеки, вот только в этом приветствии не было ни грамма искренности, это больше напоминало поцелуй Иуды.

Ее звали Ева. Эту модель я знала, она не была слишком известной, я читала о ней, когда изучала историю Леры. Та самая подруга, которую не взяли в свое время на кастинге, когда выбрали Леру, которая даже не собиралась участвовать. А пришла за компанию. Каково это было получить отказ тогда?! Каково это, когда весь мир, обсуждал удачу

Леры, каждый раз касаясь ее поражения?! И знает ли Литвински, в чьем теле я сейчас нахожусь, что дражайшая подруга будет первой кто ударит ей в спину, как только подвернется возможность. Даже я это понимала. Это явно читалось в глазах, неприкрытая ненависть, подслащенная мягкой улыбкой. Впрочем, это не мое дело, как и отношения Леры с женихом, для меня все скоро закончится, и я вновь вернусь к своим проблемам. Однако сейчас в ее присутствии все-таки стоит держать ухо востро.

— Как Андрей? — сладко произнесла она звонким голосом, в котором так и чувствовался яд. Она ненавидела ее еще и за это, за то, что закрутила роман с боссом. С чем именно это было связано я не знала, это могла быть и зависть, так и что-то личное, у Андрея вполне мог быть роман с ней когда-то. Личностью жениха Леры я не интересовалась. Это как в сказках, никто по-настоящему не интересуется принцем, достаточно того, что он принц.

— Когда свадьба? — Вопрос звучал мягко, но я чувствовала в нем попытку задеть. Наверно, это болезненная тема для Леры

— Все хорошо, готовимся-, сказала я. И в это время отворилась дверь.

В помещение зашел мужчина в розовой рубашки и клетчатых синих брюках, слишком облегающих, на мой взгляд. Мне тут же в глаза бросилось, что по краям его волосы были покрашены в бордовый цвет. Судя по виду это и был Пьетро, о котором говорила Аня. А за ним, словно свита за королем, следовали мужчины и женщины, облаченные поверх одежды черных передников, из карманов которых виднелись многочисленные расчески и зажимы, очевидно, стилисты.

Модельер обвел всех взглядом и остановился на мне:

— О вот и моя муза прибыла. Роза среди прочих цветов, — подошел он и поцеловал мне руку. Спиной я чувствовала, как меня сверлят взгляды других девушек. Они продолжали улыбаться, будто его слова нисколько не задевали их, словно им приятно это слышать. В конце концов, им за это платили.

— Что ж пора готовиться, — и он отвернулся к своей свите и отдал им какие-то распоряжения.,

Двое стилистов меня тут же усадили меня на стул и закипела работа, Мои (точнее, Лерины) волосы, зачесывали, крутили на стайлер, и постоянно брызгали лаком, до такой степени что, они казались

деревянным. Никогда не думала что запах лака может быть пострашнее больничной хлорки. Тело все затекло от бесконечного неподвижного сидения, к которому я не привыкла. Нельзя была даже потереть лицо, над которым трудился визажист, я чувствовала себя холстом, на котором рисуют нужную картину. Слишком много было баночек и тюбиков использовал мастер, покрывая мое лицо многочисленными слоями косметики.

Хуже всего оказалось то, что меня усадили в самом центре, так как другим мастерам нужно было все повторить, ибо макияж у всех должен быть одинаковый. Подготовка девушек затянулась на несколько часов, и я всерьез задумалась, к чему это все, если у нас сегодня только репетиция? Зачем тратить деньги на стилистов и время. Особенно я переживала насчет последнего.

Нет, конечно, приятно, оказаться в руках специалистов по красоте, и мое отражение в зеркале лишь показывало их профессионализм. Но лучше бы я потратила это время на что-нибудь другое, например, съездила за лекарствами для брата, до нужной аптеки путь был неблизкий, и после работы обычно было не так уж легко туда добраться.

Из мыслей меня вырвал телефонный звонок, звони не мне, а одной из девушек, она была среди запасных:

— Да, милый, — ответила она, поднеся мобильник к уху. — Да, показ — это на весь день. Увидимся вечером.

— Сегодня Показ?! — испуганно произнесла я, наконец, понимая, что серьезно влипла.

— Так, они всегда вместе в один день с репетициями, — произнес парикмахер, стоящий рядом со мной, таким тоном, как будто сообщил будто это было само разумеющееся, и тем самым разрушил мою надежду на то, что я неправильно все поняла.

В голову ударила паника. Я почувствовала, как ком подкатывает к горлу, и закашлялась, вновь заставив обратить на себя внимание других девушек. Я серьезно вляпалась, одно дело завалить какую-то репетицию, а другое показ мод. Да Лера меня в порошок сотрет. Удивительно, как только она еще не обрывает телефон многочисленными звонками? Или, быть может, что-то случилось?

Но думать об этом было некогда, нужно было решать текущие проблемы, и для начала пережить предстоящее мероприятие. В конце концов, мне нужно лишь пройти по подиуму туда обратно, это не

страшно, я видела это столько по телевизору, когда была в гостях у Тани. Она обожала смотреть шоу «Топ-модель по-американски».

Настало время одеваться. Модельер лично подходил удостовериться, что все в порядке вещи одеты правильно, и ничто из мелочей не забыто, постоянно останавливаясь, и что-то подправляя на девушках. Попутно он отрывался и на рабочие проблемы, например, на рассадку журналистов. Рядом расхаживал администратор, который должен был следить за очередностью выходов моделей, и помогать им быстро переодеваться.

К этому времени я уже успела немного успокоиться. Сейчас посмотрю, как другие девочки будут идти, авось смогу повторить. Тем более, если идти буду десятой, то никто и не заметит огрехи с моей стороны. Но увы, моим мечтам было не суждено воплотиться в реальность.

— Первая идет Лера. Покажет вам мастер-класс, — озвучил Пьетро, удаляясь в зал, и лишая меня какой-либо надежды.

Я почувствовала, как предательски задрожали колени, мне бы просто пройти было, а не мастер классы показывать. Но мне все-таки пришлось выйти на подиум, под музыку и многочисленные вспышки фотоаппаратов. Такие яркие, что с непривычки, они ослепляли меня.

В почти пустом зале кроме модельера, сидели несколько человек, и о чем то жарко дискутировали, но сам Пьетро смотрел только на меня... И только я дошла до конца подиума и уже думала, что можно облегченно вздохнуть, то услышала:

— Ты не Лера, — бросил модельер. И я замерла, с меня словно сорвали маску и застали на месте преступления.

Ни жених Леры, ни менеджер, с которой она дружила не догадались о подмене. И даже злостная подруга соперница не заподозрила неладное. Лишь только он, человек, который знал леру только по работе все понял. Он смотрел на меня словно видел насквозь, словно мог лицезреть мою настоящую внешность.

— Ты не нимфа, — сказал Пьетро, качая головой, на его лице читалось огромное разочарование.

— Ты не нимфа, — сказал Пьетро, качая головой, на его лице читалось огромное разочарование. — Ни грации, ни лоска, ничего. Так только доярка будет ходить, — хмыкнул он и наморщил лоб. Это Андрей надоумил сорвать мой показ? — казалось, его голос сорвется на

фальцет, настолько он был в ярости, что сорвался с места.

— Жан, они хотят мне сорвать показ, — крикнул он кому-то. — Катастрофа! Это просто катастрофа! Провал! — возмущался он, активно размахивая руками

Я застыла, не зная, что делать и смотрела разгорячённого модельера. На его возмущенные крики пришла Аня. Менеджер пришла менеджер, она выглядела такой невозмутимой, будто бы ни перед ней сейчас известный модельер рассылал проклятья и кричал о происках конкурентов, словно подобное поведение дизайнеров для нее было вполне обычным:

— Что случилось, Пьетро? — спросила она. Ее голос звучал удивительно ровно и бесстрастно, удивительно контрастируя с яростными воплями модельера.

Пьетро не в силах уже ничего не говорить, лишь красноречиво посмотрел на меня. Один из его соседей с намотанным на шею шарфом: встал и сказал:

— Это было ужасно. Анна Владимровна. Начинающие модели ходят лучше.

Менеджер кивнула ему и перевела взгляд на кутюрье.

-Все в порядке Пьетро, все хорошо, — сказала она таким тоном, каким я обычно пыталась успокоить Ваню — . Просто Лера потянула лодыжку, но из любви к тебе никак не могла пропустить показ. — не моргнув, глазом соврала она. — Ты же самый любимый ее модельер, она с твоими вещами никак расстаться не может, говорит, что ты получше всех западных кутюрье.

Пьетро тут же перевел на нее взгляд, ему явно льстили ее слова.

— Вот и совершила, девочка, глупость. Ты же видишь, у нее все лицо искажено от боли, — она махнула в мою сторону. Да выглядела я, скорее всего, неважно, до такой степени, что на лице кутюрье появилось сочувствие. — И все равно, на показ поехала наплевав на все заверения врача.

— И как это получилось? — спросил он, непонятно к кому обращаясь из нас, то ли к Ане, то и ко мне.

— Ты же знаешь Андрея, — Анна картинно прикрыла глаза.

— Мужлан есть мужлан, — кивнул модельер, похоже, владельца модельного агентства он не слишком жаловал. — Совсем не понимает, что такие цветки нужно беречь.

Аня лишь на это улыбнулась.

— Будем надеяться, что после свадьбы начнет, — Аня на мгновение бросила взгляд в мою сторону. — Лера вот мечтает о свадебном платье твоего авторства.

— Будет, будет, — сказал он довольный и обратился ко мне.

— Ну, что ж рыба моя, иди лечись, но я все-таки учту твою попытку, — сейчас голос звучал достаточно мягко с некоторой толикой грусти.

Теперь же он повернулся к менеджеру

— Но что мне теперь делать? — услышала я удаляясь в закулисы. — Мне нужна звезда. Мне нужен фурор. — говорил Пьетро манерно растягивая слова.

— Позвольте мне заменить Леру? — услышала я и через мгновение, ожидаемо увидела Еву, изящно шедшую среди света софитов. Она явно решила воспользоваться оплошностью соперницы и занять ее место. Но мне было на это все равно. Все, что мне хотелось сделать это быстрее сбежать отсюда. В за кулисы на меня вопросительно поглядывали другие модели, но никто не пытался со мной поговорить. Что-либо пояснить остальным девушкам было для меня самым последним желанием. Я села на пуф. С радостью сняла неудобные туфли на слишком высоких каблуках, и отбросила и подальше. Стараясь ни на кого не смотреть, я быстро переоделась. Нужно поскорее отсюда выбраться, вернуться домой и забыть этот длинный день. Произошедшее жгло горечью разочарования, еще бы опозориться при стольких людях Это было ожидаемо, но почему-то довольно неприятно. Но в конце концов, это была чужая жизнь. И совсем скоро все вернется на круги.

Я уже направилась к выходу, но моим мечтам вновь не суждено было сбыться в дверях меня ждала Аня. И вид у нее сейчас был далек от миролюбивого.

Женщина тут же схватила меня за руку и потащила в безлюдный коридор, подальше от чужих ушей.

— Лера, что ты вытворяешь? — прижала она меня к стенке. — Тебя что конкуренты купили? Или ты ходить по подиуму разучилась? Преподавателя нанять?

Ее лицо было перекошено от ярости, настолько, что я серьезно испугалась. Казалось, еще секунда, и она меня ударит.

— Что это, вообще, такое? Может ответишь, наконец? — кричала она в попытке выбить хоть какой-нибудь ответ.

— Нервы, — выдала я, первое что пришло на ум. И это было правдой, точнее, частью правды, в которую она нисколько бы не поверила.

— Нервы у тебя, побывавшей на подиуме Парижа и Милана? — усмехнулась она и ослабила хватку. — Не верю.

Сердце бешено билось, всем своим существом я искала выход из ситуации. Потому что в правду она действительно не поверит. Я бы точно не поверила. Еще бы и диагноз попробовала подобрать, перед тем, как сопроводить человека в психушку.

— Так, что происходит? — настаивала она, встав в позу руки в боки, и смотря на меня заправским взглядом бывалого следователя, расколовшего не одного преступника.

— Я потом все объясню, — крикнула я и рванула вперед, наутек. Это было единственным правильным решением, пусть Лера ей уже все объясняет.

Аня не побежала за мной. Может, не стала из-за высоких каблуков, может, посчитала, что это выше нее, лишь крикнула вдогонку:

— Мне и на фотосессию замену искать?

Но я уже неслась по запутанным коридорам здания к выходу. Только выйдя на свежий воздух, я, наконец, решила остановиться, чтобы попросту отдышаться, но все равно прислушивалась нет ли за мной погони. Это было изначально плохим решением отправиться сюда, и больше подобное я делать была не намерена.

Телефон Леры звонил не переставая. Суматошно я начала искать его в сумке, надеясь, что это мама или сама Лера. Но взяв смартфон в руки, увидела, что названивала мне именно Аня. Одним нажатием я выключила мобильник, и поспешила к ближайшей остановке общественного транспорта.

Только я оказалась у проезжей части, как возле тротуара остановилась черная иномарка, из опущенного стекла автомобиля услышала:

— Девушка, вас подвезти? — произнес мужской баритон.

— Нет, спасибо, — ответила я. Мужчина повторил свое предложение еще раз. Но я еще раз отказалась, добавив голосу уверенности. Мало ли что у него было на уме.

Через полчаса подъехал нужный мне автобус, который, к сожалению, оказался забит битком, настолько, что я едва в него протиснулась. Конечно, можно было отправиться на такси, это было бы удобнее и гораздо быстрее, но мне было неудобно тратить чужие деньги, вот я и ограничилась самым необходимым. Ничего, поеду стоя, мне не привыкать. Но не успела я об этом подумать, как молодой человек уступил мне место, и поблагодарив парня, я села. Он только улыбнулся, но ничего не сказал.

Оставшийся путь до нашей старенькой хрущевки я проделала пешком. Живот уже скручивало судорогой от голода, я сегодня не успела сделать даже глотка воды, не то что поесть. Но слишком хотелось поскорее очутиться дома. Что там творит Лера в моем теле? И как там мама с Ваней?

Дойдя до родной пятиэтажки, я почти вбежала в подъезд. Домофона у нас все еще не было, и не нужно было ждать кого-то из жильцов. Быстро поднялась по лестнице на пятый. Входная дверь нашей квартиры была заперта, и я принялась в нее барабанить, в надежде на то, что хоть кто-то услышит. Но ответа все не последовало. Квартира была пуста.

От беспомощности я просто села на холодный пол и подперла дверь. Весь день я мечтала добраться домой, и оказалась перед закрытой дверью. Но самое худшее было ни это, мама не отвечала на телефонные звонки.

За этим занятием меня, сидящую на полу, и застала Тамара Петровна. Наша соседка, которая судя по пакету в ее руках, скорее всего, собиралась в магазин. Увидев ее, я тут же вскочила на ноги и выпрямилась. Соседка когда-то работала в школе и даже год была у меня классным руководителем. Но потом сменила работу педагога на халат продавца.

— Вы не знаете, куда пропала Татьяна Сотникова? — я едва не сказала мама. — Весь день не могу дозвониться.

— Понятное дело, не можешь, — протянула женщина. — Тут у нее горе такое случилось, не до звонков ей сейчас. Ребенок у нее умер.

Казалось, земля ушла из-под ног, а сердце пропусти удар. Только не это, все что угодно только не это. Этого не могло произойти. Я же видела Ваню вчера утром, с ним все было хорошо, никаких следов надвигающегося приступа, даже румянец был на щеках. Он просил

купить набор карандашей, и если получится альбом, но если не получится не страшно. Он всегда так говорил. В свои шесть лет брат отлично понимал, как нелегко семье и редко что-то просил. На глаза навалились слезы, я быстро смахнула их рукой, уже готовясь разреветься, поймала на себе взгляд соседки. Она все стояла, и чего — то ждала, будто хотела поддержать разговор.

— Такая была хорошая девочка. Семье помогала, — произнесла она, ожидая от меня хоть какого-нибудь ответа.

Но я была не в состоянии что-либо сказать. В ушах стояло «девочка, девочка». Не мальчик, не Ваня. Тело накрыла волна облегчения, казалось, я только сейчас смогла выдохнуть. Только одно было важно, что Ваня живой. И это выместило все остальные мысли, даже такую простую, что в нашей семье было двое детей.

— Алену машина сбила, когда она ночью возвращалась домой. Ее тело утром обнаружили, — рассказывала она. — Виновника не нашли, и вряд ли, похоже, найдут.

Дальше я не слушала, просто застыла в неверии, с трудом пытаюсь осознать, что Леру мне уже не найти. Все. Назад дороги не будет. А Тамара Петровна все еще рассказывала мне про мою смерть, о которой я ничего не знала.

— А вы собственно кто? Дочь Таниной подруги? Или одна из приятельниц Алены? — спохватилась она, выложив немало подробностей о моей и маминой жизни, и этим вопросом. — Я вас раньше здесь не видела.

— Дочь подруги, — ответила я первое, что пришло в голову, сжимая кулаки настолько плотно, что ноги царапали кожу до крови, так что я ощущала боль.

— Татьяну сегодня не ждите, она к тетке вместе с Ваней поехала, чтобы хоть как-то в себя прийти, — сказала соседка и спросила, — На похороны-то придете?

— Когда они? — Было странно спрашивать о собственных похоронах, но сегодня все казалось чересчур странным.

— Завтра в десять на Алексеевском кладбище, — сказала соседка, и решив, наконец, отправиться по своим делам, медленно зашагала вниз по лестнице. А я застыла, отчаянно желая прийти в себя. Во всех смыслах.

Глава 4

Смерть всегда была рядом в моей жизни, готовя пациентов к операции, я всегда понимала, что есть риск, что они могут не вернуться, даже под скальпелем самого опытного хирурга, ведь иногда и врачи оказываются не в силах помочь. Я боялась смерти Вани с самого его рождения, даже раньше чем ему поставили диагноз, мне всегда он казался хрупким и эфемерным, я переживала за родителей, с которыми что-то могло вполне случиться на работе, но я никогда не думала о собственной смерти, да и некогда мне было об этом думать.

И вот теперь я мертва, меня нет. Я легко могла представить, как летящую на огромной скорости машину, как мое тело о столкновения подбрасывает в воздух протаскивает по автомобилю, и я падаю на серый асфальт, уже с переломанной шеей. Но не могла вспомнить, как это было, лишь прокручиваю слова соседки о том, как это случилось, но в моей памяти зияющая дыра.

И сейчас, как никогда, я ненавижу себя. Одно дурацкое банальное желание, загаданное в момент слабости, и это отняло у меня жизнь, мою жизнь со всеми ее проблемами. Но хуже было другое, как мои родители справятся без меня?

Нужно было ехать к тетке, быстрее прыгать в первый же автобус, который едет в пригород, добраться до дома тети, стучать в ворота и кричать, в надежде что мне откроют, и пустят незнакомого человека в дом, и я смогу все объяснить маме. Вот только знать бы что я ей скажу. Как, вообще, возможно это объяснить? И поверит ли мне мама? Последний вопрос отдавался глубокой болью в сердце. Я не знала ответа, и никак не могла найти в себе силы узнать, просто продолжала рассеянно брести по улицам, пока не стемнело, и единственным правильным ответом не осталось отправиться домой. Точнее, не домой, ключей от квартиры родителей у меня не было, зато были ключи от жилья Леры, куда я и отправилась. С трудом, немного поблуждав по району, я нашла нужный дом, вставила в замок ключ и открыла дверь. Квартира была пуста, скинув обувь, я прошла в спальню и рухнула на кровать. Хотелось плакать, но слез не было.

Внутри как будто все застыло, словно покрылось слоем льда, земля

словно ушла у меня из-под ног все самое важное, все самое ценное, все, что раньше казалось таким нерушимым исчезло.

В дверь позвонили, и я неохотно попыталась встать. В дверь позвонили еще раз, Выходя из комнаты, я с ненавистью посмотрела на прекрасное лицо. Один раз в жизни я захотела быть красивой, захотела чужой жизни и вот получила результат.

Я подошла к двери, сердце бешено билось, пальцы рук дрожали. Меня обуревал страх. Казалось, сейчас я открою дверь, и там будет стоять Лера, настоящая хозяйка квартиры, решившая предъявить свои права и выгнать отсюда незваную самозванку.

Но вместо длинноногой модели в подъезде оказался улыбающийся во все зубы курьер.

— Это вам, — сказал он и протянул мне огромную корзину красных роз. — Распишитесь, пожалуйста, вручил он мне ручку, и блокнот.

Слегка растерявшись, я поставила несколько закорючек, после чего он тут же поспешил скрыться, желая мне приятного вечера.

Со странным чувством я занесла цветы в комнату. Вазы им не требовалась. Букет был огромным, такие я видела в основном на картинках. Я старалась не думать о том, что сколько он мог стоить. Вдохнула нежный цветочный запах, провела по нежным лепесткам и обнаружила маленькую открытку, в которой было написано: «Не скучай. Андрей».

Скучать мне действительно не приходилось. И скука по всему видимому не предвиделась. А мне ведь еще нужно решить, что делать с чужим женихом.

А еще бы лучше придумать, что собственно с этим делать?

Я никогда не любила кладбища, мне всегда на них было плохо, будто бы земля выжимала из меня все силы, будто бы здешний воздух давил в груди. И тем не менее сегодня я была здесь, на собственных похоронах, одетая, в самую неприметную одежду, которую смогла найти у Леры: джинсы и легкая коричневая толстовка, скрывающаяся фигуру.

Неприметная, словно тень, я смешалась с толпой, старалась не вглядываться в лица рядом, стоящих со мной людей, не смотреть, как ревуших подруг, которые, похоже, винули в произошедшем себя, на поднятую то и дела платок к глазам Марину Игоревну, облаченную в

черное длинное платье, которое только подчеркивало бледность ее лица. Главное, было увидеть родителей и брата. Я сделала несколько шагов, чтобы подобраться ближе, и чуть не задела локтем нашу соседку, когда услышала:

— Мама, мама, Алена не умерла. Она живая, — кричал мой маленький брат.

И я сделала еще рывок, чтобы пробраться сквозь толпу, ведомая какой-то безумной дикой надеждой, рожденной словами шестилетнего ребенка.

Мама крепко держала Ваню за руку, и не пускала ревущего ребенка к гробу. Казалось, за последние два дня, она постарела на десяток лет, а глаза, всегда лучившиеся светом и теплом, погасли.

— Мама, она же просто спит. Я ее разбужу и мы будем опять играть.

Ваня знает, что такое смерть, когда-то мы с ним говорили об этом, именно он задал мне эти вопросы. Он знает, но не хочет верить, пытаюсь хоть как-то защитить свой детский мир. А им все-таки не следовало брать его с собой.

Но, тем не менее, мой брат прав, я жива, я стою и смотрю, как моя мама едва держится на ногах, отец поддерживает ее, а у самого на глазах слезы. Я никогда не видела, чтобы он плакал. А брат продолжает звать меня. И при каждом его слове, мое сердце крошилось на части, и отдавало болью в груди. Так хотелось сорваться с места, попытаться все объяснить, успокоить, но я не могу, еще не время и не место.

В ушах стоит пронзительная тишина, прикрываемая тихим шепотом и всхлипываниями. Я смотрю на гроб, в последний раз в жизни я вижу собственное некрасивое неправильное лицо. Глаза плотно закрыты и уже больше никогда не смогут увидеть происходящее вокруг.

— Покойся с миром, Лера, тихо почти беззвучно шепчут мои губы, почему-то я знаю, что именно она умерла вместо меня.

Я вижу, как гроб накрывают крышкой, как его медленно опускают в могилу, как начинают засыпать землей, а родители смотрят на это, они не в силах оторваться от происходящего, они не в силах отвести взгляд. Мама продолжает крепко держать руку Вани, на ее лазах слезы, но она не издает ни единого звука, только плотно сжимает губы. И когда бросают последнюю горсть земли, и нужно идти, мама все еще стоит и продолжает смотреть на мою могилу. Папа пытается объяснить ей, что

нужно идти, но мама отмахивается, и посмотрев ей в глаза он, понимает, что не в силах с ней спорит Папа уводит Ваню, а вместе с ним и всех остальных людей, а мама остается у могилы, она не замечает меня, для нее я словно бесплотная тень. Я смотрю на нее, пытаюсь впитать каждую ее черточку такого родного лица, вглядываюсь в ее пушистые волосы, всегда пахнущие медом и фиалкой, к которым я так любила прижиматься, когда она обнимала меня, всматриваюсь в ранние морщины, которые появились преждевременно из-за дёрганной нервной жизни и непосильно работы, самый родной самый любимый человек она, конечно, поверит и поймет. Это тот самый человек, который мне поверит, не может не поверить. И это вера ведет меня ближе.

Она плачет, тело содрогается в рыданиях, а из груди издается вопль, больше похожий на рев раненого зверя.

— Мама, — наконец, произношу я, а сердце трепещет, ну же узнай меня. Ты же говорила, что материнское сердце подскажет, ты же говорила, что всегда чувствуешь, что со мной. Мама, не надо плакать, я ведь жива, ну же посмотри на меня.

Она удивленно поворачивает лицо, я вижу как у нее расширяются глаза от удивления, внимательно вглядывается в мое лицо, а губы дрожат от напряжения.

— Мама, — повторила я, и, судя по всему, совершила ошибку. Потому что на ее искаженном болью лице возникла гримаса злости. Она не узнает и не поймет, более того, в ее ответе я слышу ярость.

— Девушка, я не ваша мать.

И слышать это по-настоящему больно. Больно настолько, что я понимаю, признаваться, не стоит, сейчас она не поверит, отшвырнет, как надоевшую шавку, и уйдет прочь.

— Вы ведь мама Алены? — говорю я вместе заготовленного текста, вместо признаний, и вместо слов, которые хоть как-то могли доказать, что я ее дочь. — Я ее знала. Она не любила кладбища.

Кажется, последняя фраза заставляет ее слушать более внимательно, по крайней мере, она смотрит на меня.

— И она бы точно не хотела, чтобы вы плакали. Она вас любила.

С ее глаз катятся слезы:

— За ее двадцать лет я мало чего дала ей. — В мамином голосе звучит чувство вины. — Решила, пусть девочка развеется, и... — Она вновь срывается в рыдания.

— Вы любили ее, может быть, это было достаточно?! — тихо сказала я, подойдя еще ближе, так хотелось обнять и утешить, успокоить попросить ни в чем ни винить. Но для мамы я сейчас незнакомка, пусть которой можно что-то сказать.

— Что мне делать?! — вопрос не был адресован мне, это был лишь крик в пустоту, и этой пустотой была я, случайным зрителем ее горя.

— Я помогу, попробую помочь, — слова срываются с моих губ, а мама недоверчиво смотрит на меня, слишком недоверчиво она относилась к чужим приступам бескорыстности, слишком часто ей приходилась встречаться с более распространённым явлением — человеческим равнодушием.

И произнеся эти слова, я понимаю, все сделаю, в лепешку расшибусь, но деньги на операцию брата достану.

— Зачем?

— Потому что Ваня должен жить, — тихо произношу я. — Потому что я должна Алене.

Она хочет что-то спросить. Но я торопливо роюсь в сумке, достаю из кошелька Леры деньги, всего пять тысяч рублей, для кого-то это не такие уж баснословные деньги, но для Вани, это неделя жизни.

Она хочет вначале отмахнуться, но я настойчиво вручаю их в руки:

— Возьмите, вам нужнее. Я постараюсь принести еще.

— Храни тебя бог, — поблагодарила она. Через какое-то время ее позвал отец. И глядя на удаляющую фигуру, я прошептала:

— Храни тебя бог, мама.

Больше мне здесь было нечего делать. На душе было холодно и пусто, дрожащей рукой, я смахнула, выступающие из глаз слезы. В последний раз я взглянула на свою могилу, это неважно, даже собственная смерть, не остановит меня, я спасу брата, я найду способ. Вот только холодком по спине пробегает мысль: а что будет потом? Я гоню ее прочь, ведь даже не знаю, что будет сейчас.

Я покидаю кладбище, мои ноги срываются на бег, словно можно убежать от зияющей пустоты, пронзающей душу. Это тяжелее, чем мне казалось.

Я настолько углубилась в себя, что не заметила, как столкнулась каким-то парнем, и чуть не упала, к счастью, он же и успел схватить меня за руку:

— Извините, — проронила я, вернув равновесия.

— Бывает, — мягко сказал он. Улыбаясь. Даже в самой обычной одежде без всякой косметики Лера притягивала мужчин. За короткое время в ее теле я получила столько восхищенных взглядов, которых не получала никогда в жизни.

— Вы чем-то расстроены? — поинтересовался он. — Кстати, меня зовут Роман.

— Роман, я спешу, — покачала я головой. Это была не первая попытка познакомиться со мной в теле Леры. Вот только я к этому не была готова, как и не была готова к такому вниманию к себе.

Я тут же ускорила шаг. Я не солгала, я действительно спешу. Спешу понять, как жить этой новой жизнью, спешу понять, что же мне делать дальше.

Я в квартиру я почти вбежала, и тут же замкнула дверь за собой и наконец-то спокойно вздохнула, будто чужое жилье было моим убежищем от всего остального мира. Хотя, похоже, все-таки не таким и чужим.

В спальне я заметила у Леры на комодке фотографию, где она улыбалась рядом с женщиной так похожей на нее саму только старше, а рядом стоял темноволосый мужчина. Скорей всего отец, именно от него Лера получила такие удивительные голубые глаза, из-за которых некоторые называли ее «ангелом». А ведь у нее тоже есть родители, и Лера была единственным ребенком в их семье, запоздало вспомнила я. Каково же будет им, узнать правду, подумала я с болью в сердце.

Голова уже кружилась, перед глазами стало темнеть, ноги подкосились, и я чуть не упала, едва успев опереться о стул. Наверное, это от голода, за сегодняшний день во рту не было и маковой росинки. Словно подтверждая это, живот заурчал. Тело хоть, и чужое настойчиво намекало, что у него есть потребности, которые не стоит игнорировать, и я отправилась на кухню.

Нырнула в холодильник, и достала йогурт. Кроме йогуртов, и овощей в холодильнике ничего не было. Обернувшись, заметила на почти пустом столе какой-то листик. Вот только вчера здесь не было ничего. Я тут же отложила еду, подошла ближе с некоторой долей опаски.

Лист был явно вырван из какой-то школьной тетради в клеточку, с каким-то стишком, написанным красным карандашом, и явно детской рукой. Так писал Ваня, старательно, пусть и неумело, слишком давя на

карандаш, и царапая бумагу.

Вот только таких детских стихов не бывает.

Раз, два, три, четыре, пять,

В срок приду к тебе опять

Расскажи ты все одной,

Кто придет, к тебе домой

Не успела я прочитать до конца — лист вспыхнул в ладони. В панике я тут же отбросила его прямо на стол. Но огонь и не думал униматься, пожирая остатки бумаги. Еще немного и загорится скатерть. Только пожара мне не хватало. Нужно что-то делать, я потянулась за полотенцем, чтобы хоть как-то сбить огонь. Но лист уже превратился в пепел.

Что, вообще, это было? Я ошалело смотрела на стол, обожжённый палец неприятно ныл, но на скатерти не было никаких подпалин, никаких следов возгорания. Только серый пепел.

Что за чертовщина? И что, вообще, за дурацкий непонятный стишок? И откуда взялся этот листок?

Не успела я еще прийти в себя, как во входную дверь начали настойчиво названивать.

Открывать не хотелось, слишком, собственно и видеть кого-то мне тоже не хотелось. Мне нужно немного времени вдали от всех прежде, чем смогу понять как я должна себя вести, время, чтобы научиться жить этой новой жизнью. Но мир вновь и вновь игнорировал мои желания. В дверь продолжали названивать, словно намекая, что мне не отсидеться в своем маленьком мире, спрятаться не получится.

В дверь уже начали колотить, когда я решила, наконец, пойти и открыть, кто бы там ни был, мысленно надеясь, что это не жених Леры.

— Лера, я знаю, что ты дома, открой, услышала я женский голос и облегченно вздохнула, узнав обладательницу. Это была Аня, менеджер из модельного агентства. По крайней мере, не жених Леры, с которым у меня, похоже, предстоит сложный разговор. Хотя, с Аней, скорее всего, не легче, учитывая обстоятельства моего побега.

Собравшись с мыслями, я все же открыла дверь, обнаружив в подъезде Аню. Она была явно напугана, костяшки на пальцах сбиты в кровь, идеальная прическа растрепана, ни следа былой невозмутимости, словно с нее содрали маску. Женщина смотрела на меня так, будто, уже и не ожидала увидеть.

— Лера, что происходит? — В ее голосе звучала тревога, ну еще бы ведь я за эти два дня так и не включила телефон. — Что с тобой случилось? — спросила она, глядя на мое заплаканное лицо, со все еще красными от слез глазами. Сейчас мой вид был далек от изображений на обложках журналов.

Что случилось такой, хороший вопрос, знать бы самой. Но Аня продолжала упорствовать и протиснулась в прихожую, явно намекая, что просто так она не уйдет.

— Что случилось, Андрей бросил? Поругались? Ты поэтому запорола репетицию назло ему? — сыпала она вопросами, не понимая, что ошиблась в главном. Я не Лера.

Я продолжала молчать. Если бы получилось просто расстаться с женихом Леры, я бы обрадовалась, ибо он точно расколел мой обман. Даже забавно, все девчонки мечтают о таких как Андрей, красивых влиятельных и богатых, а я просто не знаю, как что делать с внезапно свалившимся счастьем.

— Скажи хоть, что-нибудь Лера.

Я сделала глубокий вдох, в попытке набраться смелости, чувствуя, как вспотели от нервов ладони. Прокрутила в голове последние строки стихотворения:

Расскажи ты все одной,
Кто придет к тебе домой.

Может быть, это знак? Подсказка, данная высшими силами, давшими мне новую жизнь. Ведь даже понимая, сколько мне нужно научиться, я могу не справиться. Да, я могу найти преподавателей, но я совершенно не знаю Лерин мир. А человек, стоящий напротив меня знает, более того, плавает в нем, как рыба в воде.

— Я не Лера, — тихо произнесла я, стараясь не опускать глаз.

Слова дались легко. Гораздо проще, чем признаться маме, чужое непонимание и неверие гораздо проще пережить. Оттолкнуть человека, которого видел лишь однажды не так больно, как навсегда потерять близкого и родного.

На мгновение Аня застыла, лишь рассеянно, хлопала черными длинными и явно нарощёнными ресницами.

— Что за шутки? — сказала она, а я считала секунды. После непонимания и растерянности, появилось отрицание. Я грустно вздохнула, если бы, это были шутки.

— Ты что пьяна? Или «курила»? — подозрительно уставилась она на меня, явно понимая, что под «курила» не сигареты. Третье, идет рационализация, мы всегда пытаемся дать всему объяснение.

Я сделала глубокий вдох перед ответом. Хоть бы, я не ошиблась, хоть бы она поняла, иначе все это для меня плохо кончиться.

Я сделала глубокий вдох перед ответом. Хоть бы я не ошиблась, хоть бы она поняла, иначе все это для меня плохо кончиться.

— Не курила, — ответила я. — Просто я действительно не Лера. И я не умею ходить по подиуму.

Аня посмотрела на меня, как на безумную, мои слова ее нисколько не проняли. Она лишь хмыкнула, и проскочив меня начала обследовать комнаты, явно в поисках чего-то, подтверждающего ее догадки. Сердце бешено забилося от плохого присутствия. Я выбрала не самый лучший момент для признаний. Вряд ли можно верить тому, у кого на кухонном столе дымятся клочки бумаги.

— У меня не убрано на кухне, — сказала я, когда она направилась туда, но она ускорила шаг и мне ничего не оставалось лишь готовиться к неприятному выговору.

— Говорила мне, твоя мама присматривать за тобой внимательнее, — начала она. Я только успела отметить неожиданное слово «мама», сердце бешено стучало в груди, когда я посмотрела из-за ее плеча на стол. Он был идеально чист, на клетчатой тканевой скатерти не было ни пятнышка, ни то что подпалины, как будто ничего не было. Я с облегчением выдохнула. Гостья же этого состояния не разделяла:

— Так что это за шутки, Лера?

Я на мгновение прикрыла глаза.

Расскажи ты все одной кто придет к тебе домой.

Да в стихотворении не говорилось, что это будет легко. Встретив подобное, я бы сама не поверила, и почитала, что человек явно болен, так что удивляться здесь нечему.

Это не шутки, — покачала головой я. — И повторюсь, я не Лера.

— А кто ты? — с легкой усмешкой спросила она. Аня была уверена, что это какой-то непонятный ей прикол, каприз за звездившейся модели.

— Я была медсестрой, — тихо произнесла я, только сейчас понимая, как грустно прозвучало это «была».

— И что ж ты знаешь о медицине? — Казалось, она приняла эту

нелепую игру. — Назови противоречивое?

— Церукал, — мгновенно выдала я.

— Через сколько снимают швы после аппендицита?

— От семи до десяти суток, исходя из состояния, — произнесла я заученный ответ.

Аня продолжала засыпать меня вопросами, в основном по фармакологии. Она не была медиком, и исходила из своих житейских знаний, под конец она искала вопросы в интернете. Но с каждым моим ответом, ее лицо, становилось все мрачнее и мрачнее.

Это не смешно, — в конце концов ответила Аня. Она изо всех сил не хотела верить, и ее можно было понять.

Я и не смеюсь, — ответила я. В словах чувствовалась легкая горечь.

— Ты не можешь этого знать.

— Лера бы не могла, — согласилась я, и предугадывая ее реакцию добавила, — Это не шизофрения. Вряд ли это вообще можно причислить к диагнозам.

— Как это вообще произошло? — спросила она, внимательно ища хоть какой-нибудь признак фальши, хоть что-нибудь, что могло бы позволить реальности оставаться нормальным.

Я начала рассказывать о событиях последних дней, не считая одного загаданного желания. Ни к чему ей было знать о моей маленькой слабости. Поняв, что разговор затянется надолго, предложила сделать чай.

Я встала и подошла включить чайник, полезла в шкаф поискать сахар:

— Вам сколько сахара?

— У Леры его нет, — тихо сказала она, будто этим маленьким вопросом, я смогла прорвать стену ее недоверия. Она внимательно смотрела на меня, будто бы, ища какие-то отличия, остановилась на плечах. — И Лера никогда не сутулилась с самого детства.

Слово детство неприятно кольнуло Аня была не просто менеджером, и даже не подругой, она знала ее с самого младенчества, знала ее мать. Только сейчас я заметила, что в ней есть что-то похожее на саму Леру, тот же нос, та же форма лица, это ведь не просто сходство. Она была родственницей и скорее всего близкой.

«Мама, мама, тетя пришла, — услышала я звонкий детский

голосок, словно вырванная подсказка из прошлого, чужое подсмотренное воспоминание.

Детский восторг, солнечный день, и крепкие объятия. Прижаться к лицу щекой, услышать:

«Не тетя, а крестная».

Я чуть не выронила чашки из рук, от неожиданного нахлынувшего на меня видения. Смотрящая на меня женщина, если что то заметила не стала этого комментировать лишь добавила:

— Как я сразу не поняла.

Сев вновь за стол, я чувствовала я спрятала дрожащие руки. По телу все еще продолжали бежать мурашки.

— И где же Лера? — задала вопрос ее тетя, а по совместительству еще и крестная мать. Да уж повезло мне, так повезло. Кто бы знать, что Литвински устроила свою родственницу в агентство, где работала?

— Я не знаю, — тихо произнесла я. Иногда лучше солгать, слишком болезненной и неприятной может быть правда. Зачем лишать человека какой-либо надежды?!

— А где твое тело? — она с трудом сформулировала вопрос слишком странным и диким он ей казался.

— Сегодня похоронили. — Я не стала лгать. Слишком легко было проверить истинность моих слов.

Она продолжала сидеть с каменным лицом, лишь только крепче сжала край стола, до той степени, что побелели костяшки пальцев. В ее работе важно было всегда справляться со стрессами, и не поддаваться эмоциям, и даже сейчас она держалась. Разумеется, моя смерть ничего не значила для нее, я не пыталась в этом никаких иллюзий. Но она легко могла знать, что это, скорее всего, может означать для Леры.

Несколько секунд я с томлением в груди ждала ее слов.

— Если вы поменяетесь обратно, — начала она, не став уточнять, чем для меня закончится подобный обмен. — Карьера Леры не должна пострадать, — сказала она, продолжая цепляться за мысль, что ее племянница жива. Слова давались ей с большим трудом. — Ты же это понимаешь?

Она нашла для себя выход, некий краеугольный камень, возле которого крутилась ее жизнь последнее время — Карьера Леры.

Я, молча, кивнула

— У нее должно было быть блестящее будущее, и я никому не

позволю это разрушить. — В ее голосе звенел металл. — Никаких больше сорванных показов, ничего что может ее дискредитировать. Она до этих высот с таким трудом добралась.

Очень сложно теперь самозванку в обличие близкого человека. Мне не за что было ее винить. Лишь только заверить.

— Я постараюсь. — В конце концов, у меня свой резон. Мне нужны деньги, чтобы помочь брату. И я должна использовать свой второй шанс. — Научусь, Лера же когда-то училась. Найду учителей.

Я не питала иллюзий, что у меня получится без подготовки. Аня нахмурила брови. Казалось, каждое мое слово причиняет ей боль.

— Учителей найду тебе я. Тех, кто будет об этом молчать. А мне в ближайшее время придется выбирать проекты полегче. И как-то объяснить это Андрею. А он, итак, недоволен твоим закидоном с Пьетро. И это еще спасибо, что он натурал, иначе он бы видеть тебя больше никогда не захотел. Отделались легким испугам.

— Кстати, насчёт Андрея, — начала я. В женихе Леры я видела основной источник своих проблем. Начиная хотя бы с того, что их с Лерой любовь явно была неплатонической, и заканчивая тем, что он явно обнаружит подмену не может не обнаружить.

— Только не смей ему признаваться... — тут же начала Аня.

— И не собиралась, — ответила я. Мне хватило одной реакции. В ближайшем будущем признаваться больше кому-то я не собиралась. — Они с Лерой расстанутся.

Почему-то мне было важно хоть кому-то сообщить о своем решении. Я пока не считала себя имеющей право так просто менять чужую жизнь.

Однако Аня моей позиции не разделяла.

— А вот здесь девочка, лезть не смей, — Вся миловидность и мягкость мгновенно слетела с ее лица. — Что хочешь делай, используй любые женские штучки, но либо продержись два года до окончания контракта, либо уговори Андрея его разорвать. Но если ты с ним порвешь, я помогать тебе точно не стану.

Если бы я еще эти штучки знала, но опыта в общении с мужчинами у меня не было никакого.

— Но он же все поймет. Они же свадьбу планировали... — начала я.

Аня устало вздохнула:

— Ах ты об этом. У них были не настолько идеальные отношения. Лера даже его женихом назвала в интервью, чтобы как-то подстегнуть к действиям, но Андрея лишь это взбесило. Так что можешь не переживать. Обручальное кольцо он тебе не предложит и в загс силой не потащит. Так что максимум два года продержаться, а, может, и меньше, — сказала она, как будто говорила о чем-то действительно несложном и простом.

Глава 5

Даже оказавшись в чужом теле, я встретила со старыми привычными мне проблемами. Мне нужны были деньги на оплату уроков, а наличные, найденные мною в кошельке. Еще немного, и там останется только банковская карточка. И как предусмотрительная девушка, Лера, естественно, не хранила рядом с ней записку с пин-кодом. Я обследовала все содержимое сумки, но так ничего и не нашла. Лишь ловила себя на том, что мне не нравилось это делать. Словно я копаюсь в чужом белье в чужих тайнах. Пришлось напомнить себе, что теперь это моя жизнь.

Оставалось только направиться в банк, благо он находился неподалеку, я быстро добралась. Чувствовала себя воровкой, пришедшей за чужими деньгами, впрочем, так и было, эти деньги заработала действительно не я. Но Аня, права, вряд ли бы Лере понравилось, что ее карьера стремительно рухнула вниз.

Зайдя в банк, я взяла талон. На каблуках процокола к дивану и села. Хотелось снять непривычную обувь, от которой болели ноги, будь моя воля я бы отправилась сюда в балетках. Но Аня предусмотрительно забрала всю обувь на плоской подошве с собой, чтобы я училась ходить на шпильках, потому что Лера была любительница подобной обуви. Женщина была готова пойти на все, чтобы я соответствовала образу ее племянницы. И сейчас, растирая ноги, я даже на секунду жалела, что открылась ей. Всего лишь на секунду, в который раз, напомнив себе, ради чего я это делаю. Но интуиция упорно подсказывала, что это еще самое начало будущей муштры, то ли еще будет дальше.

Ожидание казалось бесконечно долгим, и я невольно начала разглядывать сидевших рядом людей. Справа на диванчике расположились две старушки, тихо обсуждающие что-то между собой, женщина с сальными волосами нервно расхаживала по залу что-то вещала мужу по телефону, рядом девушка пыталась успокоить раскапризничавшегося младенца. А я никак не могла прогнать от себя мысль, что что-то делаю не так. У Леры ведь мог быть какой-нибудь пароль на случай потери карты, какое-то кодовое слово. Паспорта вполне может оказаться недостаточно. Документы же можно подделать.

-Номер с-034 — окно 8.

Прозвучал мой номер. И я мигом вскочила

Я встала с дивана и вместе со своими сомнениями и отправилась к сидящему за столом

Я встала с дивана и вместе со своими сомнениями и отправилась к сидящему за столом работнику банка.

— Я потеряла банковскую карту, — сказала я, заготовленную легенду и протянула паспорт.

Сидящей за монитором женщине было лет пятьдесят, и вряд ли мое лицо ей о чем— то говорила, как имя с фамилией в паспорте. Почему-то меня это успокаивало.

— Сколько будете снимать со счета? — Ее пальцы торопливо забегали по клавиатуре, а голос казался немного машинальным, как у робота. Впрочем, сколько раз за рабочей день ей приходится говорить одни и те же фразы.

— Все, — ответила я. Я не знала сколько было денег на счету Леры собственно даже были ли там деньги на счету вообще.

Меньше чем через минуту мне протянули лист с галочками, где нужно расписаться. Подпись я тренировала заранее, выводя линию за линией, закорючку за закорючкой чтобы она выглядела точно как в паспорте. Почерк, это еще один способ как можно заметить подмену, впрочем, один из множества других.

Зашуршали купюры еще одна роспись, и я с удивлением смотрела на толстую пачку купюр, наверно я столько никогда не видела. Но обольщаться слишком не стоило. Часть денег пойдет на оплату ипотеки родителей Леры. Об этом мне вчера рассказала Аня, строго настроено предупредив какой размер суммы я должна отправлять им каждый месяц. По ее словам, Лера надеялась, поработать в Японии и закрыть долг полностью, но учитывая некоторые изменившиеся обстоятельства, произойдет это явно нескоро. Конечно, мне хотелось поскорее помочь брату, но я не имела оставлять других людей без жилья, как не имела права нарушать правила чужой жизни. Но хотя бы пять-десять тысяч я собиралась отложить для Вани и какнибудь передать маме. Какую-то сумму придется отдать педагогам я не знала, да поддержание Леринной красоты обойдется в кругленькую сумму, учитывая на какое обилие процедур меня записала Аня в различные салоны Москвы, со словами «Внешность требует инвестиций». Впрочем, я и сама это понимала. За

один день показа Лера получала больше чем я за месяц в больнице, учитывая подработки. Просто непривычно было тратить на себя, и предчувствуя будущие расходы, меня не покидало чувство вины.

Только я вышла из банка, как позвонил Андрей и сообщил что задержится. Я попыталась сказать, что расстроилась, наверно так и должна вести себя любящая невеста, но собственный голос казался пропитанным фальшью. Положив трубку, выдохнула с облегчением. Значит, в запасе был еще один день. Но расслабляться не стоило, впереди меня еще дали уроки, организованные Аней.

Нужно было торопиться в модельное агентство, где Аня и решила организовать мне уроки. И только сейчас поймала себя на мысли, что банально не знаю, где оно находится. Пришлось звонить менеджеру и уточнять. Аня подобному вопросу удивилась и даже несколько растерялась, но ответила, явно думая о том, как я могу не знать подобных мелочей. Что ж нужно как следует сегодня ее расспросить обо всем в рабочей жизни Леры. Эх, еще бы мне кто о личной рассказал.

При агентстве находилась и модельная школа, Аня тут же провела меня в один из учебных классов и представила преподавателю, высокому мужчине в черном, и судя по его удивленной реакции, Леру он знал.

— Смену ращу, — пояснила Аня. — У девочки как раз типаж Литвински. Собственно мне и нужна фирменная походка Леры

Ложь давалась ей на удивление легко. А мужчина внимательно оглядывал меня со стороны.

— Надеюсь, смену потом никто не съест, — нехотя выдавил и подошел ближе ко мне. И начался урок.

Как ни странно, обучение модельной походки началось с того что меня учили правильно стоять, постоянно поправляя, и комментируя малейшее шевеление. И только потом преподаватель перешел к самому дефиле, и после первого же прохода обрушил на меня море критики. Я молча стояла и слушала и кивала. Было обидно выслушать столько негатива о себе, но пришлось напомнить, что это нужно для того, чтобы работать. Более того, я заплатила за это деньги, и обязана научиться.

Впрочем, каких-то результатов я все-таки добилась. Преподаватель меня все-таки похвалил, и протягивая конспекты (кто бы мог подумать что есть конспекты по дефиле) сказал:

— Не забывай, ты не Прет-а-портé, ты — кутюр. И должна вести

себя как кутюр.

Что ж, похоже, это не последнее с ним занятие, и учитывая их стоимость, мне следует надеяться что научусь я быстро. У меня было подозрение, что Анна специально выбрала преподавателя с высоким ценником, чтобы у меня была дополнительная мотивация для скоро обучения.

Как только, преподаватель скрылся за дверью, Аня сказала:

— Тебя сожрут на первом показе.

В ее голосе не было злости. Она просто констатировала факт.

— Плохо, Лера плохо.

— Алена, — поправила я машинально.

— Лера, и только Лера, другого имени у тебя нет.

В ожидании другого преподавателя женщина предложила мне изучить портфолио Леры, обратить внимание на позы и попытаться запомнить выгодные ракурсы. Последующий урок как раз касался фотосъемки.

Правда, и это оказалось не таким легким. Я никак не могла расслабиться. Нужно было застыть в различных позах, и постоянно искать более выгодный контролировать лицо, улыбку, постановку рук и ног, при этом без усталости улыбаться либо показывать нужные эмоции. Особенно убивала загадочная фраза " улыбайся глазами", которую я никак не могла понять.

Мы занимались до самого позднего вечера. Ноги гудели от усталости, глаза слипались, хотелось уже банально спать. В конце, когда я уже валилась с ног, Аня, просматривая результаты наших совместных трудов, сказала:

— Неплохо. — Казалось, уголки ее губ дрогнули, как будто промелькнула улыбка. — Ни Лера, — покачала она головой, — Но работать ты можешь.

Мне показалось, или меня действительно похвалили?

— А значит завтра вместо Ники отправишься на съемку.

— На съемку? — Похоже, я ослышалась. Не собирается же она после одного занятия отправить меня уже работать.

Очевидно, она заметила мой испуг и пояснила:

— Попрактикуешься, заодно и подзаработаешь. Или у Андрея деньги будешь просить? — мягко поинтересовалась она.

Я покачала головой. Она права, чем раньше я начну зарабатывать,

тем лучше для Вани.

На следующий день я отправилась на место съемок. Кожу покрывали мурашки, я чувствовала как предательски дрожат коленки. Слова Ани, что фотограф не слишком известный, меня никак не успокаивали.

Встретили меня весьма вежливо. Аня сообщила, что Ева, выбранная для съемок, заболела. И агентство дабы не портить свою репутацию готова отправить на съемки меня, дабы не портить свою репутацию. Естественно, никакой болезни не было, а Аня, как всегда, солгала. И что-то мне подсказывало, что в модельном бизнесе это было явно распространённой практикой.

Стилист тут же утащил меня в гримерку готовиться. Волосы скрутили в тугую гульку. Губы накрасили алой помадой, после чего меня облачили в прямое красное платье в пол.

Когда я вышла из гримерки, фотограф все еще снимал другую модель, я должна была быть последней. И подойдя ближе, чтобы увидеть, как все проходит я услышала:

— А теперь повернись, покажи мне эмоции, покажи мне глаза.

Этот голос я хорошо знала. Когда-то при его звучании мое сердце было готово перевернуться и сделать сальто. Это голос принадлежал Антону Макарову, моей первой школьной любви. Из-за светлых волос и приятной улыбки девчонки называли его «солнечным мальчиком». От него всегда веяло позитивом и каким-то невероятным теплом.

В школе я никогда и надеяться не могла на его симпатию, так списать домашку, в лучшем случае перебросится пару фраз. Даже эту малость я считала за счастье. Слишком хорошо понимала, что я ему не пара, что не стоит и пытаться добиться его внимания. Я привыкла, что для него я была пустой тенью, и оставила всяческую надежду понравиться ему. Но сейчас, оторвавшись от фотоаппарата, он смотрел на меня с неподдельным восхищением, будто не в силах оторвать взгляд, отчего тут же потеплело на сердце, а губы сами собой расплылись в улыбке.

— Валерия Литвински, — почтительно произнес он и сделала шаг вперед, чтобы поцеловать мне руку. Такой приятный немного пижонский жест. Пронзительный взгляд снизу вверх, от которого у меня тут затрепетало сердце в груди.

— Рад, что вы согласились участвовать в нашем проекте, сказал он

и начал рассказывать подробнее о концепциях и собственных задумках. Захватив мое внимание, он явно позабыл о девушке, которую только, что снимал, и через несколько минут она сама решила покинуть фотозону, так ничего не сказав фотографу. Как говорила Аня, модель не должна ни на что жаловаться, ей платят не за это.

Антон все продолжал говорить, а я все еще не могла оторвать от него взгляд. Как же он изменился за то время, что мы не виделись. Нет, он всегда был красивым, но сейчас раздался в плечах, на подбородке появились легкие следы светлой щетины, по которой мне так хотелось провести рукой, а на голове была модная стрижка, прилизанная гелем. Удивительно, что после стольких лет, мы пересеклись здесь, на съемках для одного журнала. Впрочем, Антон со школы увлекался фотографией, а я...

— Можно называть вас просто Лерой? Так будет удобнее, — пояснил он.

Я с удивлением поняла, Антон передо мной стеснялся и очень осторожно подбирал слова. Как он, Антон Макаров, балагур и мажор может меня стесняться. Впрочем, не меня, а известную топ-модель, дефилирующую на подиумах Милана и Парижа.

— Можно, — ответила я, и от этого его улыбка стала еще шире. Будто бы подобная мелочь ему действительно важна.

Как выяснилось, сниматься мне сегодня предстояло в окружении многочисленных зеркал. Почему-то тут же вспомнилась ведьма из белоснежки: «Я ль прекраснее и милее?» Или Алиса в стране чудес. Но с подобным фоном работать придется труднее. И вначале, я никак не могла расслабиться, постоянно прокручивала в голове всевозможных различных поз и ракурсов, о которых мне говорили вчера.

К счастью, на выручку мне пришел Антон. Мгновенно поняв, что я растерялась, он начал мне подсказывать, подбадривал, помогал настроиться. И постоянно говорил комплименты. От которых улыбка на губах расцветала сама собой. Мне было приятно его внимание, я чувствовала, что нравлюсь ему, и от этого я чувствовала удивительное тепло на сердце, от которого хотелось воспарить.

— Покажи мне ярость, покажи мне гнев, — говорил Антон, в поисках новых интересных кадров. — Покажи мне страсть. — С этой командой я справиться не смогла, выдав наверно нелепое выражение лица. Но камера щелкала дальше.

— Покажи мне злость, тебе не нравится, что ты видишь. До такой степени не нравится, что ты хочешь разбить зеркало, — голос Антона звучал гипнотически, а фотоаппарат продолжал фиксировать малейшее мое движение.

Стоило только моему взгляду скользнуть по поверхности зеркала, как я тут же отпрянула от него. С трудом удержавшись на ногах.

— Не испуг, Лера, злость, — настойчиво требовал Антон. Его голос, почему-то казался таким далеким, и неважным. Важнее было сейчас заставить себя нормально дышать, сердце было готово выскочить из груди, а по спине поползли мурашки.

Потом что мгновение назад я увидела в зеркале, не привычное отражение Леры, а свое, в той же одежде, в которой последний раз в жизни уходила гулять. Но Антон продолжал снимать, будто бы ничего и не заметил.

— Растерянность, очень хорошо, Лер. Теперь гнев.

Я с трудом доработала фотосессию. И как только Антон выключил аппаратуру попросила показать снимки, борясь с ужасом, что на одном из них может быть запечатлена правда. Макаров после очередной улыбки не смог мне отказать, хотя и предупредил, что обычно это не принято.

Я листала фотографию за фотографией, внимательно вглядываясь в изображение. Неприятно удивилась, что столько неудачных снимков. Но Антон тут же пояснил что это нормально, вся эта многочасовая работа и проводится только из-за нескольких удачных. Скорее всего, он надеялся на лучший результат, но, наверное, считал, что сам где-то не справился. Ведь не могла же опытная фотомоделль не справиться. Наверно, исходя из этой логики, Аня и выбрала для меня именно этот контракт.

Щелкая мышкой, я продолжала просматривать фотографии, все боясь, что именно на следующей увижу свое настоящее отражены. Пальцы стали липкими от страха, но я все продолжала нажимать на кнопки. Через какое-то время, я поняла, что ничего нет. Скорее всего, мне просто привиделось. Антон с интересом наблюдал за тем, как я смотрю нашу совместную работу. Он тоже волновался, только повод у него был другой.

— Очень было приятно с вами работать, — сказал Антон, пожимая мне руку., словно электрический разряд пробежал по телу от его

прикосновения. Рука была теплой, как и взгляд синих глаз. Он не торопился отпустить меня, и в душе пробежала надежда, ну же попроси мой номер, хоть, что-то скажи.

— И мне, — решила я хоть чем-то заполнить молчание, все еще не сделав попытку убрать руку.

— Надеюсь, это не последнее наше сотрудничество, — сказал он, всё-таки отпустив меня. Уходя, я бросила на него прощальный взгляд, наверно сейчас это не лучший выход, быть может, все к лучшему.

Идя по улице, я почувствовала, как завибрировал телефон в сумке, моя рука нырнула за ним. Звонила Аня, и я нажала а кнопку, чтобы принять вызов, чувствуя, как потеют ладони. Мандраж мурашками расплзался по телу. Что ж, пора узнать, как я поработала на самом деле. Не была ли реакция Антона продиктована лишь вежливостью?

— Фотографу ты очень понравилась. — Аня не утруждала себя даже поздороваться, хотя наверно это ее визитная карточка. Правда, только в общении со мной. Со всеми остальными она всегда предельно вежлива. Впрочем, по ее словам, она мне теперь за мать родную, так что придется привыкнуть к ее подобному обращению. Кстати, надо не забыть позвонить матери Леры, но об этом позднее. Проблемы лучше решать по существу, а сейчас можно насладиться приятным моментом. Впервые за сколько времени Аня сообщала мне что-то хорошее.

— Заявил, что профессионально отработала. Хотел бы встретиться еще. — В ее голосе чувствовалась радость, перемешанная с облегчением. Она явно боялась моего провала. — Так что думаю пару несложных заказов у тебя точно будет, — сказала она, явно строя планы, и как всегда совершая пометки в своем маленьком блокнотике, от которого зависели жизни большей части моделей нашего агентства. Настоящий серый кардинал в юбке.

Но в этот момент мне было не до ее планов. Я понравилась Антону, более того, он хочет «встретиться». От этого слова сразу потеплело на сердце, хотя я понимала, что под ним Аня имеет в виду сугубо работу. Но эту встречу я действительно желала бы.

Абсолютно глупая мысль. Я чужая невеста, Андрею вряд ли будет в восторге если я буду общаться с другим мужчиной. Впрочем, Ане не понравится это еще больше. Антон, человек из моей прошлой жизни. А мы с Аней эту тему уже обсуждали, я не должна встречаться с такими людьми. Деньгами помогать родителям я могу, но никакого близкого

общения с теми, кого Лера не могла знать. Тем более Аня не советовала кому-либо признаваться, повторяя, что точно не хотела бы попадания в психушку для своей племянницу.

— Еще раз напоминаю, не спорь с Андреем, — начала Аня, готовясь явно прочитать список правил обращения и использования господина Жданова. Пришлось выпорхнуть из глупых мечтаний и прислушаться. В голосе Ани чувствовалось напряжение. Сегодня меня ждет нечто пострашнее возможности завалить фотосессию или показ. — Исполняй любые его требования и желания.

Сказать, что от Аниного списка, я в восторге, это ничего не сказать, чем больше я ее слушала, тем больше начинала переживать. Как-то подобные советы не связывались у меня в голове с понятием счастливой личной жизни и хороших отношений.

— Попробуй как-нибудь расположить его к себе, — сказала Аня, словно напоминая, что мне нужно еще продержаться два года. На самом деле мне нужно заработать деньги на операцию брата, а дальше гори оно огнем.

— Ты справишься? — сказала она.

— Постараюсь, — ответила я, понимая, что в этих делах менеджер мне неособый помощник.

***

Я поправила передник. На сковородке задорно шипело масло, нужно было уже переворачивать мясо. Кухня наполнялась различными вкусными запахами, от которых слюнки текли во рту. Хотя устроить праздник живота мне все-таки не стоило, Аня меня прибьет, если увидит на весах прибавку хотя бы в полкилограмма, она уже мне все меню расписала.

Я всегда любила готовить, это меня успокаивало, поэтому ожидание Андрея я решила скрасить таким образом. Все же лучше, чем сидеть в комнате и дрожать от каждого шороха. К тому же говорят, сытый мужчина — добрый мужчина. Аня же советовала расположить его к себе. О возможном продолжении вечера я старательно пыталась, не думать, лишь поглядывала как стремительно движутся стрелки на моих часах. Не было у меня опыта с мужчинами, и я старалась отгонять от себя мысль, что скоро явно появится.

За все дни его отсутствия, он позвонил лишь раз, чтобы сказать о своем приезде, ничего не спрашивая, ничем не интересуясь. Словно

жизнь Леры ему была совсем неважна. Аня говорила, что это к лучшему, больше шансов не обнаружить подмену, но мне все равно было не по себе.

Заскрипела дверь. Я услышала как в замке повернулся ключ, скрипнула дверь. Получается у Андрея были ключи от этой квартиры, новость не самая вдохновляющая.

— Привет милая, — раздалось из прихожей. И я поймала себя на мысли, что почти не дышу, словно загнанный зверь, которому так хочется верить, что хищник пройдет мимо.

Послышались торопливые шаги, слышала, как он зашел на кухню, как он приближался ко мне, стал позади, ощутила его дыхание на своей коже. Он аккуратно коснулся губами шеи, и от этого прикосновения по коже пошли мурашки. Легкие слегка дразнящие касания, на которые я не знала, как реагировать.

Андрей оторвался от моей шеи, явно разглядывая плоды моих рук.

— Не знал, что ты умеешь готовить, — втянул он носом аппетитный запах и потянулся к тарелке с отбивными

Хотелось хлопнуть по лбу. Это провал, это полный провал. Проколоться на подобном, ведь Аня наверняка это знала. Но я и подумать не могла, что Лера подобного не умела.

Я повернулась к нему лицом, стряхнула его руку со своего плеча и сказала:

— Ты многого обо мне не знаешь.

И даже не представляешь, насколько это правда, — закончила я мысленно.

Он приподнял мой подбородок, будто бы хотел рассмотреть меня повнимательнее. Провел пальцем по мягким губам:

— Неужели Лера? — в его голосе было что-то что заставляло меня насторожиться. Под этим взглядом я чувствовала себя маленьким зверьком, которому пора прятаться в норку. — Быть может, ты тогда объяснишь, что ты делала на похоронах Алены Сотниковой? Той самой девушки, которую ты сбила ночью на машине?

Казалось, земля ушла из-под ног, все краски мира исчезли, и сердце пропустило удар. За все это время я даже не задумывалась, кто именно убил меня. Была уверена, что никогда этого не узнаю. А все, оказывается, было просто, на удивление просто. Разбитая машина Леры, слова ее жениха про какие-то последствия хождений в клубы,

брошенная фраза им фраза «Мы все сделали правильно». От такого горького понимания было трудно дышать. И лишь холодный взгляд Андрея напомнил, что от меня еще ждут ответа. Его рука все еще была у моего подбородка, я ощущала аккуратные, почти ласковые прикосновения. И тем не менее я не сомневалась, что если мой ответ ему не понравится, он свернет мне шею.

— Я... — это все что получилось выдать из себя, я чувствовала как глаза наполняются слезами, хотелось на мгновение заслонить лицо руками. Все это время я жалела Леру, я чувствовала себя самозванкой, воровкой, собравшейся украсть чужую жизнь. А, оказывается, по какой-то непонятной иронии судьбы я угодила в тело своей убийцы.

Андрей отпустил меня и сделал шаг назад.

— Я столько времени потратил, чтобы скрыть все следы. — сказал он. Его не нужны мои ответы, причины моего поведения были ему неинтересны. Для него было важно лишь собственное мнение о моих поступках.

— Ты меня так разочаровываешь, Лера.

Я прикусила губу, едва сдержалась оттого, чтобы сказать, что он меня разочаровывает еще больше. Потому что одно дело оказаться на месте человека убившего тебя, и совсем другое быть рядом с его сообщником. В нем не было ни капли сожаления и сострадания. Для него моя смерть небольшая неприятная малозначащая оплошность.

И единственное что мне хотелось сделать, это поскорее покинуть эту идеальную вылизанную до блеска кухню, и оказаться подальше от человека, которого я ненавидела.

Я успела сделать несколько шагов, как Андрей поймал меня за запястье, и притянул к себе. От его прикосновений сердце вновь бешено забило. Я вновь ощутила терпкий аромат его туалетной воды, смешанный с сигаретным дымом. Он был слишком близко.

— Я не закончил, — сказал он, проводя рукой по моей щеке, заставляя смотреть ему прямо в глаза.

— Хватит делать глупости. — В его обычном бархатистом голосе явственно чувствовалась угроза. — Ты ведешь неразумно.

Я отступила, но он все еще держал меня за руку, он явно ждал от меня какого-либо. Я знала, что нужно ему сказать, но боже, как нелегко подобное произносить.

— Больше подобного не повторится, — послушно вымолвила я,

стараясь не показывать, что для меня на самом деле означает это обещание, что я не должна видиться с собственной семьей. После этих слов, Андрей заметно расслабился. Но я облегчения не испытывала.

Если переживу этот вечер, встречу с Аней и все выскажу. Я не могу притворяться с этим человеком, я не могу настолько лгать. Это была изначально плохая идея. Так, либо мы ищем другой выход, либо пусть смирится с тем, что племянница скоро распрощается с модельной карьерой.

— Собирайся, — сказал Андрей.

— Куда? — тихо вымолвила я.

— На светский вечер, — устало произнес он, будто бы я вновь его расстроила. — Я же говорил тебе неделю назад.

Интересно, чтобы он испытывал, если бы знал, что говорил ни мне. Впрочем, я не хотела испытывать судьбу, и уже неслась по коридору в спальню. Чувствую, это будет долгий вечер.

Глава 6

Андрей:

Я никогда не верил в любовь. Любовь — это маркетинговый ход, это способ манипуляции, это определенный набор гормонов. Она хороша в книгах и в фильмах, она придает эмоциональности, но в реальной жизни ее нет.

С Лерой мне было просто хорошо. Она не делала мозги, не требовала ничего несусветного, с ней был хороший секс и никаких обязательств. Это были идеальные отношения. До тех пор, пока в одном интервью вдруг она не заявила, что у нее есть жених. Более того, этим женихом оказался я. Сказать, что я был в шоке это ничего не сказать.

После этого увидев меня, она невинно потупила глазки, и попросила прощения:

— Случайно оговорилась. — потом подняла на меня глаза и спросила:

— Но ведь к этому все и идет? — В ее глазах явно была надежда, смешанная со страхом. То о чем она не решилась спросить до этого у меня лично. Она решила озвучить перед всей страной. Не лучший ход, далеко не лучший. И максимально нечестный. Она даже не думала в какое положение ставит себя. Что будет если я публично опровергну ее слова? Впрочем, Лера действительно меня знала.

Я не стал ее огорчать. Вполне возможно, наши отношения могут закончиться свадьбой, ни к чему их портит сейчас. Когда еще ничего неясно. Скорее всего, когда-нибудь мне захочется чего-то серьезного, детей например. Если опять-таки Лера еще захочет расстаться с модельной карьерой, которая вряд ли будет совместима с семьей.

В один прекрасный день Лера попросила взять меня Анну Соколовскую, и я не стал ей отказывать. Она приходилась Лере тетей, хоть моя девушка и пыталась это скрыть. Рекомендации у нее были хорошие, и я не видел причин отказывать ей такой просьбе. Агентство, которое когда-нибудь, возможно, будет принадлежать дочери ее сестры, она точно не подставит. Да и, скорее всего, Лере просто будет так гораздо спокойнее. Маленькая поблажка. А почему бы и нет?

Все было гладко, пока не случился роковой поход в клуб. Когда

Лера сбила человека. Более того, она скрылась с места происшествия. Только после получаса решила набрать мне: «Андрей помоги». Она была пьяна, я слышал это по голосу, мне не нужно было быть рядом, не нужно было смотреть ей в глаза, принюхиваться к запаху. Пьяна и напугана, медленное понимание всё-таки проползло в ее хорошенькую головку.

Конечно же, я помог. Скрыл все следы, отправил побитую со следами крови тачку в ремонт, по моей команде были стерты записи камер, я даже начал следить за расследованием. Через проверенных людей подсунул ментам взятку, чтобы они не слишком рыпались в этом деле, впрочем, они, итак, не проявляли особого пыла. Я сделал все, чтобы защитил свою невесту. Даже несмотря на понимание, что когда Лера уезжала девушка еще была жива, и ее вполне могли бы спасти. Зачем-то я даже узнал ее имя, Алена Сотникова, совсем молодая девчонка, ровесница Леры. Она работала медсестрой в хирургическом отделении. Возможно, даже я видел эту девушку в больнице, в тот день когда был там.

Ночью Лера пыталась извиниться своим любимым способом. И я попросил ее об этом никогда не говорить, нужно было забыть этот момент, это несчастный случай. В конце концов, ничего уже не сделаешь, это была случайность.

А на следующий день мне нужно было уехать. Я счел это за благо. Нужно было отрешиться от текущих проблем. Нужно было оказаться подальше от Леры. Чтобы не задать один не дающий покоя, сверлящий меня вопрос, Жалеет ли Лера о произошедшем. Утром я так и не смог это понять, она была растеряна.

Но по возвращении из командировки меня ждали другие неприятные сюрпризы. Моя милая невеста отправилась зачем-то на похороны Сотниковой. Совесть взыграла, что ли? Вот только толку от нее сейчас?

За все три дня командировки, пока я усердно занимался делами, она не позвонила мне ни разу. И даже в один из моих звонков, в чудом вырванную минуту между встречами она ничего спросила, даже новость о моем возвращении не вызвала у нее никаких эмоций, будто она меня совсем не ждет. Это напрягало. Но больше меня удивило, что по приезду она смотрела на меня, как на маньяка расчленившего ребенка у нее на глазах как на кого-то изверга, как на ужаснейшее из чудовищ, как

на жуткого монстра. Малейшее прикосновение оставалось дрожью в теле. Чего она так боится-то?

Более того, она не собиралась отвечать на мой вопрос. А когда я просто попросил ее не делать глупости, в ее глазах на мгновение мелькнуло что-то похожее на злость. Совсем не такой встречи я ждал и это выводило из колеи.

Пришлось напомнить что мы собираемся на вечер к Каркаровым. Лера тут же отправилась переодеваться в спальню. То ли спешила принарядиться либо торопилась поскорее оказаться подальше от меня. Я остался один на кухне с приготовленными ее отбивными. Наколов одну на вилку, и откусил. Мясо таяло во рту и оказалось очень вкусным прожаренным как я люблю. То, что Лера умела готовить стало для меня не меньшим сюрпризом чем все остальное. До этого весь пределом ее умений было приготовление бутербродов. Быть может, она, таким образом, желает показать, что хочет замуж? Тогда к чему такое выражение лица? Женщины! Кто знает, что у них на уме. Как и кто знает, доживут ли наши отношения до завтрашнего утра. Я начал в этом сомневаться. Уж очень мне не нравилось выглядеть чудовищем в глазах своей девушки.

Лера собралась на удивление быстро. Странно, что она не провела остаток сегодняшнего дня у стилистов. Возможно, подобные походы ей стали не в новинку, и не вызывали больше прежнего трепета. Больше не было никаких вопросов что одеть. Не поинтересовалась она и моим мнением.

Тем не менее выглядела она на высоте. Ей никогда не требовалось особых усилий, чтобы выглядеть красивой. Волосы уложены в высокую прическу, что позволило открыть плечи, на шее висел кулон, так и притягивающий взгляд к ее груди. В длинном платье в пол она выглядела по меньшей мере принцессой, моей принцессой. Вот только единственное, что портило вид, она меня боялась, она словно пахла страхом, он жил в ее глазах, он был в ее каждом движении. Это нервировало. Возможно, ее задел мой повышенный тон при нашем маленьком разговоре. Возможно, то что я видел на ее лице было лишь это было просто обидой. Она действительно была обидчивой. Маленькая красивая девочка, которой столько раз пытались объяснить, что это недостаток как для работы моделью, впрочем, это верно и для обычной жизни. Но недостаток который я ей прощал.

Мы вышли на улицу. Я открыл перед ней дверцу автомобиля. Поймал себя на мысли, что, возможно, это в последний раз. Сегодня вечером мы вполне можем расстаться. Лера села в автомобиль. С ее лица не сходило задумчивое выражение. Быть может, она вполне думала о том же. Интересно, ее тревожит возможное расставание или то что она может потерять работу и карьеру? Конечно, я разорву контракт, ни к чему удерживать кого-то силой. Агентство, правда, потеряет модель в которую вложило много денег и сил, а Лера, наше маленькое открытие, отправится дальше без всякой выплаты неустоек и без каких-либо последствий. В конце концов, мне не стоит расстраиваться желающих занять ее место всегда много.

Я сел за руль. Никогда не держал водителей из принципа. Хотя друзья этому и удивлялись, и говорили, что это не по статусу. Но зачем прислушиваться к чужому мнению? Если можно получать удовольствие от скорости, оттого, что ты сам выбираешь свой путь. Ведь объехать московские пробки — это самый настоящий квест.

По сути, сегодня ничего примечательного случиться не должно. Так, небольшой светский раут в честь шестидесяти четырехлетия Павла Ивановича, которое лишь повод для всех встретиться и помериться своими достижениями, если говорить культурно.

Причем некоторые на своих спутниц навешивали столько украшений, что они смахивали больше на новогодние елки, чем на женщин. Плюс каждый хотел тут же сообщить про все достижения своих подруг. Будто бы вместо дня рождения мы на выставке собак или кошек, и нужно обязательно предьявить все медали или дипломы. Порою это смешило меня. Хотя с другой стороны, моей спутнице определенно есть чем похвастать, но это не значит, что я буду упиваться этим.

Впрочем, женская половина тоже не отставала, многие явно группировались в стайки. Некоторые с удивительно частотой подходили к нам. Каждая со сладчайшей улыбкой на губах с самым доброжелательным видом пыталась поинтересоваться по поводу нашей с Лерой свадьбой. При этом женщины не забывали построить мне глазки или томно вздохнуть.

Я предпочитал молчать, предоставив Лере выкручиваться самой. В конце концов, она сама объявила о подобном шаге, ей и отвечать.

— Мы пока подумываем над этим. Это слишком серьезный шаг, — сказала она таким тоном, как будто она и не собирается выходить за меня замуж. А вот это уже было интересно. И честно говоря непривычно. С окончания школы все кому не лень планировали затащить меня в загс. Неужели она, женщина которая была со мной подобравшаяся к этому ближе всех остальных, и гордо носившая звание невесты, подумывает, а стоит ли идти на подобный шаг?1 Как ни странно, это не задевало самолюбие, это только больше и больше пробуждало интерес.

Официанты в костюмах швыряли по залу с подносами полными бокалов. Но ни разу за все время Лера не притронулась к спиртному. Похоже, после недавнего она совершенно завязала с алкоголем. Пришлось даже попросить ее сделать незначительный глоток. Хоть подобная перемена мне нравилась, нельзя было обижать именинника и не выпить за него. Более того, весь вечер Лера от меня не отходила, наверное, стремление стать своей в этом кругу после всех многочисленных расспросов у нее поубавилось. Когда начались танцы от предложений других партнеров она отказалась, потанцевав лишь со мной. И это был совсем другой танец. Былого напора и уверенности в ней поубавилось. Она вела себя так, как будто ее нужно было защищать, и я хотел это сделать.

Что ж следующим этапом праздника был небольшой показ мод. Хозяйка этого дома считала себя выдающимся дизайнером. Конечно, мужу ударило это занятие в копеечку, но как, говорится, чем бы дитя ни тешилось.

Я был уверен, что Лера примется комментировать любое движение модели, она была жутким педантом в этой области ища какую-то оплошность. Либо будет комментировать вещи и модные тенденции, и, в конце концов, попросит купить меня понравившую вещь. Но сегодня она решила окончательно разрушить мою уверенность, что я знаю о ней все. Вместо восхищенного взглядов и восклицаний, когда начался аукцион, она лишь скривила губы.

— Это какое-то безумие, — тихо произнесла она так, что только я мог слышать. Да и то я несколько засомневался, что фраза была адресована мне.

— Почему? — спросил я.

— Такие суммы за тряпки, — сказала моя невеста, все еще

завороженно смотря на сцену. Я не верил своим ушам. Это говорит мне известная любительница бутиков? Девушка, восторженно хлопающая ресницами, при виде очередной дизайнерской сумочки? Именно она постоянно рассыпалась в бесконечных похвалах кутюрье. Они ее любили за это, они чувствовали ее искренность.

— Ты, между прочим, работаешь в этой индустрии, и вроде как бы хотела стать дизайнером, — спросил я, чувствуя, как все больше и больше нарастает диссонанс в груди.

— Врачом, — поправила Лера.

Я удивленно посмотрел на нее. Не помню, чтобы раньше я слышал от нее подобные заявления.

— С чего вдруг такие перемены? — Может ли человек так измениться? Или я просто ее не знал. Не старался узнать.

— Я всегда хотела стать врачом, — ответила она, немного поморщив лобик. И замолчала будто бы испугалась спугнуть меня. Будто бы сейчас случайный ветерок сорвал с нее маску, и на мгновение она выпала из роли стереотипной модели.

После завершения вечера я отвез ее домой. Лера картинно вздохнула и сообщила, что устала. Слова звучали так, будто я уже предложил продолжить вечер у нее в квартире. Хотя понятно было любому, что иногда и ей нужно отдыхать. А вместе со мной отдохнуть явно не получится.

Я проводил ее взглядом, смотрел как удалялась в подъезд, как скрылась за металлической дверью, и поймал себя на одной интересной мысли. Может, с расставанием стоит повременить? Возможно, я действительно не знаю свою невесту? Но я знал одно, я все-таки хочу узнать, как и хочу понять почему столько времени она притворялась другой.

Алена Сотникова:

Собратся, как выяснилось, было не такой уж и проблемой. Как раз сегодня Аня дала мне несколько уроков макияжа, правда, высказывалась почему меня не научила этому мама или, в крайнем случае не оплатила пару уроков у профессионального визажиста. Я с трудом промолчала, что на такое у нас не было денег, мне не хотелось видеть в ее глазах жалость. В ее жизни не было понятия подобной нужды как в моей семье. С волосами я справилась сама. Перед дежурствами я частенько заплетала косы, и делала гульки девчонкам. С

гардеробом у Леры проблем не было, я достала из шкафа одно из вечерних платьев в пол ярко алого цвета, наверно оно вполне будет уместным.

Трудности возникли с тем, чтобы понять как себя вести. Ведь там наверно будут Лерины знакомые. Я написала Аня. Через минуту пришел ответ. Побольше улыбаться и не отходить от Андрея. Гениально, а ничего, что я видеть его не хочу? Впрочем, как сказала тетя Леры, это только мои проблемы. И что, вообще, мне могла посоветовать Аня? Сорвать поход на прием слившись в страстном поцелуе и не менее страстном продолжении и? Нет уж.

Взглянула напоследок в зеркало. Я выглядела великолепно, как картинка в журнале, еще бы поверить, что это действительно я. Но несмотря на полученный восторг от своего отражения, я чувствовала себя узницей, идущей на эшафот. В конце концов, от этого зависит моя работа. Андрей— ее часть. Работая медсестрой, мне тоже не все нравилось, но через некоторые вещи все-таки нужно было пройти.

Здание, к которому мы подошли, напоминало, дворец. Собственно я сама чувствовала себя Золушкой, отправляющейся на свой первый бал. Помнится, она тоже притворялась принцессой. Огромный просторный зал, который освещали люстры из хрусталя. Официанты шныряли повсюду с подносами, уставленными бокалами с шампанским. А все гости в роскошных нарядах, ну разве это ни сказка? Вот только спустя десять минут волшебная пелена упала с моих глаз. И даже известные артисты, которые были приглашены, чтобы поздравить имениника, не поднимали моего настроения, а музыка совсем не грела душу. Все здесь было насквозь пропитано пафосом и показухой, а улыбки гостей были полностью сотканы из фальши.

Андрей все время держал меня все время под руку, как будто бы я была комнатной собачкой, которую привезли на выставку. Как будто я игрушка, которой можно похвастаться перед другими мужчинами. Впрочем, и остальные вели себя подобным образом. У всех супруги или жены были явные красавицы. Только у одного жена была похоже на обычную земную женщину, пусть и не лишенную шарма, утонченную особу, которая нисколько не боялась своего возраста, она выглядела свежо на этом среди однотипных женщин и девушек, так стремившихся подогнать себя под каноны общепринятой красоты. Она выглядела живой, пусть и немного неидеальной, но это не идеальность и

притягивала к себе.

Казалось, присутствующие собрались здесь не для поздравления именинника, а для того, чтобы обсудить свежие слухи. Они сбивались в маленькие стайки, и о чем-то шушукались. Несколько женщин слишком громко обсуждали неудачный наряд, удалившейся пудрить носик, подруги. Впрочем, мне самой не удалось остаться в стороне от обсуждений и осуждений. Складывалось настойчивое впечатление, что каждая девушка в этом зале желает знать, когда же состоится наша с Андреем Свадьба. Наверно у Леры она была больным местом, на которое всё так и норовили нажать, и как следует посыпать рану солью.

— Мы подумаем над этим, — отвечала я, наверно, уже сотой спрашивающей за вечер. Первый раз, когда я так отвечала, Андрей сильно сжал мою руку. Наверно ему не понравился мой ответ, но он промолчал. Мой спутник, конечно, просил, не делать глупостей, но я никак не могла солгать, что я предвкушаю свадьбу, и не могу дождаться сего дня.

Каждый расспрашивал с таким интересом, приходилось отвечать, что мы обязательно его известим лично. Я боялась запутаться в этом количестве народа ошибиться с именем, страшилась наткнуться на подруг Леры, которые точно обратят внимание на мое странное поведение. Но к моему счастью несколько моделей просто перекинулись парой вежливых фраз. Никто не спросил ничего такого, где я по-настоящему мола проколоться. Либо они, скорее всего, видели мое нежелание отходить от Андрея, и наверно шутили, что я боюсь, что его уведут.

Заиграла музыка, и меня начали приглашать на танец. Естественно, я отказывала. Танцевать я не умела, и мне не хотелось позориться при таком количестве людей. Но опасность подкралась с самой неожиданной стороны. Андей потащил меня в самый центр танцующих, даже не спросив разрешения. Наверно, он вполне считал, что имеет право на такое поведение с Лерой, вот только я ей не была. На мгновение я растерялась. Впрочем, ему не было до этого никакого дела. Он уверенно вел, и даже мое неумение танцевать не могло ничего испортить. Он заставлял идти за собой, он подчинял, и на его движения нельзя было не ответить. Слишком огненный, слишком страстный, настолько, что я чувствовала себя мотыльком летящим на свет, и рискующим сгореть. Я отлично понимала, почему на него смотрели

другие женщины, вот только я одна из немногих, кто понимал, насколько он опасен, я догадывалась о его истинном лице. И все же находилась в его объятиях, пытаюсь отдышаться после жаркого танца, и отчаянно старалась напомнить себе, этот мужчина мне неприятен. А все произошедшее было напоказ. Завтра уже этого ничего не будет. Это просто гормоны, подхлещенные ритмичной музыкой и глотком алкоголя.

К началу показа я смогла успокоиться. Андрей вел себя так, будто сейчас будет самое большое развлечение для меня. Интересно, Лера действительно любила наблюдать за показами со стороны?

Во время аукциона я не сдержалась. Сложно было сдержаться узнав, какие бешеные деньги люди готовы платить за тряпки. Более того, они еще соревновались с друг с другом.

Во время показа я все-таки не сдержалась и высказала, что я обо всем этом думаю. Андрей явно удивился моей реакцией. Лера хотела стать дизайнером. И я зачем-то сказала, что хочу быть врачом. Я действительно этого очень хотела. Просто никогда не было денег. Я внезапно поняла, что могу осуществить свою мечту, мне необязательно следовать чужим планом, и полностью прожить чужую жизнь. Особенно учитывая, что это жизнь убившей меня девушки. Вот только в данный момент я все еще продолжала играть чужую игру. Но ничего, ничего завтра все закончится, завтра я порву с Андреем, придумав какую-нибудь причину. Либо постараюсь, чтобы он ушел от меня сам.

После окончания вечера Андрей повез меня домой. Остановившись у самого подъезда, он меня поцеловал, жадно впился губами, как будто он был путником умирающим от жажды, а я последним источником влаги. На этот поцелуй было невозможно не ответить. Он был горячим и жадным, заставляющим сердце бешено колотиться.

И только оторвавшись от него, я подумала что я делаю? Что я, вообще, здесь делаю? Ведь можно было как-то его притормозить, остановить. А если он сейчас продолжение потребует?

— Я слишком устала, — предупредила я.

Он просто кивнул. Похоже, для него как раз поцелуй был самым обычным. И почему это мелочь задела меня Я выскочила из машины и быстро скрылась за дверью в подъезде. Сердце было готова разбиться о ребра, пульс зашкаливал. Завтра, завтра я совсем покончу. Завтра я обязательно расстанусь с ним.

Глава 7

Сегодня была полна решимости расстаться с Андреем. Не могу я быть с ним. Сложно отрешиться от мысли, что он был в этой машине вместе с Лерой, он видел, что она нетрезвая и он же сел за руль. Сложно выкинуть из головы, что меня можно было спасти, после аварии я была жива. От соседки я знала детали аварии, хоть и ничего не помнила. Легко могла представить, как лежала на холодном асфальте с переломанными ребрами, захлёбываясь собственной кровью. Мучительная смерть. А как для Леры и Андрея закончился этот вечер? Страстным ярким сексом, они и думать забыли, что кого-то сбили.

И теперь я должна улыбаться человеку...который бросил меня умирать. Быть ласковой и заботливой, на постоянной основе, стараюсь, чтобы он не догадывался о моей ненависти? Это нереально, я так не смогу, обязательно проколюсь и последствия будут более серьезные, чем от простого расставания. Осталось только сообщить о своем решении Ане, пусть думает, как выкручиваться из этого, потому что я не намерена больше притворяться.

Именно с таким настроением я зашла в модельное агентство в поисках горячо любимой тетушки. Которая оказалась занята, буквально окружена дюжиной девушек, пристающими к ней с вопросами. Что ж не мне единственной, кому требовалась ее внимание, придется ждать и я уселась в уголке, вдали от всех. Тем временем Аня словно учительница в школе раздавала девочкам какие-то листы. Только это не было домашним заданием. Это были списки кастингов и всевозможных мероприятий. Сдается мне, что подобный ждет сегодня и меня.

Среди моделей мне тут же бросилась в глаза светловолосая густая шевелюра. Даже сейчас, находясь в очереди, Ева умудрялась вести себя грациозно. Любое ее движение, даже самое простое, смотрелось изящным. Невольно я даже залюбовалась ею. В голову пришла мысль может быть именно она может решить мою проблему? В конце концов, Андрею, наверное, все равно с кем спать. А я бы уж как-нибудь постаралась, что он обратил на нее внимание и все были бы счастливы. Впрочем, желание подобного продлилось лишь до того момента пока дражайшая подруга не открыла рот:

— Как поживает Андрей? поинтересовалась она, явно желая получить моего жениха.

И почему-то именно это явное намерение выбивало меня из колеи.

— Хорошо, а с какой целью интересуешься? — сказала я, понимая, чувствуя напряжение. Хотя должна была радоваться, что она сама им интересуется, проще же будет.

— Наверно так сложно совмещать работу и личную жизнь, — картинно вздохнула Ева, показывая мнимое сочувствие. Настоящая светская беседа, фразы вроде бы нейтральные, но противник пытается тебя задеть и прощупывает почву. Именно противник, на светский мероприятиях как я вчера поняла друзей нет.

— А тебе? — поинтересовалась я, не зная, что ответить. Ясно было одно, таким как Ева спуску давать нельзя оступишься один раз, и тебя съедят живьем.

— Я совершенна свободна, — сказала она, изобразив на своем лице улыбку. Вроде бы подобной новости я должна была радоваться, но меня почему-то лишь покорибило, что-то внутри меня настойчиво было против идеи свести ее с Андреем.

«Мама, она всегда забирает мои игрушки», — прозвучал тонкий детский голосок, из песочницы. Мама находилась рядом.

— Нужно делиться милая. Вы же подружки.

Через несколько лет спустя.

Мама, Ева пришла в таком же платье. — Голос уже подростка, но в нем такая обида, так пылко могут обижаться только дети из-за каких застарелых обид.

— Ничего страшного.

Но обида продолжает гложить, терзая сердце в глубине груди, старая многолетняя обида. На то, что подруга постоянно хочет что-то ее. Дикое желание когда-нибудь отомстить, вознестись на пьедестал, и доказать, кто лучше.

Я неуверенно моргнула. Воспоминание Леры пришли, как всегда, в неподходящий момент, как и понимание, что именно разрушила эту дружбу. Собственно и дружбы-то не было только извечное соперничество, прикрытое легкой пеленой дружелюбности, ничего более. значит, если Ева начнет сближаться с Андреем, то при первой же возможности, она ударит по мне.

Получив заветный листочик, Ева упорхнула из вестибюля самой

последней. Наконец, мы с «родственницей» остались одни без посторонних ушей.

— У меня для тебя хорошие новости, — сказала Аня, стоило только блондинки выпорхнуть из Аудитории

— Через восемнадцать дней ты едешь в Европу. Впрочем, есть вариант через три недели в Японию, там платят гораздо больше, — Аня явно сияла. Ее явно беспокоил вопрос скорейшей выплаты ипотеки за дом сестры. Скорее всего, она сомневалась, что я долго продержусь. Но вопрос денег волновал и меня тоже. — Так что куда?

— В Европу — выпалила я. Поездка всё-таки по времени ближе, и чем скорее будет она тем лучше с Андреем у меня каждый день на счету. Скорее бы накопить на операцию Ване.

— Впрочем, этот момент еще с Андреем нужно окончательно согласовать, — сказала Аня, как бы, между прочим, напоминая, что моя судьба все еще зависит от Жданова. Как будто ей нужно каждый раз ткнуть меня в это, чтобы я не забыла.

На этой неделе у тебя съемка для каталога нижнего белья. Тоже довольно денежный заказ

— Нижнего белья? — пораженно произнесла я, в надежде, что ослышалась.

— Там, правда, дополнительные условия: два дня ничего не есть перед съемками. Знаю, ты, итак, похудела, но это важно ничего потерпишь, сказала Аня, не обращая никакого внимания на мою реакцию.

— Я не могу в этом сниматься, — одними губами произнесла я.

— Что прости, удивилась Аня.

— Я не могу в таком сниматься, — четко и громко произнесла я. Стоять почти голой, притом, когда на тебя направлен объектив камеры. Я стояла и ждала Аниной реакции. Она на мгновение растерялась. Всего лишь одно мгновение, видно было, что она не привыкла, что с ней кто-то спорит. Лера, наверно бы могла, у нее был опыт в модельной бизнесе, статус известность, она знала как справиться без чужой помощи, а я нет.

— Комплексы? — улыбнулась Аня, как будто встречала подобное впервые. Похоже, для нее это действительно было что-то новенькое, что девушка может отказаться от съемки. — Тебе то чего стесняться? Тело-то не твое. В этот момент с нее слетела маска доброжелательности и профессионализма, и промелькнуло истинное лицо с настоящими

эмоциями. Я ей не нравилась, впрочем, я не могла ей нравиться, но она старательно боролась с этой неприязнью.

— К тому же это не ню. — Аня говорила таким тоном, которым обычно объясняют ребёнку самые элементарные истины. — Хотя за него тоже хорошо платят, но Андрей бы не разрешил.

Спасибо ему за это большое. Аня прямо заботливая тётушка, стремящаяся побольше заработать на племяннице. И как ни странно, она еще не требовала денег для себя. То ли ей важно было помочь сестре, то ли с моей работы она имела достаточный заработок.

— А сегодня у тебя фотосессия. Фотограф тебе уже знаком, ты ему понравилась, — мягко улыбнулась она.

Я чуть не лягнула, что он мне тоже. Учитывая, что я всячески должна ублажать Андрея, это не самая радостная мысль.

— Тебе уже ехать пора, — сказала она, торопя меня. Как и всем девушкам вручая листок

Уже на выходе из здания я поймала себя на мысли, что забыла поговорить с ней об Андрее. Я ведь вроде бы с ним расстаться собиралась. С другой стороны, мне осталось потерпеть восемнадцать дней, чтобы помочь Ване. Восемнадцать дней потерпеть этого мужчину, чтобы спасти брата. Словно вторя этим мыслям, мне пришла смска

«Прости, милая, очень занят».

Идеально, прямо идеально. То есть он еще и не каждый день будет рядом. Впрочем, у него же вроде был дел по горло, в его собственности не только модельное агентство, но и ряд предприятий, так что вполне может быть, что у него не всегда будет для меня время.

Что ж я выехала по адресу очередной фотостудии. Сегодня у меня съемка на разворот журнала. Причем работать предстоит в пар с моделью мужчиной. Мне нужно сыграть роль ангела спускающегося к нему на землю. И работать придется на подвесном тросе. Час от часу не легче. Должна признаться, я боюсь высоты. Хотя это и не самое страшное, что может случиться, находясь в агентстве, я слышала, что сегодня одной из девушек выпала фотосессия со змеями. Поэтому у меня все еще очень замечательно.

Смотря на Антона, то как он мне улыбался, я поняла насколько у меня все замечательно. И пусть я страшусь, что трос порвется и я рухну с высоты двух метров, я улыбаюсь в ответ. Я улыбаюсь камере, и свою улыбку я посылаю именно Антону. Я смотрю на своего сегодняшнего

партнера, он красив у него правильные черты лица, накаченные мускулы, заставляющие выглядеть его живым воплощением Аполлона. Вот только я бы все равно предпочла увидеть на его месте Антона. Первую школьную любовь не так легко забыть, особенно когда она была безответной. Но сейчас если бы я решилась, вполне может быть из этого что-то и получилось. Но я не имею на это права.

— Знаешь, эта тематика прямо создана для тебя, Лера, — в его голосе нет никакого официоза, лишь искреннее восхищение. — Ты явно ангел, спустившийся с небес, — на этих словах я увидела, как покраснели щеки, очевидно, Антон, понял, что перешел некую грань, разделяющую работу и личную жизнь.

Такие приятные слова, заставляющие действительно воспарить. Интересно, на что бы я пошла, чтобы услышать подобное в школе. Там мне приходилось слышать лишь мальчишечьи крики и дразнилки «Аленка-буренка».

Антон, как всегда, заражал меня позитивом. Словно все что с ним было рядом пропитывалась солнечным светом. И я даже забыла про усталость, о том как болела спина, от троса, о том, как карябали кожу голову огромное количество невидимок, воткнуты волосы. Хотелось лишь улыбаться и смеяться над его шуточками.

— Наконец-то он сказал снято и меня опустили на пол.

— Как ты? Устала, — спросил Антон, пока все готовили площадку для других съемок. Его голос был искривлен, кажется, мы переступали еще один шаг от деловых отношений к более личным.

Я лишь вздохнула в ответ.

— Но ты молодец. Это не так уж и легко, — подбодрил он меня. Впрочем, вряд ли тебе привыкать.

— И какая же фотосессия самая сложная.

— Полгода назад приходилось снимать зимой девушек в купальнике. Им было действительно сложно.

Вот так мы и разговорились с ним о Работе. Точнее, я расспрашивала его. Ловля себя на мысли, что он совсем еще мальчишка, такой же мальчишка, как в школе, юморной, с приятной легкой улыбкой.

— Совсем забыл, это тебе. — Антон подошел к столику и откуда-то вытащил небольшой букетик цветов. И судя по голосу, он не забыл, он, скорее всего, решался, стоит ли это делать. Это не были банальные алые

розы которые мне уже дарил Андрей, я не знала названия этих цветов, чем-то напоминающих лилии, но букет безумно приятно пах, так и хотелось вдыхать и выдыхать аромат, исходящий от цветов.

— Хотел поблагодарить за отличную работу, — сказал он, явно смущаясь. Вряд ли всем моделям дарят по этому поводу букеты. Антон поторопился к выходу, а я осталась. Мне еще предстояло вытащить из прически тонну шпилек, и смыть море лака с волос, и стереть чересчур яркий макияж, и желательно как можно быстрее. Сегодня нужно еще успеть на показ.

Уже переодевшись, я взяла в руки букет, и только сейчас, в который раз вдыхая аромат, обнаружила маленькую карточку, визитную карточку Антона. Сердце радостно забилося. Пусть это была рабочая визитка он все же решился, вот только. Вот только вопрос на, что могу решиться я сама? Звонить или не звонить?

Звонить или не звонить? Звонок ведь будет означать нечто большее, чем рабочие отношения. Но я ведь действительно сама этого хотела? Еще, будучи совсем девчонкой? Чтобы я сделала тогда, если бы Антон дал мне свой номер телефона. Естественно, бы позвонила, без всяких раздумий и колебаний.

Вот только мне пришлось напомнить себе, что я чужая невеста, и это будет совсем неправильный поступок, а я привыкла поступать правильно. К тому же Андрей меня вряд ли простит. Более того, он, скорее всего, будет мстить, и я живо распрощаюсь со своей работой. А это поставит крест на шансе для Вани. Мне ни в коем случае нельзя делать глупости, а желание общаться с Антоном как раз ею можно назвать. Нет пару звонков вроде бы со стороны ничего страшного, но мало ли как это расценит Андрей. Нужно не забывать, что он следит за мной. Собственно знать ли зачем ему, вообще, понадобилось следить за Лерой? В любом случае рисковать не стоит.

Поэтому, отбросив все свои фантазии, я сложила визитку пополам. Но выкинуть так и не решилась, спрятала в сумку. Вполне возможно, мне больше не повезет встретить Антона, вероятности попасть к нему на съёмки было мало. Аня выбрала для меня более низкооплачиваемую работу только для опыта. Разве только самому Антону удастся забраться ступенькой повыше. Но кто знает, быть может, через месяц я спокойно смогу с ним связаться уже без всяких угрызений совести.

***

-Все отлично мама все хорошо.

-Нет, насчет свадьбы еще не определились. У меня много дел, скоро поездка за границу.

После очередной работы я общалась с мамой. Не со своей мамой с мамой Леры. Аня дала кучу советов, как с ней себя вести. И раз в три дня как минимум, дочь должна ей звонить, сегодня как раз выпал день этого общения. В основном мать Леры интересовалась работой и отношением с Андреем, и никак не могла дождаться свадьбы. И как я поняла после первого же звонка, хотела внуков. «Вполне может случайно получиться, и ничего, что до свадьбы. Вы успеете пожениться до родов», — убеждала она меня. Я молчала, обсуждать эту тему с абсолютно незнакомой женщиной мне не хотелось. Да и как бы о детях, честно говоря, я никогда ни думала, впрочем, как и о свадьбе. Собственно, если верить Анне, на свадьбу эту шансов мало, что меня очень радовало.

И только я успела положить трубку, как мне позвонил Андрей. Как раз только его вспоминала. Мужчина предложил пообедать вместе.

Честно говоря, я умирала от голода. Анина диета меня просто убивала. Дошло до той степени, что мне стали сниться булочки и бутерброды. А голова порой кружилась от недоедания. Аня же называла это подготовкой к неделе мод в Европе. Нужно выглядеть идеально, точнее, чтобы идеально на мне выглядели вещи.

Но сейчас, уставшая и голодная, я действительно была готова сорваться и съесть что-нибудь калорийнее салата или обезжиренного йогурта, который я уже возненавидела всей душой. По этому предложению Андрея я только обрадовалась, по крайней мере, он отвезет меня туда, где я смогу нормально поесть. Плюс все-таки мне нужно с ним иногда общаться и поддерживать видимость отношений.

Мы отправились в ресторан японской кухни, на входе которого нас встречал администратор, облаченный в одежду самурая. Он тут же препроводил нас к столику в ресторан японской кухни и уже предвкушала вкусную еду. Как вдруг выяснилось, что Андрей заказал обед заранее. Что ж очень предусмотрительно с его стороны, главное, не накинуться на еду сразу, а вспомнить хоть что-то из этикета и правильного поведения за столом.

-Я взял твой любимый сет.

Перед нами лежали разнообразные ролы на блюде, напоминающим

корабль. Все это выглядело заманчиво, но я лишь грустно вздохнула, стараясь не давиться слюной. Обед мне сегодня не светит. Есть одна небольшая проблема. Я не умею, есть палочками, и сейчас не самое подходящее время учиться. Собственно мне и ролы есть никогда не доводилось, я всегда придумывала отговорки когда девочки пробовали затащить меня в кафе, а если и затаскивали выбирала только чай. Похоже, и в этот, раз придется ограничиться, чем-нибудь подобным. И делать вид, что обед для меня лишь повод встретиться. Максимум, то я могу заказать, это салатик, и то при условии, что его можно есть вилкой. Негусто, совсем негусто.

— Я не буду, Андрей. Только сок, — мне не удалось сдержать в голосе грусть.

Я ждала, что он, скорее всего, обидится, но он лишь спросил:

-Опять диета? — По его голосу чувствовалось, что диета — это нечто перманентное в жизни Леры, и то, что было несколько выше его понимания.

Я печально кивнула. Наверно, в моих глазах сейчас отражалась вся скорбь мира.

Андрей аккуратно взял палочками один из ролов, полил его соевым соусом, положил розовую пластинку имбиря, намазал тёмно-зелёным соусом васаби. Он делал это мастерски без особого труда, чувствовался опыт. Я не могла не наблюдать за ним. Сложно было убрать мысль, что это наверно очень вкусно.

-Ну а теперь, открывай рот

-Что? — удивилась я.

-Буду тебя кормить. А то потом на костях спать неудобно.

Первая фраза звучала мило, но вторая...

-Но мировые стандарты... — решила возразить я. Хорошо хоть я смогла сдержаться, и не ляпнуть про слова «спать.»

-Их придумали Геи, — поправил он. Им, знаешь ли, все равно. А я лично не хочу, чтобы ты падала в обморок от голода. Так, что открывай ротик.

Не думала никогда, что Андрей окажется таким заботливый. Причем он ведь искреннее заботился. Да и в конце, концов, Аня говорила, что нужно его слушаться и подчиняться. Вряд ли она имела в виду это, но сейчас я была совсем не против.

Я с трудом проглотила первый запеченный рол с хрустящей

корочкой. Он был такой большой, что пришлось активно двигать челюстями, не знаю, почему они не делают меньше размером. Слезы потекли из глаз, из-за острого васаби. Но как же это было вкусно.

Андрей начал поливать уже свой рол, я с предвкушением ждала своей очереди.

— А если я поправлюсь? Там же огромная неустойка, — От поедания вкусной еды на меня напало игривое настроение.

— Что ж мне придется за тебя ее платить, сказал он, направляя следующий рол мне в ротик.

— Впрочем, есть хороший способ сжечь лишние калории. Может, вечером позанимаемся...?

Я чуть не поперхнулась и закашлялась. Жданов тут же пододвинул мне только что принесенный сок.

— Не могу. У меня... э дни...

Я смотрела на него, и думала, стоит ли договаривать какие именно дни. Парня у меня никогда не было, как и опыта пояснять подобную ситуацию. Разумеется, никаких месячных у меня не было, но это первое, что пришло в голову. И надеюсь, у Леры последнее время тоже, иначе появятся очень интересные вопросы. Андрей вполне способен догадаться, что месячные, это как раз один раз за месяц.

— Значит, потом. — Казалось, его это не сильно расстроило. — Еще рол?

Я покорно открыла рот, чувствуя себя маленькой девочкой, предвкушающей вкусняшку. Впрочем, Андрей похож находил что-то забавное в этой ситуации и получал от нее удовольствие.

— Ну вот я тебя и накормил. Один-один.

Очевидно, он имел в виду недавние отбивные.

— Но не кормила тебя с ложки, — сказала я, ухмыльнувшись.

— Всегда есть время попробовать, — подмигнул он.

Все казалось таким естественным, таким комфортным, я даже не думала, что так может быть с ним.

Покидала я ресторан, вполне довольная жизнью. Даже прощальный поцелуй, которым меня наградил Андрей, наконец, не настолько выбивал меня из колеи до той степени, что я забывала дышать. Он уже воспринимался, как нечто, само собой, разумеющееся, и должна была признать мне нравилось с ним целоваться. Хотя до этого особой любви к поцелуям я не испытывала, и не понимала почему в кино им столько

уделяют внимания, как выяснилось я просто не с тем целовалась. Да и с Андреем сегодня нашлось о чем поболтать. Оказывается, он любил те же фильм, что и я, те же книги. Это поражало и удивляло не думала, что мажор и пижон, порою смахивающий на лидера какой-то банды мог обсуждать философские воззрения. Я не думала, то можно вполне увлекательно проводить с ним время. Даже банально в кино собраться. Его, конечно, удивила подобная идея времяпрепровождения, но он решил попозже предложить свою не менее оригинальную, знать бы что он имел в виду. В любом случае сегодня работать я отправлялась весьма в приподнятом настроении. Кажется, я начинаю привыкать к своей теперешней жизни. Поэтому на работу я отправилась в приподнятом настроении.

После окончания работы мне пришлось возвращаться в агентство, позвонила Аня и сообщила что есть какие-то срочные дела, это никак не могло подождать завтрашнего утра, поэтому пришлось добираться по пробкам убив на это порядочную часть времени. Как выяснилось, я проделала столь долгий путь лишь для того, чтобы. Взять у Ани в руки стопку документов, и пройти метров десять пятнадцать до кабинета владельца агентства.

— Иди подпиши у Андрея пока он здесь.

Я скептически приподняла бровь. Насколько я успела заметить всю почту, все документы Аня носила лично сама. Исключениями были только те случаи, когда нужно было уладить какие-либо спорные моменты. С какой стати ей отправлять меня? Старается, чтобы я мелькала у Жданова на глазах почасе. Она так заинтересована в этих отношениях, что мне пришлось из-за мелочи ехать через пол-Москвы? Ибо если бы мне нужно было бы что-то сказать Андрею касаясь работы, Аня мне бы заранее текст написала, а еще и отрепетировать бы заставила.

Но все-таки я направилась по коридору к кабинету Андрея с заветной папкой в руках. Только я хотела остановиться и открыть папку дабы все-таки посмотреть что именно я несу жениху на подпись, то увидела, из кабинета моего жениха выскочила взъерошенная Ева, волосы растрепаны, губная помада размазана. Верхние пуговицы блузки расстегнуты, юбка измята, как будто она как следует где-то повалялась в пыли. Но несмотря на не самый непрезентабельный вид, девушка выглядела довольной, и смотрела на меня взглядом победительницы. Я

внимательно наблюдала за тем, как моя соперница удалялась с гордо приподнятой головой, ох не нравилась мне ее улыбка, совсем не нравилась. В душе уже появилось плохое предчувствие, в голове уже смутно появилось единственное логическое объяснение, почему Ева вела себя именно так. Сердце бешено билось, когда я коснулась ручки двери, я чувствовала мандраж, по телу побежали мурашки. Только бы это не было тем, что я думаю.

Я открыла дверь, и Андрей тут же ринулся ко мне, как будто ему было важно скрыть произошедшее там. За его широкой спиной у меня не было никакой возможности разглядеть что-либо. Но его выражение лица говорило само за себя. Довольная улыбка сытого мартовского кота. В глаза тут же бросились пятна на брюках. Обычно Андрей выглядел идеально, как модель из журналов, как принц и сказки. Вот только я понимала, что принц весьма был неидеален. Как и понимала то, почему он так спокойно среагировал на фразу, что у меня критические дни. Ему вполне было с кем поразвлечься, имелся запасной аэродром. И он это сделал прямо на полу собственного кабинета. Хотя, конечно, они могли и переместиться на стол, он мог повалить ее прямо на документы. задрать юбку и... Боже я не хочу это знать. Как и не хочу знать, сколько он изменяет Лере с лучшей подругой. Одно, можно сказать, точно, образ прекрасного принца растаял как дым, на один день я ведь действительно посчитала его таковым.

— Лера, ты что-то хотела? — он мягко улыбнулся мне. Как всегда растягивал слоги в слове Лера, такая милая и забавная привычка, выделять это имя из всех. Он вел себя так, будто ничего не случилось, та же улыбка, та же благожелательная интонации, даже смотрел на меня также с теплотой. Именно в этот момент мне захотелось зарядить ему пощёчину, дабы разбить всю эту фальшь, разрушить все это притворство, ведь я знаю правду, собственно, тут, итак, легко все понять. Хотя, скорее всего, Андрей считал меня полной дурой, поверив, что все модели лишь хорошенькие глупышки? Я чувствовала легких запах ее духов, на рубашке остались следы его помады, а если сейчас вломиться в кабинет, то точно найду еще что — то?

— Тебе чем-то помочь? — Голос звучит с не поддельной заботой, но я понимаю насколько он фальшив. Собственно этот человек соткан из лжи и фальши. И боже я это знала, я с самого начала это знала. Но боже почему так больно? Почему меня, вообще, это задело? Я же знала

какой он на самом деле, я же видела этого человека до того, как попала в это тело.

На глаза начали предательски наворачиваться слезы.

Я не буду устраивать сцен, я не буду. Даже если хочется ударить его чем-нибудь тяжелым по физиономии. Даже если, такое ощущение, что мне воткнули нож в спину в тот момент, когда я меньше всего ждала. Даже не нож, а лезвие, тоненькое маленькое лезвие, которым от души прошлись, напоследок воткнув его подальше в мое изранено тело.

— Подписать. — коротко ответила я. Один Всевышний знает сколько сил мне понадобилось для того, чтобы сказать это слово ровным тоном, не показывая кипящее внутри меня эмоции. Пришлось напомнить, что это чужой мне мужчина, причем не сильно отягощённый моральными принципами. Он мне никто. Да я радоваться должна, что он обращает внимание на других, а не берет в оборот меня. Вот только почему-то радоваться не получалось.

Андрей достал ручку из кармана, и сделала несколько легких росчерков, особо не читая документы, словно показывая доверие. Впрочем, никакого доверия не было, просто он не хотел, чтобы его застали с поличным. Возможно, какая-то толика совести у него имелась хотя бы не выставлять свою измену напоказ.

— Все? — коротко спросил он, и я кивнула, и уже собиралась развернуться и пойти прочь., но Андрей меня остановил мягко положив руку на плечо. Мне безумно хотелось скинуть спихнуть убрать от себя. После произошедшего он мне казался каким-то нечистым. И единственным моим желанием было оказать от него.

— Может, поужинаем вместе?

Я удивленно моргнула. Неужели после произошедшего он надеется на нормальный ужин? И будет приставать, как всегда, с поцелуями.

— Я слишком устала, ответила я и попыталась скрыться, боюсь скорость моего шага, почти, срывающего на бег, вряд ли подходила для уставшей девушки, но меня не слишком это волновала.

На улице я жадно втянула ртом воздух. Свежий воздух успокаивал, давал возможность подумать прояснял голову. Ничего страшного и критично личного для меня не произошло. Но почему же мне так больно? Точно не из-за того, что мне нравился Андрей. Да и не нравился он мне, совсем. Причина точно должна была быть в чем-то другом.

Например, в том, что именно из-за этой необремененной принципами сволочи, я упускаю возможность наладить отношения с Антоном. А ведь мне выпал не только второй шанс пожить, но и возможность добиться того чего я не могла бы старая я. И в основном я думала только о брате, но может быть, я вполне могу иногда делать что-то и для себя кивнула, и пулей выскочила в коридор убираясь как можно дальше от этого человека. Я отказываюсь от любви всей моей жизни, пока он занимается сексом с моей лучшей подругой?!

Я достала визитку и набрала номер Антона. Плевать на последствия, я вполне имею право на месть, пусть мелкую, о которой Андрей никогда не узнает.

Глава 8

Вот так мы и начали общаться с Антоном, урывали несколько минут между работой, отправляли друг другу многочисленные смски, пока ехали куда-то. Даже в машине сидя с Андреем, я переписывалась с Макаровым. И меня нисколько это не беспокоило, то чем я занималась, было лишь дружеской перепиской. Это явно несравнимо, с его изменой в собственном кабинете, да еще непосредственно у меня под носом. Он изменил мне. Точнее, не мне, а Лере, но от этого его поступок менее отвратительным не становился. Его бывшее очарование исчезло. Да откуда я, вообще, взяла, что он мог меня очаровать?! Так, глупое заблуждение девушки, за которой практически никогда не ухаживали. Вот и напридумывала невесть чего. Хотя с самого начала знала, что он за человек. Вот только, несмотря на измену, я должна по-прежнему ему улыбаться и молчать о том, что все знаю. Я должна продолжать играть свою роль. Ведь он мне нужен. Да и Аня не простит мне подобное своеволие. Я не сомневалась в ее реакции на измену Жданова. Она просто спросит как я это допустила, покачает головой, и отправит к Андрею. Перед этим скажет, что наверно, я плохо стараюсь в постели. Да меня оторопь берет, от простых прикосновений Андрея. Я едва сдерживаю злость, и с трудом пытаюсь мило улыбаться и смотреть на него влюбленным взлядом. По его выражению лица было понятно, получается у меня это с натяжкой, актерский дар, ложь и притворство никогда не были моими талантами. А в этом мире без них нельзя.

Но зато у меня есть Антон, светлое пятнышко в моей новой жизни мы мельком пересекались то в фотостудии, то на очередном кастинге, порою специально поднимались на несколько этажей выше, чтобы обязательно пересечься с друг другом и поболтать. Чудом урванные минуты счастья, редкие разговоры, и бешеная радость от того, как он на меня смотрел. Неужели влюбился. Нежели взаимно? А такое, вообще, бывает? Радость омрачало лишь, что это ворованное счастье, и что на чувства Антона я все же не имею права ответить. Только на эти мимолетные разговоры. Только на это перекидывания взглядами, когда кажется, что слов не нужно. Даже редкие случайные прикосновения, кажется чудом. Остальное находится под строжайшим запретом.

Через несколько дней Антон пригласил посидеть в кафе. Предложение, правда, больше смахивало на свидание. К этому готова я не была, я не думала, что он решится. Он ведь знал, должен был знать. Или он все-таки решился? Тем не менее я не могла ответить «да». Ведь она будет не в студии и Андрей вполне все может понять, и вряд ли он отнесется к этому положительно. А узнать он может в легкую. Ему вполне могут об этом сказать, он ведь сам установил за мной слежку.

Узнав, об отказе, Антон сказал, что собирается уехать в Питер. Сказал, что здесь у него почти нет перспективных заказов. Поначалу я подумала, что это из-за моего отказа, но потом поняла, что причина действительно не в этом. У него действительно были проблемы с работой, фотографии были делом его жизни. Он метал снимать известных людей ловить самые прекрасные мгновения, путешествовать и запечатлеть самые прекрасные кадры природных явлений, и сейчас все это висело на волоске. Все, к чему так долго он шел, висело на волоске. Он застрял и не мог забраться выше. Без связей, знакомств, денег, это было невозможно. У него же не было ничего, кроме таланта.

И тут я поняла, что вполне могу ему помочь. Как я поняла, какое-то влияние у меня было, по крайней мере, я была любимицей у Пьетро. И, по словам Ани, еще и у нескольких зарубежных модельеров, но до них было далеко, а помощь нужна была сейчас. Поэтому на репетиции показа я начала преувеличенно громко рассказывать о понравившихся снимках одного фотографа. Услышав, это Пьетро начал спрашивать. Надо же кто-то очаровал его нимфу. В итоге Пьетро попросил пригласить фотографа на репетицию. Просто такие дела не делались, он должен был проверить мастерство Макарова.

Антон заметно, нервничал оказавшись на подобном мероприятии. Некоторые из девушек подошли к нему, якобы сказать о своих более выгодных ракурсах для съемки. На самом деле я отлично понимала, что они попали под обаяние солнечного мальчика. Почему не поболтать с симпатичным фотографом, заодно попросить уделить больше внимания? Вот только мне, невесте достаточно успешного бизнесмена проявлять внимание на виду у всех не стоило. Поэтому оставалось смотреть на это, и чувствовать легкие уколы ревности.

Пьетро лично рассматривал фотографии Антона, много комментировал, активно жестикулируя руками, под конец я даже решила, что это провал, но он все же он одобрил кандидатуру Макарова.

Антон был счастлив, он овил каждое движение модели, и я была уверена, что у него выйдут отличные фотографии Единственное, что испортило день, парень слышал, как Пьетро рассказывал, что начал готовить для меня свадебное платье. И вряд ли это его обрадовало, он пулей выскочил в коридор, оставив меня в плену кутюрье и его эскизов. Пьетро, как выяснилось, планировал выпустит целую коллекцию свадебных платьев, и даже решил, что я буду открывать и закрывать показ.

Увы, даже знакомство с Пьетро не слишком помогло Антону, он хотел большего, но я не решалась кому-то еще рекомендовать, хоть он и очень просил. Было сложно объяснить, что остальные модельеры, и редакторы журналов для меня не добрые друзья, а работодатели.

Но не считая его настойчивости, мне было действительно с ним хорошо. Иногда мы могли пропустить чашечку кофе на съемочной площадке, или просто немного пройтись. С ним так было приятно болтать, от него веяло каким-то уютom, позволяющим мне расслабиться и быть собой. Он был человеком из моего мира, хоть и притворялся, что с все было иначе, и это давало мне возможность хоть на какое-то время снять лживую маску успешной модели, смотревшей на мир свысока. Никогда не думала, что так важно просто быть собой и болтать с кем-то о мелочах. С Андреем у меня подобного не получилось, быть может, что-то и было возможно, но не после того, что он сделал.

Окрыленная и вдохновленная, я не ожидала, внезапного удара судьбы, разбившего все мои мечты на осколки. Более того, судьба решила заставить меня по эти осколкам пройти.

Казалось бы, не было ничего странного. Я просто согласилась перекусить с Антоном в кафе днем. Обычный бизнес-ланч с почти коллегой, ведь все же он работал в той области, что и я. Плюс сегодня у него была фотосессия неподалеку. Но я даже не думала, во что это выльется.

Вначале этой встречи Антон принес мне цветы, маленький букетик, но не такой, чтобы его можно отнести к милым дружеским мелочам. Мне нужно было уйти уже на этой стадии либо дать ему как-то понять, что не стоит, но я не тала. Внутри меня все еще жила та самая маленькая девочка, которая так хотела понравиться красивому мальчику, и чтобы уделили ей хоть толику своего внимания. Потом мы заказали обед и Антон предложил скрасить его за деланием селфи. Пусть у него

останется фотографии на память. Будет чем гордиться. Почему-то идея мне не понравилась, но я все же согласилась, не хотела его огорчать. Слова «фотография на память» все же резали слух, будто бы он все же решился ехать в Питер.

Мы, как всегда, болтали, Антон искрометно шутил. Но конец обеда испортил весь замечательный день. Вместо обычного чинного поцелуя в щеку, Антон захотел поцеловать меня по-настоящему, я едва успела увернуться. И решила сделать вид, что ничего не было. Увидев мою реакцию, он только сжал руки в кулак и промолчал. На его лице на секунду промелькнула злость, она тут же сменилась фальшивой улыбкой солнечного мальчика. Никаких ухаживаний, никаких подобных знаков.

Как он, вообще, мог подобное сделать, он же знает, что я чужая невеста, он же слышал слова Пьетро. Быть может, мне чего-то и хотелось, но я слишком хорошо понимала, что не могла ничего подобного допустить, на весах слишком многое. И стоит это гораздо больше, чем несколько минут урванного счастья.

А вечером после работы позвонила Аня., и сердце пропустила удар в предчувствии чего-то недоброго. Хотя ничем таким нехорошим я не занималась, немножко зашедшая не туда встреча, ничего дискредитирующего и аморального. Но тем не менее Аня сказала явиться в агентство. И это была не просьба. Это был самый настоящий приказ. Она требовала того, чтобы я пришла. В ее голосе чувствовалась ярость, и я боялась представить, что именно я натворила такого, чтобы вызвать подобные эмоции. Мне вроде бы никто о плохой работ не говорил. Хотя это не показатель.

И только оказавшись в офисе возле ее стойки, я поняла причину ее злости. Когда она швырнула мне под ноги ворох каких-то фотографий. Это не было проваленным показом или испорченная фотосессией. Все было хуже, в тысячи раз хуже. На снимках я целовалась и обнималась с Антоном. Этого точно не могло быть. Но парочка с фотографии явно была не похоже на друзей, скорее всего, на бывалых любовников. Я этого не делала. Я даже позволить не могла подобное и в мыслях, хотя, быть может, мне этого и хотелось.

— Это как называется, Лера? — требовала объяснений Аня, пока я рассматривала фотографии в попытке хоть как-то поверить в происходящее. Все смахивала на какой-то кошмар, такого попросту не

могло быть.

— Этого не было, — сказала я единственное о чем думала, хотя знала, что Аня мне не поверит. Никто бы не поверил. Ведь она сама говорила, что фотографу я понравилась, да и я как-то раз не удержалась от фразы, что мне нравится с ним работать. Какие невинные фразы, и какой неожиданный поворот они приняли сейчас. Аня вполне могла подумать, что сама ненарошно свела она нас. Я с замиранием ждала, когда хмурая родственница произнесет хоть что-то. Ведь вряд ли она могла в это поверить.

— Естественно, не было, — сказала Аня, забирая у меня из рук снимки. Складывалось такое впечатление, что она сама не особо верит в свои слова, лишь придумывает мне оправдание. Такого и не могло быть. Это фотешоп. Достаточно грубый монтаж.

Только сейчас я поняла, что на некоторых фотографиях я в той же одежде, что и на съемках.

— Откуда эти фотографии? — спросила я и замерла. У меня были очень плохие предчувствия на этот счет.

— Купила у Антона Макарова, — подтвердила Аня самые худшие мои догадки.

Покажи мне страсть. Покажи, как умеешь любить. Обними так, словно нкогда не отпустишь!" Я словно на яву слышала его голос, голос человека так легко предавшего меня. Быть может он задумал это еще тогда?! Тогда, когда я позировала, и послушно исполняла, команды, мысленно представляя его на месте своего партнера. Глупая влюбленная дурочка, напридумавшая себе невесть чего. А ведь, я ему столько помогала. Я чувствовала, как на глазах наворачиваются слезы.

— Не волнуйся, больше он их никому не продаст. — Аню правда врядли волновало мое душевное спокойствие. — Не особо найдешь покупателей в траматологии, тем более, когда не можешь ходить.

Я не стала спрашивать, как она это устроила. Похоже, у моей родственницы были связи, несколько првышающие обычное общения администратора модельного агенства.

— Он хотел продать их в газету. Заодно бы неплохо пропиарился, — добавила она, явно ожидая мою реакцию.

Кажется, у меня чуть не подкосились ноги. Заодно со своим пиаром Антон бы уничтожил мою жизнь. А я наивная думала, что он меня любил. Глупая маленькая девочка, повторяющая одни и те же ошибки.

В школе я делала за него домашку, надеясь на искреннюю благодарность, а сейчас всячески пыталась ему помочь. Но результат от тела и от возраста, похоже, нисколечко не менялся. Быть может, потому, что как человек был гаденышем в детстве, таким он и остался.

— Изменить олигарху с фотографом, это была бы сенсация, — покачала головой Аня. — Как ты допустила подобное?

И я мигом вспомнила как позволила фотографировать себя Антону, как мы делали совместное селфи. И кажется, поняла, наконец, для чего все это было, добавить настоящих фотографий в гору грубого фотошопа, тем самым забрать у меня последний шанс чтобы оправдаться. Хуже всего было знать, что это был спланированный акт, а не глупая месть из-за сорванного поцелуя. А поцелуй был лишь прощанием, последним свиданием перед тем как, моя жизнь развалится на осколки. И эта его планомерность и обдуманность убивала меня больше всего. Парень решил расчистить себя дорогу, переступив через меня, столько помогавшую ему. Так просто, словно через ступеньку, и вряд ли он задумывался, каково будет мне. И именно эта бесчеловечность и готовность на все, пугала меня больше всего. С глаз будто спала пелена, и я, наконец, поняла в каком опасном месте я нахожусь. И пусть кому-то покажется диким, но мне не жаль поломанных ног моей когда-то первой любви.

— Ты же не должна была никого к себе подпускать, — продолжала читать нотации Аня,

А ведь именно это и было моей главной ошибкой, я подпустила Антона. Более того, я ему поверила, а он просто меня использовал. И когда я исчерпала свою полезность, решил выкинуть на асфальт.

— Девочка, ты хоть понимаешь, кто ты а кто он? Да за вечер с тобой мужчины готовы выкладывать кругленькие суммы. Ты и замуж выскочить можешь вполне за какого-нибудь олигарха, а не...

Кажется, статус Антона Аню бесил чуть ли не больше, чем возможная измена. А еще у нее не было уверенности, что я смогу удержать своего жениха.

— А сейчас, ты невеста, ты не должна давать и поводов для слухов, гне говоря о чем-то подобном. Андрей страшный ревнивец,

Именно упоминания Андрея взбесило меня. Тоже мне образец нравственности и морали. Чист бел как ангел Господен.

— А ничего, что он, вообще, мне изменил?! — Я не удержалась и

сорвалась на крик. Можно было в тысячный раз говорить, что изменил он Лере, а не мне, но от этого мне не становилось легче. Быть может, где-то в глубине души я считала его своим, возможно, слишком глубоко. Глупая маленькая девочка, заигравшая в чужие игрушки..

— Как? — Аня явно не ожидала подобного поступка от своего шефа. Это меня удивило. я то считала, что измены Андрея дело обычное.

— Здесь, прямо в конце рабочего дня. С Евой. — В моем голосе звенела горечь обиды. Хотя я сама же хотела, чтобы он переключился с меня на нее. Я ж сама не хотела с ним спать. Так, почему же мне так больно? Почему мне до сих пор больно? Чем же таким он меня смог задеть?! — Прямо в кабинете.

— Пошли, — сказала Аня.

— Куда? — я не понимала чего она от меня хочет. Куда можно идти после таких признаний. Главное зачем?

— Смотреть был ли действительно факт измены. У него в кабинете камера есть.

— А если он стер запись? — спросила я с надеждой. Мне не хотелось этого видеть.

— Значит, было что стирать, — Аня не собиралась сдаваться, взяла меня под руку и потащила в каморку охранника. Я не понимала зачем, вообще, нужна камера в собственном кабинете. Андрея не беспокоит, что за ним кто-то наблюдает? Этот вопрос я задала Ане, она пояснила что ее начальник там редко бывает. Вот поэтому и не хочет, чтобы кто-то похитил что-то из бумаг.

Мы удобно разместились в каморке на маленьком диванчике, Аня открыла запись того дня и перемотала на вечер, как раз на тот момент, когда пришла Ева, в этой своей юбке с вырезом по бокам, и слишком открытой, на мой взгляд, блузке. Я замерла, мне не хотелось на это смотреть. Я надеялась, Аня оборвет запись в самом начале. Ева зашла к нему в кабинет, мы видели ее спину и блондинистую шевелюру.

— Горская, что хотели? — Андрей опроверг все мои ожидания. Я никак не могла предположить, что он называет по фамилии свою любовницу. Думала, что это будет, нечто наподобие «котеночек», «кошечка» «зайка», ну или милая.

— Подписать договор. Особенно, меня интересует пункт 3.1. Вы не могли бы мне его прояснить? — Ее голос звучал томно, с легким

придыханием. Она обошла стол сбоку и нагнулась, кажется, хотела что-то показать ему.

Наверно она даже не думала, как это выглядит сзади, и не думала что охранник мог вполне лицезреть ее нижнее белье. Вряд ли это ее особо заботило.

Она склонилась над ним, но явно чего-то не рассчитала и кубарем полетела вниз. Заодно сбив и Андрея. Тот, упал на колени, испачкал штанину. Еве же досталось гораздо больше. Блузка измялась волосы растрепались, даже юбка перекрутилась. Не отряхнувшись, она начала собирать сбитые ею документы. Один из документов они подняли одновременно.

— Простите, — сказала она, но тон ее голоса не подходил на извиняющийся, совсем нет. Он был больше похож на соблазняющий и манящий. Она смотрела на него, не отрывая глаз, их лица были так близко, что я уже подумала, вот сейчас это произойдет. Их уста сольются в страстном поцелуе, полетит одежда, и так далее.

— Я такая неловкая. Наверно просто усталость.

— Может быть, стоит поменьше работать? — спросил Андрей, вставая на ноги.

— Нет, я люблю свою работу. — сказала Ева особо акцентируешь на слово люблю. Так что любому стало бы ясно имела в виду она не только работу. — Тем более, когда у нас такой замечательный работодатель.

Ее голос звучал гипнотически, она легким движением стряхнула пылинки с его плеча. Даже после падения она выглядела сексуально

— Вы что-то хотели узнать о пункте 3.1. Ответственность сторон, выплата компенсаций.

Ева словно потухла, Андрей ее настроя явно не оценил и, более того, никак не собирался замечать все ее намеки. Он был Максимально серьезен и настроен на работу. После скучного обсуждения она выскочила из двери.

— А это точно правильный день? — Я до сих пор не могла осознать происходящее. Так, не бывает, не бывает таких комичных идиотских ситуаций, тем более такой дикой и глупой попытки соблазнения.

— Да.

— Ничего не понимаю.

С днем Аня точно не ошиблась. Через некоторое время я услышала собственный голос. И Андрей подошел к двери.

— Ни черта не понимаю, и почему же Андрей был таким довольным?

— А чего ему расстраиваться? Он любит когда с ним флиртуют. — Аня явно давно знала своего начальника. Любит, когда его пытаются затащить в постель. Но результат это, правда, не гарантирует. Но полученное удовольствие не отменяет

Аня на мгновения хитро улыбнулась и, похоже, ты явно что-то правильно желаешь, раз он на других не смотрит.

Знать бы еще что? Но меня больше волновало сейчас другое. Я никак еще не могла поверить, что действительно ошиблась.

— А Ева чего тогда улыбалась? — На мой взгляд, это был самый ужасный подкат за всю мою жизнь. Хуже было только, когда девочка дарит Валентку мальчику. В памяти всплыло как я когда — то так сделала с Антоном. Это было не самое правильное решение.

— Чтобы тебе, конечно, досадить. Она тебя ненавидит. Вот и хочет заграбастать Андрея. Но пока у нее не получается.

Да уж вот это доброжелательная подруга. Но самое важное было другим получается зря я последние несколько дней вела себя плохо с Андреем. Знать бы как это исправить?

Глава 9

Пока я думала, что Андрей мне изменил, я к нему относилась более чем прохладно. Увы, оригинальных идей как исправить произошедшее у меня не было. Нет, была одна, и Андрею бы это понравилась, вот только я к этому не готова. Даже представить не могу как это делать, не испытывая никаких особых чувств. С какой-то стороны меня можно вполне назвать глупой и старомодной, но мне бы хотелось, чтобы это было по любви. Странная идея для современного мира, не уверенного, что она, вообще, есть, эта любовь. И совсем идиотская с учетом того, какая у меня жизнь. В модельном бизнесе слово "любовь" давно стерто и предано анафиме. На пьедестал возведены совсем же другие слава "красота, деньги, и известность" Любая бы прыгнула в постель к красавчику-богачу, вот только мне это не так уж легко. Ох представляю сколько всего я бы выслушила от подруг, но их нет и приближать к себе слишком опасно. А заводить подруг в этом мире опасно вдвойне.

Я не придумала ничего лучше чем позвать Андрея на собственноручно приготовленный ужин. Он вроде как сам напрашивался, даже что-то говорил про кормление с ложечки, что ж и это можно вполне исполнить. На приготовление ужина пришлось убить несколько вечеров, зато в день, когда я пригласила его к себе, мне оставалось лишь разогреть и накрыть на стол. Андрею собственно показалась идеей домашнего ужина несколько необычной, к подобному он не привык. Даже пошутил, что наверно мне настолько надоели рестораны, что я даже научилась готовить. Но по его улыбке было понятно, что идея домашнего ужина ему вполне нравится. Как галантный мужчина Андрей принес не только шампанское, но и десерт два кусочка шоколадного чизкейка. От вида сладкого у меня потекли слюнки во рту. Андрей страшный садист, ведь мне нельзя было сладкого. Показы, съемки, нужно было выглядеть идеально. К сожалению, права на подобное лакомство я не имела Поэтому когда Андрей начал есть десерт я мысленно пожирала его глазами до той степени что он не выдержал и сам мне положил десерт.

— Кто-то же должен сбивать тебя с пути истинного, — сказал он с видом настоящего искусителя.

Скотина, настоящий скотина, получается он и специально драконит меня.

— Ешь спокойно, у нас впереди совместная фотосессия, если что жир с боков прикрою.

— У меня нет никакого жира. — Очень честно хотелось метнуть в него что-нибудь, но посуда и столовые приборы не самые лучшие снаряды. Мне же потом убирать следы. А вот от подушки я сейчас бы не отказалась. Я за этим телом следила и ничего лишнего не позволяла.

— Ничего, возможный прикрою.

Нет, он, пожалуй, невыносим. И как его Лера терпела?

— Такими темпами будет уже точный, а не возможный. — не удержалась я от маленькой игры. Слишком задорно он говорил слишком ярко сияла на его лице мальчишечья ухмылка. — Что будешь делать, если я расстолстею?

— Ты не сможешь работать, и мне придется на тебе жениться, — парировал он.

Я тут же демонстративно отодвинула десерт.

— Что ж тогда без сладкого

— Так не хочешь замуж? — Сейчас его голос звучал серьезно. Зрачки расширились, он с интересом смотрел на меня. Как будто не мог в жизни и предположить подобного поведения. Привык, что все вешаются?

— Я может еще думаю над этим, — ухмыльнулась я. — Нужно мне ли это или не нужно.

И все таки что-то в этом есть, в таком общении с влиятельным и богатым человеком, с обаятельным красавчиком, не знающим поражения в сердечных делах. Впрочем, наша словесная баталия больше напоминала флирт. Я флиртую? Наверно, так и должна вести себя невеста. Вот только вряд ли она должна так высказываться о замужестве.

— Ты главное журналистам об этом не рассказывай, — покачал Андрей, едва сдерживая ухмылку. Они же умрут от подобной сенсации. — Все хотят, а она подумывает.

И наверно из-за шампанского я не удержалась и ляпнула:

— Но они же тебя не знают, поэтому хотят.

Андрей мгновенно подскочил и через секунду преодолел расстояние между нами. Я закрыла глаза. Кажется, переборщила, и тем самым

рассердила его. Но вместо какой-то агрессии, мужчина впился в меня губами, выбивая весь воздух и какие-то мысли. Властно, стастро, и безкомпромисстно.

— Все еще не уверена?

Сердце бешенно билось. Пульс зашкаливал. А я смотрела в его серые глаза цвета стали. Впрочем, ему и не нужен был мой ответ. Его губы спустились ниже, коснулись шеи. Кожа горела от его поцелуев. И вновь вопрос:

— А так? — Они игрался со мной, он знал., что сейчас я ничего не могу против этого сделать, просто потому что не хочу. Но все же я нашла в себе силы сказать:

— Андрей... нам нельзя...

Кажется, он быстро вспомнил по какой причине нам нельзя. Слишком быстро. И от этого я почувствовала легкий укол разочарования.

— Ничего, у меня есть другой способ тебя убедить. Как на счет завтрашнего свидания?

Судя по его выражению, можно было сказать две вещи: я не могу отказать, и второе, я вляпалась. Но самое худшее, я похоже и не против.

Алена, Алена, не могла просто заниматься работой.

Никогда не пробовала медитировать, собственно говоря, и мысли такой не было, как и времени, сегодня же убила на это дело час. Нужно как-то пробудить Лерины воспоминания, потому что, как недавно я выяснила, что память осталась. Это логично, за память отвечает мозг. А значит нужно радоваться, что при перемещении в это тело, я помнила, кто я, более того, даже не сразу поняла, что-то то не так.

А сейчас мне, как никогда, требовались знания предшественницы. Я ведь почти не знала Андрея. Это на счет Леры я знала все, от еды, что она обожает мисо-суп ролы и чизкейки, какие любимые цвета, какие песни она слушает. Благодаря многочисленным интервью, я могла знать все о ее предпочтениях вплоть до марки зубной пасты. Андрей же давать такие подробные интервью не стремился, более того не слишком-то эту публичность ценил, редко посещал какие-то светские мероприятия и то только при необходимости. Аня здесь мне помочь не могла, своего шефа она знала не слишком много, никакого личного нерабочего общения у нее не было, так редкие слухи, и общие фразы от Леры

Вот и оставалось медитировать в надежде, что нужное воспоминание придет само, хоть какие-то подробности отношений. Ибо я начинала понимать, что вряд ли найду в интервью что-то ценное.

Никаких воспоминаний у меня не появилось о женихе, зато я выяснила другое не менее ценное. У Леры был дневник. Маленькая розовая книжечка, в котором она выводила аккуратным почерком строчки, пытаясь уложить все свои воспоминание. Кто бы мог подумать, что у нее могла быть подобная привычка? Если я вообще могла догадаться о факте подобного, то тут же бы перерыла всю квартиру. Боюсь, представить сколько бы за эту тетрадочку заплатили журналисты. Может продать? Сейчас мне нужно все-таки собирать деньги. Правда, перед этим лучше тщательно изучить содержимое дневника.

Интересно а некто кто подсказал мне все рассказать Ане, не мог бы и об этом сказать можно было бы даже не стихами, А просто "ищи дневник в комодке с нижним бельем". Книжка была толстенная, нужно бы ее на досуге прочесть. Но пока меня волновал лишь один аспект Лериной жизни. Андрей.

И вот листая страницы мои глаза зацепились за строчку. Андрей увлекается прыжками с парашюта, какой смелый, хоть бы ничего не сломал. Судя по записи, он ее еще ни разу не брал с собой.

О господи, хоть бы не взял, я ведь до одури боюсь высоты. Хоть прыжки с парашютом не стали оригинальной версией свидания с его точки зрения.

Увы, фортуна в очередной раз меня подвела и повернулась задом. Все начиналось достаточно романтично. Андрей завязал мне глаза, сказал, что это сюрприз, что мне это обязательно понравится. Честно, я надеялась на ресторан, с этими диетами чувствовала себя вечно голодной. Но вместо планов насытить желудок, мы приехали на огромное поле, где меня ждал самолет. Сюрпризом оказался tandemным прыжком с парашютом. По-моему, у кого странное понятие о романтике. И аргумент, ну ты же меня любишь, казался довольно подлым. Чистой воды манипулирование. Так и хотелось крикнуть, что нет, но я сдержалась, нужно было продолжать играть роль. Вот только вся это пьеса, кажется, зашла не туда. А что будет если я разобьюсь?

Инструктор, как назло, попался с весьма заметным черным юмором, что еще больше нервировало меня Шутил, что не стоит

волноваться, неудачные прыжки бывает лишь раз в жизни. Первый и последний. Поэтому, идя в раздевалку, в моих мыслях не было никакой романтики, лишь мысли о том, как убраться подальше от своего чокнутого жениха экстримала. Но мне не дали сбежать, и запихнули в самолет, где я добравшись до сиденья, тут же в него вжалась, мурашки бежали по коже, от страха я даже закрыла глаза. А в ушах ревел мотор самолета. Андрей неподалеку громко разговаривал с инструктором, заливисто смеялся, и вовсе не понимал как мне страшно, как я до одури боюсь, разбиться. Я с ужасом ждала того момента, когда откроется люк, и он настал. В самолет ворвались сильные порывы воздуха, словно напоминая, что ждет меня за бортом.

Скованная ужасом, упустила момент, когда Андрей поднял меня с насиженного места, нацепил на мне нос пластиковые очки и начала пристегивать к себе. Через мгновение мы оказались перед пропастью.

В этот момент я, вообще, была действительно согласна на все. Я итак умерла второй раз умирать мне не хотелось. Крепко вцепилась в него, как за спасательный круг, наверно это были самые крепкие объятия в моей жизни. Но это чудовище, именуемое моим женихом, уверенно сделало шаг в пропасть, утаскивая меня за собой. На мгновение от ужаса я закрыла глаза, приготовившись в страшному. Но вместо неизбежного, потоки воздуха подхватили наши связанные тела. Непередаваемое ощущение словно я лечу, смесь ужаса и восторга, подогреваемое адреналином. Безумное чувство полета, и неопишуемая свобода. А мир под ногами казался таким далеким и незначительным. Сейчас мы далеко от всего.

— Вот это я и хотел тебе показать! — Я чувствовала его ликование, его восторг такой же, какой испытываю сама. И внезапно поняла, что ни капли не злюсь, наоборот даже рада. Сейчас у нас одно небо на двоих и одни и те же ощущения, безумное чувство свободы. Из-за таких мыслей, я чуть не пропустила момент, когда он открыл парашут, и падение замедлилось. Наконец, мы приземляемся. Андрей очень осторожен, первым делом оглядывается меня спрашивает:

— Как?

У меня нет сил злиться на этот коварный сюрприз, нет сил описать свой восторг, поэтому тяжело отдышавшись, я ответила ему улыбкой, и увидела в ответ его ухмылку. И в этот момент нам совсем не нужно слов.

Андрей

Я не понимаю свою невесту.. Я привык предугадывать, привык все планировать, это необходимая вещь для бизнеса, но Лера никак не хотела соответствовать моим предположениям и представлениям.

Попытка соблазнения меня Евой была глупой, я бы даже сказал абсурдной. Нет, лет десять назад, я бы ответил на подобное. Но сейчас у меня была невеста, и какие-то принципы. Я никогда не изменял, пусть и менял девушек как перчатки. Мои друзья изменяли своим спутницам, женам. Количество любовниц для кого-то даже показывало статус. Вот только я сам так не считал. Зачем мне многие? Я хотел оду, но самую лучшую. Быть может, здесь сыграло воспитание, семейный пример. Быть может, мне не слишком хотелось, чтобы использовали меня самого, и чтобы мной манипулировали. С одной стороны, выбрать лучшую, а с другой — позволять на себя вешаться кучке похотливых охотниц?

Я слишком хорошо знал девушек моделей. Не все, конечно, из них пришли в этот бизнес, чтобы удачно выйти замуж, или найти себя «папика». Но я хорошо знал Еву. Она ведь была подружкой моей невесты. Поэтому я отлично понимал для чего это было сделано. И несмотря на довольно соблазнительный вид искусительницы, становиться орудием мести я не собирался. Просто выпроводил ее, а потом вслед за нею пришла Лера, Лера, которая все поняла, но не спросила, даже не соизволила спросить. Возможно, этот ее вопрос и вовсе не интересовал. Могла ли она спокойно стерпеть подобное? Испытывала и какие-то чувства или в наши отношения строились лишь на тонком расчете? Такие сложные и неприятные вопросы. Вопросы, которые раньше меня собственно и не интересовали. Быть может, потому что я вдруг осознал что у нас есть нечто большее, чем секс и совместный досуг? А, возможно, потому что Лера перестала быть очередной моделью, куклой так необходимой для статуса, удобной и непритязательной.

Но вместо вопросов лишь холодные задумчивые взгляды, и нежелание поговорить. А после, приглашение на ужин домой. Жаловался на скучную жизнь, Андрюша, пожалуйста, теперь ты даже не можешь предсказать, останешься и ты со своей девушкой на ночь или расстанешься? Непривычное ощущение, правда? Особенно, учитывая, что меня никогда никто не бросал.

Но, когда я приехал, а на ее губах засияла искренняя улыбка. А

ведь я видел сотни ее фальшивых выражений восторга и радости, я легко мог понять, когда она настоящая, когда она живая, а не та пластиковая кукла, позирующая для обложек глянцевого журналов.

«Я еще подумаю над этим. Надо мне это или не надо». — сказала на счет замужества моя ехидная лиса в овечьей шкуре. Будто она действительно откажется от меня, будто наши отношения ничего не значит. Фраза была брошена игривым тоном, но все равно это несколько выводило из колеи. Думала ли Лера так на самом деле? Или это провокация? Определенно провокация, чтобы подстегнуть меня к действию.

Она таяла под моими поцелуями, я чувствовал дрожь ее тела, видел как блестели ее глаза, а на щеках пылал румянец, слышал ее частое от возбуждения дыхание. И это было чертовски приятно, то как она смотрела на меня сейчас. все равно несмотря на все это, она не сказала "да". Не сказала, что хочет быть со мной. Одно короткое «да», на такой простой вопрос. Или не время еще его задавать?

Понимает ли она, что делает со мной соим поведением?

Что ж я не смог удержаться от ответной каверзы, пусть она и казалась достаточно мальчишечьей. Но как и известно первые сорок лет у мужчины, это детство.

Оказавшись, на борту самолёта, набравшего уже приличную высоту, чертовка сменила гнев на милость, и даже произнесла заветную фразу. Правда, в ней больше было испуга чем искренности, и вряд ли ее можно было засчитать. Сейчас в ней было больше перепуганной девчонки, чем той модели, которую я когда-то встретил.

Но я был уверен, что скоро это изменится, и моя доверчивая девочка превратится в яростную гарпию после подобного потрясения. Но вместо того, чтобы накинуться на меня с кулаками, она лишь радостно улыбалась, и, кажется, на самом деле меня понимала. Мир, похоже, никогда не будет прежним Андрюша. Совсем недавно ты рычал от предсказуемости, теперь вот не можешь предугадать поведение и реакцию собственной девушки.

Совсем недавно, ты считал, что девушка должна быть моделью или актрисой, а обедать нужно только в ресторане. Теперь ты в восторге от домашних ужинов, и рад видеть свою спутницу, хоть и в простой футболке, едва прикрывающей попу.

Глава 10

Каждый вечер, я откладывала деньги в коробочку для Вани. Конечно, можно было бы хранить их на карточке, но именно этот ритуал, это простое действие, успокаивало меня, помогало почувствовать, что я все ближе к цели. Немного поработать и Ване хватит и на операцию и адаптацию после нее. Главное, только пережить неделю моды, и я вполне смогу помочь семье, и не только Ване. Вот только бы уговорить маму эту помощь принять? Она неохотно, каждый раз принимала от меня лекарства с курьером, и то она делала это потому, что иного выбора просто не было. Иногда собирая очередную посылку, мне так и хотелось положить туда альбом с красками и карандашами, который я обещала купить брату в день собственной смерти. Написать, что я жива, но это было бы слишком эгоистично. Они могут мне не поверить и отвернуться от меня и от моей помощи. Сейчас не время для подобных признаний. Нужно дожить до дня операция, а там я на радостях смогу уже приехать к спасённому благодаря моей помощи мальчику, и может быть потом что-то рассказать. А вместе с ним уже рассказать о произошедшем родителям, и, тогда мне поверят. А сейчас мне нельзя лишний раз с ними общаться. Андрей высказался по этому поводу достаточно однозначно. Никаких встреч с этой семьёй. Впрочем, когда жизнь брата будет вне опасности я смогу плюнуть на эти запреты. И я уже не буду зависеть от Жданова.

После недели мод я попрощаюсь с ним навсегда. Вот только сейчас понимаю, что почему-то мне не хочется этого делать. Несмотря на это, я понимаю, он был Лериным женихом, не моим. И все его поступки направлены на нее. Вот только почему-то мне с ним хорошо. Что ж время нас рассудит. Однажды я уже сделала ошибку, слишком доверившись чувствам.

По крайней мере, наивная я, полагала, что у меня есть это время. Но судьба распорядилась иначе. Я сделала глупость, не учла особенность Ваниной болезни хотя должна была заранее это предугадать, но, наверное, мне слишком хотелось верить в чудо. И вот в один из дней рано утром мне позвонила моя и Ванина мама. Ее голос дрожал, явно от недавних рыданий.

— Простите, Валерия, что так рано разбудила вас.

Мама теперь обращалась ко мне именно так, даже не понимая, как это «вы» обжигало мне сердце. Для нее это было лишь выражение уважения и благодарности, для меня лишнее напоминание, что теперь я чужая, что я не ее дочь.

— Я знаю, что вы и так нам помогали. И наверно это наглостью будет спрашивать, но...

В этом но и было самое страшное...

— Ване ночью стало плохо, нужна операция, иначе...

Она не смогла удержаться от рыданий. Ей не нужно было говорить, что после иначе. Она не могла допустить еще и потерю второго ребенка. Самое страшное для матери видеть смерть собственных детей.

— Я, наверно, зря звоню, — сказала она сквозь слезы, совсем уже не зная, что делать.

— Мы отдадим деньги, мы все отдадим. Я продам квартиру, — Она была доведена до полного отчаяния, и сейчас была готова на все. И эти резали мне душу. — Но сейчас это нужно срочно.

— Успокойтесь, я найду деньги не переживайте, — сказала я. Но несмотря на собственные заверения во мне самой не было и толики спокойствия, только нарождающаяся паника. Потому что сейчас я проиграла, и собрала лишь часть суммы.

— Сколько у нас времени? «У нас». Мама, пойми это не только твоя беда, мы справимся.

— Три дня, — тихо сообщила она. В ее голосе чувствовалось поражение, этого слишком мало.

— Я переведу часть денег сегодня. — Остальное...я запнулась знать бы где это остальное еще найти? — Остальное завтра.

Я завершила разговор и положила телефон в сумочку, хотя на самом деле хотелось его как следует куда-нибудь швырнуть. Я была уверена, что все рассчитала, я была уверена, что спасу брата, но судьба подбросила мне такой сюрприз. Где же взять столько денег? Если заложить Лерины драгоценности, найденные мною на прошлой неделе, то денег все равно может не хватить. Просить у Андрея? У него явно будут вопросы, на которых я не смогу дать ответов. Кроме того, я даже не знаю одолжит ли мне Андрей такую сумму. В мозгу бешено пульсировала одна-единственная мысль, что же делать, как зазвонил телефон, пришлось достать его и ответить на звонок.

Нужно явиться на работу. Увы, ее никто не отменял, да и деньги лишними не будут. Правда, сейчас часть такого драгоценного для меня времени придется потратить на дорогу до агентства. И все ради получения какого-то расписания. Почему, вообще, его нельзя отправлять на электронную почту?

Сегодня Ани не было за администраторской стойкой, она умудрилась свалиться с гриппом летом, но вроде бы чувствовала себя уже неплохо. Видеть меня она не хотела. Говорила, что не хватало и мне что-то подцепить. Вместо нее сегодня была Анджела, которая была полной ее противоположностью, смуглая с темными волосами. В ней не было привычной Аниной строгости и, честно говоря, и тетушкиной элегантности и стиля тоже не наблюдалось. За то ее такой простодушный вид был для меня более привычным. И когда я получила от нее п список работы на сегодня, то не удержалась от комментария:

— Негусто.

При Ане я бы не решилась на подобное. Тетушка строго приучила меня держать свое мнение, касающее работы, при себе. Чтобы мне не нравилось, чтобы меня не возмущало, мне платят на не за обиды и капризы. Поэтому, если дизайнерское платье выглядит как убожество, твоя задача показать всячески, что это не так. Модель — это еще и актриса, пусть и своего особого жанра.

— Нужны деньги? — спросила понимающе она. В ней не было привычных для этого мира понтов, она не носила брендовых вещей, как некоторые мои коллеги, даже учитывая, что некоторые из них покупались на последние деньги, а часть брались в долг у более обеспеченных подруг.

— Кому они не нужны, — сказала я, прикусив язык. Это фраза больше принадлежала лично мне. а не Лере, невесте олигарха, золотой девочке, давно не знающей ни в чем отказа. К счастью, Анжела была новенькой и пока что не слишком разбиралась в подобных тонкостях. Более того, она даже не заметила особенностей отношений между мной и ее шефом. Удивительная невнимательность, которую не прощают в подобном бизнесе. Наверно, ей бы и не простили, но Ане нужна была подмена. Вот кто-то и решил воспользоваться моментом и пропихнуть сюда свою знакомую.

— Есть возможность подзаработать.

Видя мою заинтересованность, Анжела добавила:

— Эскорт услуги.

Я пораженно уставилась на нее. Она что действительно предлагает мне занятия проституцией?

Женщина явно заметила мою реакцию и тут же покачала головой:

— Нет это не то, что ты подумала. Это просто услуги сопровождения. На званый вечер например. Какое-то светское мероприятие. Сама знаешь, богачи любят попантаваться, — простецки закончила она.

Это я хорошо знала, более того, участвовала в подобном мероприятии. Вот только моему богачу вряд ли понравится, если кто-то другой будет понтоваться его невестой. Это явно не самый подходящий вариант заработка. И все-таки повинувшись какому-то внезапному любопытству спросила::

— И сколько платят?

— Двести тысяч. Зависит от известности модели и вкусов заказчика.

Я едва сдержалась от восклицания. Даже не думала, что так много. С другой стороны, Аня сама мне говорила, то некоторые будут готовы выложить немало денег за один вечер со мной. Удовлетворив свое любопытство, я уже собралась развернуться, и поскорее покинуть помещение, как Анжела остановила меня:

— Подожди, есть заказ на персональный ужин, это я тебя так понимаю больше устроит?

Похоже, она быстро поняла, что именно меня смущало.

— Давай вначале узнаем сколько предложит заказчик, я сейчас отправлю ему пару фотографий из портфолио. Как я помню, ты вроде и в зарубежных показах участвуешь?

Анжела мало интересовалась моей биографией, впрочем, обо всех остальных девочках она знала еще меньше. Подобное ее нисколько не омрачало, работа в нашем агентстве для нее была лишь временной.

— Полмиллиона тебя устроит? Заказчик готов выслать аванс. Диктуй номер карты, — она даже не стала дожидаться моего согласия.

А я не могла отказаться. Вместе с деньгами, полученными за драгоценности Леры, этого могло бы хватить. Нужно всего лишь потратить вечер. Один ужин в ресторане отеля. Не стоит переживать за собственную безопасность, в людном месте со мной не случится. Самое страшное, заказчик окажется знакомым Андрея. Но ради брата я готова

рискнуть. Брат важнее.

Аванс мне пришел достаточно быстро, и это немного успокоило. Если мне кто-то что-то хочет сделать вряд ли он будет платить, да еще заранее. Кроме того, вряд ли что-то может со мной произойти в ресторане престижного отеля? Никто не соберется на меня нападать в людном месте. Что за глупые мысли лезут в голову. Даже Аня упоминала, что подобное случается. Наверно, я просто насмотрелась всяких передач, типа, Криминальной России, от того и дурные мысли лезут в голову. Да, некрасивую девушку в такое место не позовут, тем более за деньги, но я сейчас я не Алена Сотникова, медсестра, хватающая за каждую подработку. Все изменилось, и мне нужно не только это понять, но и принять. Так, почему же я так нервничаю? Может быть, причина, в том, что пришлось солгать Адрею, чтобы отправиться на эту встречу? Он не важен, сейчас, главное, брат, жизнь которого нужно спасти. А ужин в ресторане с незнакомой девушкой за который платят такие деньги? Что ж у богатых свои причуды. Вполне возможно, что Лере поступало много таких предложений, кто знает. Так, почему же у меня скребет на сердце? Чувства? Неужели, я что-то чувствовала к нему? Даже понимая, что он в любой момент может уйти, мой чужой жених. А ведь, это, вполне возможно, и тогда будет больно. Главное, я смогла уже перевести большую часть денег, необходимых для оплаты операции. И скоро смогу перевести оставшуюся сумму.

В отеле на ресепшене меня уже ждали. Администратор провел в ресторан, зал, к моему большому сожалению, был пуст, кроме единственного столика, за которым сидел в вальяжной позе мужчина, мой клиент. Официант уже наполнял бокалы, а неподалеку увидела охранника. Почему-то вид обслуживающего персонала меня успокаивал. Быть может, это не самый популярный ресторан, или посетители предпочитали позднее время. Или все проще, мужчина выкупил весь зал. Вполне даже возможно.

— Валерия Литвински, — сказал он, улыбаясь, В его голосе слышался акцент. И судя как, он произнес мое имя, он явно знал, кого выбрал на этот вечер. Он выбирал непросто куклу, он знал, что выбирает меня, и внимательно рассматривал, его взгляд прошел по длинным завитым в локоны волосам, по длинному тёмно-синему платью, в котором Лера когда-то снималась в рекламе. Украшений на мне не было, всю имеющиеся у меня драгоценности я сдала сегодня в

ломбард. Мужчина смотрел на меня внимательно будто бы пытался убедиться, что я не подделка, и подобное несколько выбивало меня из колеи. Потому что никто не смотрел на меня так, и именно этот внимательный взгляд застоял поежиться, и только из-за многочисленных тренировок я продолжала держать осанку.

— А вы?

— Эдуард, — представился он и пододвинул мне стул. Так вежливо и по-джентельменски. Заботливо сразу предложил шампанского, я сделала лишь глоток. Он тут же поинтересовался причиной. Вдруг не понравилось? Может быть, другое? Или лучше вино? Изысканные блюда и закуски, лобстеры и омары, видно, были призваны показать всю его щедрость. Из разговора было понятно, он был богат, это было понятно и без разговора. Но мне не давал покоя один вопрос. Зачем этот ужин? Просто каприз или нечто большое? А вдруг его кто-то нанял, чтобы получить на меня компромат? Или он конкурент Андрея? Чем дольше я об этом Фальшивые комплименты, лживые улыбки, даже самое искусное блюдо станет комом в голе, я чувствовала как мурашки бежали по коже, я не могла спокойно сидеть. Но мой собеседник ничего подобного не испытывал, кажется, он искренне получал удовольствие от этого ужина. Я же думала о скорейшем его окончании, о том, когда же получу оставшиеся деньги.

Когда подали десерт, я уже готовилась сказать, что пора завершать вечер. Мне нужно было перевести оставшуюся сумму маме. А потом вечером, как всегда, позвонить Андрею, но у мужчины были совсем другие планы:

— А теперь, милая, поднимемся наверх, где тебе предстоит отработать свои деньги.

Я непонимающе уставилась на него.

— Наверх? — переспросила я, кажется, осознавая, что происходит. Охранник вместе с официантом, тут же отворачиваются, и, наконец, до меня начало доходить. Он не снимал этот ресторан, он хозяин всего отеля.

— Ну же милая, я не думаю что стоит это делать прилюдно? Хотя и мысль интересная, — улыбается мужчина, и от этой улыбки у меня холодеет все внутри. Потому что я понимаю, если захочет он сделает, он все сделает.

— Но мы так не договаривались, — вяло произнесла я, зная, что его

это не остановит. Таких людей вряд ли останавливает подобное.

— Ты думала что я плачу эти деньги за ужин? — холодно усмехнулся он, заставив меня поежиться. — Нет, милая, это всего лишь маленькая прелюдия, я же цивилизованный человек.

— Я...я уйду, — я встала и уже направилась к выходу.

Мой собеседник лишь покачал головой:

— Ничего не выйдет, девочка. Я не привык себе в чем-то отказывать.

Широкоплечный охранник перекрыл собой выход, отрезав мой единственный шанс к спасению.

Стоявший рядом со мной мужчина, похоже, наслаждался моим отчаянием.

— Ты отсюда просто так не уйдешь, — сказал он, явно смакуя каждое слово. Получая удовольствие от власти, оттого, что сейчас он контролировал ситуацию, а я оказалась в ловушке.

Он сделал шаг ближе, заставляя меня отступить:

— Я буду кричать, — пропищала я от ужаса. Что делать что делать? Негнуцимися пальцами я рылась в сумочке в поисках телефона, хотя отлично понимала, что вряд ли успею набрать номер Андрея. И собственно не факт, что его, вообще, увижу.

А Эдуард все приближался ко мне, с дьявольской усмешкой:

— Здесь отличная звукоизоляция, малышка.

— Я не буду с вами спать, — сказала я, жалея о том, что мне нечем защититься. Разве попытаться отбиться дамской сумочкой, и тем самым рассмешить насильника.

— А, знаешь, это тоже интересно, — сказал хозяин заведения — Что ж не хочешь по-хорошему, будет по-плохому, — и он крикнул. — Арсен!

Кто-то подошел ко мне со спины, я не успела оглянуться, как меня схватили, и сунули под нос тряпку, пропитанную чем-то неприятным, и схватил меня за подбородок. Я начала задыхаться от этой отравы, жадно хваталась за воздух, пытаюсь вдохнуть, из глаз лились слезы, я пыталась вырваться, но силы стремительно таяли. Их хватало только на то, чтобы смотреть в лицо державшего меня человека, милого темноволосого паренька, заботливо подливающего бокалы и работающего официантом, в нем не было и капли жалости, лишь сосредоточенность.

Перед тем как окончательно потерять сознание я успела услышать:

— Отдохни, крошка, скоро повеселимся.

И я упала в спасительное забытье.

***

Никогда не думала, что окажусь в плену, и не думала, что это будет так. Никаких пыльных камер, холодных подвалов, пыток, избиений, и прочей типичной атрибутики, которую показывают в фильмах. Роскошная спальня, кровать с балдахинем, шикарный вид из окна, и даже кабельное телевидение. Море косметики, целый шкаф, забитый нарядами. Комфортные условия, не правда ли? Вот только одна беда, дверь заперта, а на окне решетки, потому что это клетка, это золотая клетка, со своим правилами поведения, и мне уже рассказали, как стоит себя вести.

Бритоголовый мужчина явился ко мне, как только я пришла в себя. Тихим, вкрадчивым голосом пояснил, что если я хочу жить, мне нужно всячески удовлетворять прихоти своего хозяина. Именно «хозяина». Теперь я беспрекословная игрушка для постельных утех. И мне лучше не спорить с этим, ведь я же хочу сохранить свое хорошенькое личико. А когда я надоем владельцу этого дома, то меня отпустят, еще и заплатят. Хотя судя по выражению его лица, о и сомневался в правдивости собственных слов, отлично понимал, чем я отличаюсь от предыдущих «гостей» этого дома. У меня есть состоятельный жених, который вряд ли простит подобное. Ночью, когда я только очнулась я слышала разговор его и охранника, дежурившего у двери, они обсуждали что. А также лысый добавил, что последствия побега для меня буду весьма неприятными, хотя, с другой стороны, счастливого исхода все равно не будет. Если только Андрей каким-нибудь чудом не найдет? Хотя как? Я ведь ничего никому не рассказала. Только Анжела знала, и я уверена, что после моего исчезновения она будет молчать.

Дура, глупая наивная дура, клюнувшая на легкие деньги, и поверившая в беззаботную жизнь моделей. Так, легко попалась на крючок. Кто теперь поможет Ване? Когда мне суждено умереть по приказу маньяка. Отсюда ведь невозможно сбежать. Здоровенного накаченного охранника, который приносит еду мне никак не оглушить, а значит встреча с Эдуардом неизбежна. Только если удастся справиться с ним, и как-то проскочит мимо охраны...

Эх, а ведь если бы я во все это не влезла, то брату могли уже наверно операцию сделать. Выход был прост и лежал на ладони. Я

могла вполне взять кредит на Ванино лечение. Это Алене Сотниковой не дадут кредит из-за наличия долгов (впрочем, мертвые кредиты брать не могут) и не идеальной кредитной истории, Лере Литвински бы никто не отказал. Вот только решение моей проблемы пришло в голову слишком поздно. Сейчас требовалось придумать, что делать с новой. А не жалеть о несбыточном, и не думать, что у меня могло быть все. Призвание, деньги, любовь. Ведь я определенно что-то чувствовала к Андрею, но мне не хватало смелости. Где-то там в глубине души все еще жила маленькая девочка, считавшая, что ее никогда не полюбят. Из раздумий меня выдернул внезапный шум.

Я услышала скрип двери, заскрипели ключи. Кажется, эта встреча состоится раньше чем я думала. Дверь отворилась.

Эдуард Зачинский

Иногда вместо якобы дружеских рукопожатий хочется вцепиться в собеседника и с удовольствием заехать по лицу, но вместо этого приходится улыбаться. Нужно держать лицо, даже когда у тебя уводят выгодный контракт, даже если твой бизнес из рук пытается вырвать конкурент. Только вежливые скучные беседы, несмотря на то что так хочется крикнуть нечто далёкое от светской болтовни. Увы, на таких мероприятиях нельзя поступать иначе. Даже если тебе переходит дорогу сопливый мальчишка, которому досталось все на блюдечке с голубой каемочкой, даже если кипишь от злости. Эдуарду оставалось только мысленно представлять, как он избавляется от Жданова, который незаслуженно брал все.

Вот только однажды фантазии перерастают в долгосрочные планы. Настолько, что можно спокойно наблюдать за ненавистным человеком, изучая слабости и обдумывая возможности. Прокручивать в голове это можно тысячи раз, а выполнить в реальности лишь один.

Эдуард хорошо помнил то вечер, когда он пришел на прием с ней. С девушкой, лицо которой улыбалась с большинства баннеров города, и с обложек журналов, которые читают местные курицы.

Девушка выглядела королевой, идеальная осанка, уверенность во взгляде. И несмотря на то что она была собачкой, выставленной напоказ, красивой купленной игрушкой. Андрей, как всегда, все покупал. Впрочем, Эдуарду ли его винить? Ведь можно вполне перекупить самому? Хотя использованные вещи теряют свою ценность.

Было даже забавно узнать, что Жданов привязался к своей игрушке, более того, даже назвал невестой, правда, пришлось заплатить штраф в том агентстве в котором девушка подрабатывала. Кто-то из легкомысленных светских барышень даже считал историю романтической. Андрей тут же перетащил свою игрушку в собственное модельное агентство, и связал кабальным контрактом, наверно, чтобы невестушка не сделала ноги в скором времени, поняв всю прелесть своего жениха.

Последней точкой кипения стало новое предприятие Андрея, мальчишка старательно вставлял палки в колеса, пытаясь подмять рынок под себя. Даже не думая, что лучше не дразнить хищников.

От Жданова-младшего нужно было избавиться. Киллер? Взрывчатка в машине? У Эдуарда были более интересные и не такие банальные идеи, и более приятные. Ведь у Андрея появилась уязвимая точка, которую он и не думал прикрыть. Например, окружить свою любимую невесту положенной ей охраной? Впрочем, вряд ли бы она сильно помогла. Он хорошо знал Андрея, как и знал его ошибки, Жданов расплылся, и не так хорошо знал свой персонал, пусть и временный, более того, даже не потрудился кому-нибудь поручить как следует проверить Анжелу. Женщина частенько доставляла ему красоток, ни к чему ей знать, что в этот раз, что-то не так. Впрочем, Анжела действительно была хороша, вместо того чтобы попросту отправить расписания драгоценной спутницы Андрея. Можно было похитить девушку во время ее передвижений, просто запихнув в машину с криками. Не очень красиво, конечно, зато эффективно. Но умница Анжела тут же нащупала слабую точку девушки. Той срочно были нужны деньги. Неужто подарок благоверному? Или какие-то женские прихоти? Ох, Андрюша, не балуешь ты будущую женушку. Впрочем, придется за это заплатить. Хотя кто может знать, может, девушка сама окажется не против развлечься? Это бы купило ей какое-то время пока она ему не наскучит.

Она пришла, глупая птичка, попавшая в западню, наивно поверившая администратору. Хотя чего удивляться, одна из моделей, глупая шестнадцатилетняя малолетка, говорила, что они для них порою, как матери родные. Впрочем, она все равно пришла бы, вне зависимости от способа и желания

Несмотря на изысканную блюда и интересную беседу, Лера

мрачнела, явно предчувствуя беду. Ее явно выбивал из колеи пустой без посетителей зал. Птичка уже торопилась покинуть насиженное место, когда он произнес:

—А теперь, милая, поднимемся наверх, где тебе предстоит отработать свои деньги.

Он с удовольствием отметил, как она изменилась в лице. Да Андрей, наверно, не так начинал отношения. Впрочем, ему не отношения нужны, а нечто другое, более простое. Эдуард уже представлял, как хорошенько отдерет эту девочку, как будет держать ее за волосы, контролируя каждое движение.

А глупая девочка решила сопротивляться, наивно думая, что он просто так ее отпустит. И дело не в деньгах, дело в принципах. Наивная пташка что-то пискнула, явно не сообразив, что это его ресторан и Эдуард может творить здесь все, что пожелает. И сделать это прямо здесь было мыслью явно занятой. Но он предпочитал более комфортные условия, заодно и птичка должна стать более сговорчивой, и как следует постараться, глядишь, ему понравится, и он не станет ее убивать. В ближайшее время не стану. Ибо плата за игру с такой дорогой куколкой не деньги, здесь совсем другая цена, жизнь. Ее жизнь. Какова Андрею будет без невесты? С легкостью найдет другую? Что ж Эдуард ему обеспечит более интересное времяпрепровождение. Например, быть подозреваемым в ее смерти. Даже если он каким-то чудом сможет отмыться, репутация все равно пострадает.

Он смотрел на лежащую на полу без сознания девушку, ее волосы распластались на полу, прическа вся растрепалась, но даже несмотря на это, она была красивой. Девушка с обложки, что ж скоро я с тобой поиграю, подумал Эдуард, предвкушая этот момент. На какую-то секунду ему было жаль, что ее придется убить, но всего лишь на секунду. В его мире нет места жалости. Да и к чему жалеть куклу?

Андрей

Почему-то каждый раз, когда я возвращался из больницы, то чувствовал себя плохо. Тяжело видеть детей, которые за свои короткую жизнь пережили столько, сколько не переживали многие взрослые. Тяжело смотреть на их матерей, которые прижимают их так, будто в состоянии защитить от смерти, их глаза светятся безумной надеждой смешанным с пониманием, что чуда может не быть. Это тяжело, это выворачивает изнутри. Я не обязан это видеть. Не обязан был даже этим

заниматься. Не обязан был оплачивать операции, не обязан помогать. Но я считал это правильным. Как и правильным, то, чтобы контролировать, куда идут деньги. Врачи с легкостью состряпают какое-нибудь левое медицинское заключение, чтобы выжать еще денег. Поэтому пришлось ездить самому. Хотя, может, стоит, подключить к этому помощника? Того, что будет молчать. Не хотелось бы, чтобы кто-то узнал о подобной деятельности. В благородность моих намерений все равно никто не поверит. Скорее еще и припишут отмывание денег, или попытка уменьшить налоги. Да и не хочется, никому открывать причины подобных поступков, слишком личные причины. Роль мажора и сынка богатеньких родителей гораздо привычнее. Даже если это не так, даже если многого добился сам.

В носу все еще стоит запах воздух весь пропавший лекарствами и хлоркой. А перед глазами, то как молоденькая медсестра пытается попасть в вену на тонкой детской ручке, на которой, итак, не было живого места. Все в синяках. Об этом лучше не думать.

Лучше думать о Лере, о том, как прижаться губами к ее коже, вдохнуть фиалковый запах волос. Зачем-то она сменила парфюм, впрочем, мне он нравился. Простой ненавязчивый запах, и такой естественный, как и она сама. Увидеть ее улыбку, услышать ее задорный смех. Сейчас я испытывал невыносимую тягу к ней, сейчас она была не просто девушкой, сейчас она была потребностью.

— Привет, любимая. Я приеду, — не спрашивал, просто утверждал, и несмотря на это, она мне отказала.

— Слишком устала, — сказала Лера, но в ее голосе было нечто иное. Волнение, напряжение, но явно не усталость.

— Тогда хорошо отдохнуть, милая. Целую.

— И я тебя, сказала она с легким придыханием. Искренне и самозабвенно. И только через несколько долгих секунд положила трубку. Будто бы ей не хотелось завершать разговор.

И именно ее интонации заставили меня нервничать. Почему-то складывалось впечатление будто она не дома, именно поэтому Лера и не хотела, чтобы я приехал к ней.

Добравшись домой, открыл ноутбук и запустил программу. Лера так и не поинтересовалась, как именно я следил за ней, собственно до сих пор даже не поинтересовалась причинами подобного. Что ж это для ее же безопасно, что поделаться, охрану она не одобрила. По банальной

причине, что-то она не видела моделей, возле которых все время дежурили охранники. Пришлось решать вопрос проще, поставить маячки, чтобы отследить передвижения собственной невесты. Симпатичный брелочек для ключей в квартиру, да милый невзрачный кулон, который как я шутливо сообщил Лере приносит удачу. Брелок, правда, работал лучше, увы, украшения для подобного не годятся, женщины слишком любят подобное менять.

Как я и думал Леры дома не оказалась, где-то за городом, с трудом я вспомнил, что это загородная резиденция Эдуарда... Что, вообще, могло ей там понадобиться? Не могла же она мне с ним изменять? Что ж придется нам сегодня встретиться и хорошенечко поговорить, и боюсь разговор будет нелегким. Не могла же она мне с этим дрыщом изменить?

Я набрал ее номер, но телефон был выключен. Подобного за ней не водилось. Порою она говорила что телефон ее жизнь, и даже отказывалась выключать его на ночь в опасении пропустить важный звонок. Что ж такое происходит? Что-то вряд ли это похоже на измену. Быть может, Зачинский сам увез туда мою невесту или заманил?

Только зачем? Из-за какой-то сделки? В памяти тут же всплыли то, как он смотрел на мою невесту, тогда еще просто девушку. Измена или похищение? Я могу сейчас выставить себя полным дураком весь мир.

Вломиться туда со своими людьми? Эдуард явно потом использует это против меня. Остается один-единственный правильный выход, позвонить в правоохранительные органы и сказать, что мою невесту похитили.

Если бы, это был не Зачинский...Тогда бы можно было смело полезть самому, захватив пару ребят, и настоятельно объяснить, что трогать чужую невесту крайне неудачное решение. Вот только с Эдуардом такой фокус не пройдет. Он уж оторвется на мне по полной. Быть может, это его мастерский способ создать на меня компромат? Например, незаконное вторжение, а там еще что-нибудь?

Что ж оставалось столько звонить Стасу. Благо, у меня имелся хороший знакомый в силовых структурах.

— Стас, Леру похитили. — Отличное начало разговора, особенно среди ночи?! Друг, наверно, уже и задумался какую именно Леру, старательно роясь в памяти. Ну да за время нашей дружбы у меня было много подруг. — Мне нужен срочно наряд, — сказал я. Не просьба,

требование. Наверно кого-то другого Стас послал бы.

— Андрей успокойся. — Что и когда произошло? — Его голос был еще сонным. Скорее всего, у него выходные. Даже в полиции бывают выходные.

— Я спокоен, — чуть ли не прорычал я. — Она в доме у Зачинского уже несколько часов. Телефон выключен. — По моему голосу было явно слышно, что до спокойствия мне было очень далеко.

— Когда ты с ней говорил? — Стас быстро пришел в себя. Вопросы, понеслись один за одним, типичные протокольные вопросы, времени на которых совсем не было.

— Андрюш, а ты не думаешь... — начал Стас и остановился. Не стал договаривать первое и наиболее очевидное предположение, что именно моя невеста может делать в чужом доме. Как и не стал спрашивать откуда я об этом знаю. Вешать на человека датчик слежения, не самое законное занятие, точнее, совсем незаконное.

— Нет, не думаю, — отрезал я, хоть и отлично понимал, что она могла поехать по собственной воле, но почему-то не был уверен, что Лера не могла мне изменить. Или я наивно верил, что мне изменить нельзя. А ведь мы уже какое-то время не спали вместе...

Впрочем, сейчас не до этого, Лера могла быть в опасности. Идиотов и маньяков хватает. Мог ли оказаться Эдуард среди них? Я не мог исключать подобного.

— Ладно, направлю. «Ты хоть позвони в полицию для приличия», — сказал Стас, явно понимая, в какую петлю придется сунуться ради друга. Ведь потом именно ему разгребать в случае чего.

— Езжай. Они поедут за тобой. Только прошу сам не лезь. — Попросил он, явно не веря в мою благоразумность. И когда я дал повод думать иначе? Я спокоен, я спокоен. Пока какой-то маньяк неизвестно что творит с моей женщиной. Пока Стас будет искать людей и подписывать кучу различных бумажек. Пойти, что ли, самому разобраться с Эдуардом? Хорошенько врезать по его заносчивой физиономии?

Я быстро запрыгнул в машину, гнал со всей скоростью, плюнув на все правила дорожного движения, на все риски. В безумной надежде успеть. Отлично понимал, если дом окружают, Зачинского я нескоро увижу. Не пустят меня ребята Стаса вместе в дом, чтобы там не творилось, оставят сидеть в машине и ждать и гадать. Для чего это

Зачинскому? Что это, вообще, за игры такие? Хотелось прижать эту сволоочь к стене схватить за шкуру и спросить лично.

Но когда я прибыл, дом уже был окружен. Стас на удивление сработал оперативно. Возле одной из машин я и обнаружил его, затягивающего сигаретой. А ведь начальство вроде бы не ездит на подобные операции? Его дело в кабинете сидеть и приказы раздавать.

— Проконтролировать решил, чтобы ты не лез. — сказал Стас, словно прочтя мои мысли, и улыбнулся, несмотря на ситуацию. — Живая она, мне только что отчитались. Испугалась не слабо, правда. Скоро выведут.

Я облегченно вздохнул. Оставалось надеяться, что эта мразь ничего с ней не сделала. Странно но почему-то часть облегчение касалась и «испугалась немного». Лера мне не изменяла. Похоже, я потрясающий эгоист, и бездушная скотина раз в этой ситуации, когда девушка до смерти напуганная, до смерти, а мне важно лишь это.

— Спасибо за замечательную «палку», отлично повысит квартальные показатели, — ответил мой друг, который, похоже, оказался не менее циничной скотиной. А на мой взгляд, более. У меня тут с невестой чуть не известно что не сделали, а он о показателях.

— Да и дело будет громкое, ты же не будешь отговаривать свою будущую жену от показаний? — сказал Стас с предвкушением.

Как я понимаю, он еще и по карьерной лестнице решил подняться за мой счет? Или просто готов на все ради прибавки в премии. Нет, я, конечно, умалчивать об этом не намерен, но цинизм дорогого друга поражал. Я уже хотел ему что-то высказать, когда увидел перепуганную, белую, как смерть, Леру, которую вел под руки сотрудник Стаса.

Увидев нас вместе со Стасом, она тут же рванула ко мне и прижалась. Я чувствовал, как она дрожит, чувствовал как из глаз сыплются ручьем слезы облегчения, и только прижал к себе сильнее. Что было, если бы ее не нашли живой? Что было, если бы ее не стало. Ответов я знать не хотел. Ясно было одно, она была мне слишком дорога, дороже чем девушки, которые были до нее.

Зато другие ответы хотел знать мой друг. Ему некогда было тратить время дать Лере прийти в себя. Увезти ее домой он мне тоже не дал. Препроводив нас с ней в машину, чтобы она смогла дать показания.

Опрос проводил он сам, как и записывал, не смотря на свое

начальственное положение. Голос Леры дрожал, когда она описывал, как согласилась на ужин, предложенный Анжелой, кто мог, вообще, знать, что виновницей окажется новый администратор? Что-то мне подсказывало, что сегодня Анджелу на работе я не увижу, и отнюдь не из-за увольнения. Стас расспрашивал Леру, как она очутилась в доме, делал ли с ней, что-то Эдуард. Но к моему счастью, Зачинский ничего сделать не успел. К моему, а не Стаса. Тот наверно бы не отказался и еще от одной палочки. Друг все задавал вопросы, но так и не спросил тот, что волновал меня.

— Зачем она согласилась на этот ужин? Зачем ей были нужны деньги и почему нельзя было попросить у меня?

Наконец, Стас отпустил нас, наверное, он еще бы помучал Леру. Как я понял, вовсе не от жалости к девушке. Он видел и не такое. Скорее всего, это было вызвано сочувствием к друг другу.

По дороге я едва сдерживал себя, чтобы не пристать с вопросами. Нужно было дать прийти в себя девушке, а еще заставить себя говорить спокойно, а не кричать. Да и за рулем лучше не обсуждать подобные темы. Только добравшись до квартиры Леры, закрыв дверь. Я задал вопрос:

— Почему, Лера? — Я не стал договаривать, она отлично знала чем я хотел спросить.

— Чего тебе не хватало? — Сейчас мой вид был далек от недавно перепуганного влюбленного. Влюбленного? Сейчас мне было не до обдумывания своих чувств. — Я бы все тебе купил. Исполнил бы любой каприз.

Так, тяжело не сорваться на крик, так тяжело просто смотреть на нее. Ни гордо поднятой головы, ни привычной бравады и пафоса. Маленькая девочка, угодившая в перепалку. Девчонка, чуть не расставшаяся с жизнью.

Лера встретила мой вопрос мрачным взглядом. Будто сейчас она скажет нечто ужасное. То самое, что раз и навсегда уничтожит наши с ней отношения.

— Нарядов? Побрякушек?

Я был готов дать ей все, исполнить любой каприз.

— Ты не поймешь, — тихо сказала она, окончательно взбесив меня. Единственное, что удержало меня это ее севший голос, перепуганной на смерть, девчонки.

— Ты знаешь, что такое, когда умирает единственный оставшийся в живых ребенок? Просто потому что нет денег? — сказала она, окончательно ошарашив меня. На ее глазах вновь появились слезы. — После той аварии у Татьяны Сотниковой остался один-единственный ребенок. И тот умирает сейчас в больнице. Ему нет и семи лет, представляешь? Он любит рисовать. Такой смыслённый мальчик, мечтающий стать спортсменом, отлично знающий, что у него нет будущего. Ты это понимаешь, Андрей? Ты понимаешь, что это такое?

Я молчал, такого я предположить и не мог. Даже не сразу вспомнил, что Сотникова это фамилия сбитой Лерой девушки. Так, значит, она переживала? Более того, даже рискнула ради незнакомого мальчишки?

-Вчера мне позвонила его мама, сказала, что нужны деньги срочно на операцию. — но у меня не хватило нужной суммы, я надеялась на показы в Милане и Париже. Я думала, что есть еще время.

— Почему ты не сказала мне? — спросил я. Хотя у самого возникла другая мысль. Если бы я раньше рассказал ей о том, что помогаю больным детям. Она бы спокойно сказала и не вляпалась в подобную ситуацию. Но мы вместе молчали.

— А ты бы помог? — С легкой истерической усмешкой спросила она, уверенная в ответе. — Ты же сам говорил, ни в коем случае не приближаться к этому семейству.

— Но это же совсем другое, — заявил я.

— Другое, хмыкнула она. — Я знаю таких, как ты, ваш интересуют дорогие машины, девушки, напоминающие кукол, и возможность покрасоваться. Вы можете что-то сделать, но никого из вас это не интересует.

Наверно меня это должно было задеть, но ничего похожего на обиду я не чувствовал. Лишь пораженно смотрел на Леру, на настоящую Леру, с которой слетела вся позолота. И внезапно понял одну простую истину, я никогда ее не знал, собственно мы не знали друг друга. Никто из нас и не позволял себя узнать. Мы никогда не были искренны. Каждый предпочитал играть свою роль.

— Вообще-то, я помогаю детям, — заявил я.

— Ты никогда этого не говорил, — тихо сказала она.

— Я не афиширую это.

— Почему? Может быть, бы к тебе еще кто-то присоединился?

— Это личное, Лера, — сказал чётко и ясно я. — Диктуй данные мальчика, номер телефона матери, и в какой они больнице.

Все сказанное Лерой я передал помощнику. Не было никаких сил возиться сейчас с этим самому. Чуть позже я обязательно съезжу и проверю, или хотя бы побеседую с врачом по телефону, сейчас я не был в состоянии что-либо делать.

— Спасибо, — сказала она искреннее, поражаясь, что все решил один мой звонок, что я так просто согласился перевести деньги. Она сказала это так, как будто наверно это было для нее нечто личное. Быть может, это было из-за чувства вины? Ведь она оставила мать без дочери. Какая ирония судьбы, сейчас она спасала ее сына. Алена и Ваня, прямо как брат и сестра из сказки.

— Так, почему? Почему ты никогда об этом не говорил? — не унималась она, сказала она, едва стоя на ногах, но не желая отступить. Глупая храбрая девочка.

И я отвел глаза:

— Потому что меня не поймут, Лера. Потому что легко обвинят в слабости.

Она рассеянно смотрела на меня, хлопая ресницами.

— Что-то было с тобой в детстве, — сказала она, и попала в цель. Умная отчаянная девочка, которая явно не отцепиться. Впрочем, сегодня ей пришлось многое пережить. Я вполне могу уступить.

Я отвернулся, мне не хотелось смотреть ей в глаза.

— Нет, моим родителям повезло, со мной никаких проблем не было. Более того, моей семье бы хватило денег, отправили лечиться за границу. Все это произошло с другим человеком.

Моим воспитанием занималась няня, хотя родители и уделяли много внимания. Отец был не против того, чтобы она водила меня на детские площадки, чтобы я общался с обычными детьми. Там я и познакомился с Дашей. У нее были удивительно светлые волосы и вечно озорная улыбка. — Образы прошлого тут же проносились перед глазами. — Мы подружились, даже бывали на днях рождения друг друга. Дашины родители были сильно удивлены, когда увидели наш особняк и поняли с кем дружит их дочь. Мама, правда, была от нашей дружбы не в восторге, но смирилась. Но когда я приехал после летнего лагеря Даши не было, на площадку она больше не приходила. Вскоре от ее родителей я смог узнать, что Даша болела, и ей требовались деньги

на лечение, которых у ее родителей не было.

— Почему они не обратились к твоим родителям? — Тут же спросила Лера. Как назло, задала вопрос, который мучил всех нас.

— Побоялись, что те их пошлют. Им нечем было отдавать долг. Хотя даже мама, недолюбливая Дашу, сказала, что если бы отец отказал, она бы отдала свои, впрочем, отец бы не отказал. Но они побоялись. Именно эту историю я не хотел выносить на обозрение. Ее можно было спасти. — В моем голосе звучала неприкрытая ярость, и еще хуже, неприкрытая боль, которую я не имел права показывать.

— Ладно я пошел, — сказал я, испытывая легкий стыд, это была слишком личная история, моя личная боль. Слишком далекая от образа мажора Андрея, который легко всего добивается и не знает ни в чем отказа.

— Не уходи, — сказала она с мольбой в голосе, крепко взяв меня за руку.

Алена:

Я была уверена, что это конец, знала, мне не спастись. Я была уже готова к смерти, отлично зная, что живой меня не отпустят. Но оказалось, что я не была готова к своему неожиданному спасению, не была готова, что меня вызволят. Как и не была готова увидеть в предрассветных лучах бледного перепуганного Андрея. Я тут же рванула к нему, крепко прижалась, и начала рыдать. Никак не могла остановиться. Слов не было, были только слезы. А еще было понимание, что именно он постарался вырвать меня из того ада, который уготовил мне Эдуард.

Дотошный допрос, при котором присутствовал мой жених. Молчаливая поездка в машине. И неожиданный разговор, изменивший все. Разговор, когда мы были искренны, насколько могли позволить. Разговор, расставивший все точки по местам.

— Ладно, я пошел.

— Не уходи, — сказала я, впервые не желая его отпускать. Отчаянно, понимая, он мне нужен, и нужен именно сейчас. Его присутствие необходимо мне как воздух, как то без чего я не могу обойтись.

Потому что там находясь в плену, находясь на краю гибели, я думала о нем, а не только о своей семье. Потому что сейчас, наконец, я все поняла. Он мне нужен. И нужен мне не из-за какой-то карьеры, ни за

каких-то договорённостей и всей прочей ерунды.

— Не уходи, — повторила я, подходя ближе. Вдохнуть его терпкий запах, встретиться взглядом, коснуться губ. Неумелая попытка объяснить, что я не в силах его отпустить. Впрочем, ему было плевать на мою неумелость, он тут же перехватил инициативу, ведя меня за собой. Оказаться в его крепких горячих объятиях. Его губы коснулись шеи, осыпая кожу поцелуями, от которых у меня такое ощущение, словно разряд прошел по всему телу. А поцелуи спускались все ниже, Почему-то не хотелось, чтобы он останавливался, хотелось, чтобы он был еще ближе, и я всем телом прижалась к нему, и целовала в ответ. Это словно зависимость словно какая-то безумная потребность в нем. Сейчас я не хотела думать о чем-то, потому что поняла, что завтра может и не наступить. Зато сейчас есть его прикосновения, его горячее дыхание. Под его руками зашуршало платье. Я же торопливо расстегивала его рубашку, но пальцы не слушались, торопливо дёрнула ткань, пуговицы посыпались на пол, но ни меня, ни Андрея это не волновало. Хотелось быть поближе, прикоснуться друг другу, кожей к коже. Сейчас я была согласна на все, чтобы он не прекращал поцелуи. Это тело помнило его ласки, все что было в голове, это безумное желание ответить. Изогнуться дугой, отдаться полностью вперед нескончаемому и безумному блаженству, все собраться и собраться на пики небывалого наслаждения. Безумно, без оглядки любить. Кричать его имя и ни за что и никогда не отпускать.

Утро встретило меня удивительной темнотой. Или я так поздно проснулась? И проснулась я не одна, а в компании Андрея. А значит, произошедшее недавно не сон. Я рассматривала безмятежно спящего Андрея, пытаюсь понять, как это вышло? Ласково провела рукой по волосам, вглядываясь в любимое лицо. Любимое, я действительно влюбилась. Ирония судьбы, влюбиться в чужого жениха притворяясь невестой. В памяти тут же всплыл момент, когда я увидела Андрея первый раз. Тогда я убежала, испугалась? А что было, если бы я этого не сделала? Вряд ли бы это дошло до чего-то подобного?! Впрочем, это всего лишь вопросы и предположения. А важно лишь то, что происходит в данный момент.

Глава 11

На следующий день мы поехали проведать Ваню, которому уже успешно провели операцию. По пути даже заехали в магазин, купили ему большой набор для рисования. Андрей никогда не делал ничего подобного, не дарил игрушки спасенным с его помощью детям, ведь он давал нечто более важное, возможность жить. Но для Вани он согласился сделать исключение. Скорее всего, понимал, насколько для меня это важно.

Я столько раз представляла этот момент, столько прокручивала его в голове. Как обязательно крепко обниму брата, взлохмачу его волосы, поцелую в щечку, и он что-то скажет про «телячьи нежности». Как будет радоваться мама, которой я буду говорить «Я же говорила, что мы справимся». Как она улыбнется, и наконец, сбросит с себя ужас всех этих лет.

Но не обняв брата, не подошла к нему. Оглядела довольно просторную палату клиники, в которую по приказу Андрея его перевели. Осталась стоять вместе с женихом, и даже подарок, я вручила маме, а не брату, который просто с удивлением взирал на незнакомцев. Наконец, понять, что мне придется смириться с ролью незнакомки для него. Что ж увы, такова была цена его спасения. Мне до сих пор не верилось, что все позади. Брат здоров, хоть и сильно похудел, даже с расстояния я тут же оценила впалые щеки и синяки под глазами. Зато мама была счастлива. Бесконечно благодарила, но то и дело вытирала слезы. Ей тоже не верилось, что все хорошо. Андрей даже предложил моей матери работу и сказал, что если возникнут проблемы обращаться за помощью к нему. Как будто он чувствовал ответственным за произошедшее с моей семьей.

Потом мы вышли из палаты. Мне так хотелось вернуться к ним, и все рассказать, но я одернула себя, напомнив, что, главное, уже сделано.

— Ты собираешься как-то начать афишировать свою деятельность? — задала я ему вопрос, который за последние сутки набил ему оскмину.

— А ты что собираешься делать? — поинтересовался он, заставив меня удивиться.

— А что я могу? Какая-то "моделька"? — Я уже давно была лишена каких-то иллюзий.

— Поговорить, например, с модельерами и кутюрье? Ты ведь тоже можешь что-то делать.

Все как-то завертелось и закружилось. Влияние на модельеров Лера имела или кто-то почувствовал свою выгоду. Лишняя реклама и пиар ведь никому не еще не мешали? Впрочем, были те, кто помогал искренне, организовывая благотворительные показы и аукционы.

Я решила внести свою лепту и заодно подать пример, и распродала часть вещей Леры, привезенные из-за границы, в большей части вечерние платья. Моему примеру, последовали еще несколько моделей и известных актрис.

Благотворительность вкупе с работой моделью выматывали до предела. Иногда я не могла вспомнить, даже когда в последний раз ела. Даже Аня ругалась и говорила, что здесь анорексиков не держат. Дошло до того, что у меня закружилась голова на одной из съемок, и сердобольный фотограф дал мне шоколадку и попросил свою помощницу сделать мне чаю. Немало сил нервов и времени отнимало и судебный процесс в отношении Эдуарда, который хотел все выставить совсем в другом свете, будто я по наущению Андрея сама попросилась поехать к нему домой, что никакого похищения не было. Пришлось потратить море усилий, чтобы найти Анджелу и заставить ее давать показания. Увы, других доказательств не было, запись произошедшего Зачинский стер, а сотрудники ресторана хранили полное молчание. Но как выяснилось позднее, я не была единственной жертвой Эдуарда, пострадали еще несколько девушек, и не всем как мне повезло оказаться спасенной. Некоторые были попросту закопаны на заднем дворе. Этот "нелюдь" даже не старался избавлять от тел, настолько чувствовал себя безнаказанным. Андрей был рядом со мной каждое судебное заседание, боясь на мгновение оставить одну. Даже то, что он приставил ко мне охрану, его не успокаивало.

Но, главное, было другое, мы вместе с Андреем занимались одним делом, вместе помогали детям. И одно это стоило той колоссальной усталости, которой я испытывала последнее время. Журналисты нас даже прозвали «сердобольной парочкой», и яро интересовались подобной причиной изменения Андрея. Некоторые шептались, что как только у нас появятся дети наши благотворительные порывы тут же

выветрятся. И все с предвкушением ждали нашу свадьбу. Ждала ли я ее сама? Не знаю. Я знала одно, мне с ним хорошо. И я хотела с ним быть.

Сразу вспомнилось, как однажды вечером, лежа в постели, он признался мне, что думал, что мы расстанемся. И лишь только после аварии он смог по-настоящему меня узнать. А значит, случилось, то чего я могла меньше всего ожидать. Андрей влюбился в меня. Казалось бы, чего еще нужно для счастья? Интересная работа, любимый мужчина, знание, что в семье все хорошо?! Безумная любовь, которую я никогда не разрушу, сказав правду. Слишком хотела быть с ним, слишком была уверена, что мы будем счастливы.

Но однажды придя домой, я обнаружила на столе записку, сделанную цветными карандашами и написанную детским почерком:

Замуж лучше не ходить.

Как и «да «не говорить

А иначе будет боль

Лучше будет он не твой.

Меня всю как будто током ударило. А записку уже покрывали языки пламени. И вскоре она превратилась в пепел. Я смотрела на него, словно сейчас это мои мечты и чувства обратились в этот пепел. Этого не могло быть не могло. Андрей же хороший, правда, хороший. Что, вообще, это могло значит?

На автомате выпила воды, чтобы хоть как-то успокоиться. Все будет хорошо, все будет хорошо. Главное, ведь не говорить да? Да и Андрей мне попросту замуж не предложит, Лера была вечной невестой, чем я лучше? Все будет хорошо.

Наступил день показа у Пьетро, где мне было суждено примерить и продефилировать в платье невесты. Модельер все-таки не стал выпускать полноценную коллекцию свадебных платьев. Образ невесты достался только мне, остальных же нарядили в вечерние платья. Девушки немного нервничали, иначе как можно было объяснить их молчание? Я всех их знала, сегодня Пьетро выбрал моделей только из нашего агентства. Никто даже не пошутил на тему, что я "вечная невеста". Даже Ева не воспользовалась подобным шансом и держала рот на замке, и обычно болтливая Жанна тоже на удивление помалкивала.

Со мной возились дольше всех, сегодня не было никаких одинаковых образов, как объяснил визажист, сегодня я должна была

сиять, как никогда, затмевая всех. Лишь когда мы садились в лимузин, я искренне позавидовала коротким платьям девушек. Мне было очень неудобно садиться в пышном великолепии с длинным шлейфом, которое сотворил модельер. Как, вообще, невесты в таком целый день ходят, при этом сохраняя радостную улыбку? Корсет больше напоминал пыточную машину. К чему, вообще, лимузин? Зачем, эта вся помпезность? Гораздо удобнее девушек было рассадить по разным машинам. Почему мы готовились не непосредственно на месте показа, как обычно, принято? Неужели гримерок нет? Но также можно помять вещи. И что за необходимость делать показ на незнакомом подиуме?

Это нервировало. Но еще больше я стала переживать, когда девушек высадили раньше меня. И я осталась с Пьетро одна. Уже подумала, что вновь угодила в какую-то ловушку, как он сказал мне выходить. Почему-то мы с ним заходили именно с черного хода. Пара лестничных пролетов, усланных красной ковровой дорожкой, и Пьетро остановился у одной огромной двери, где нас ждала парень, очевидно, его помощник.

— Да, прибыла, — ответил он кому-то по наушнику.

Пьетро еще раз расправил платье, улыбнулся и произнес:

— Будь счастлива. А теперь плыви моя лебедь.

И они вдвоем открыли мне дверь в зал с не открыли двери. Я успела сделать несколько шагов вперед, когда как услышала Марш. Марш Мендельсона. А в конце огромного зала увидела Андрея в смокинге, явно ожидавшего меня. И море, целое море гостей. На секунду я хотела рвануть обратно. Но Пьетро с помощником уже закрыли двери за мной. Сердце бешено билось, я не верила в происходящее, в это невозможно было поверить. Я невеста, мы сейчас женимся, но как? Как Андрей это провернул?

На меня смотрели все, а значит, назад уже не повернуть. Оставалось только идти вперед, под прицелом многочисленных взглядов. И думать, как это, вообще, вышло?

Я шла по красной ковровой дорожке, словно по подиуму, словно это был очередной показ. Уверенная походка, лицо, не выражающее настоящих эмоций, и той паники внутри. Заметила девочек, с которыми ехала. Они радостно махали мне и улыбались. Лишь у Евы был кислый вид, словно она проглотила лимон. Девчонки все знали с самого начала, и молчали. Предательницы. В правом ряду в середине обнаружила Аню.

А в одном из первых рядов я увидела белокурую макушку, явно принадлежащую Лериной маме.

Наконец, я встала возле Андрея, который самодовольно улыбался мне и протянул букет белых роз. Ну куда уж без букета невесты?

— Довольна? — тихо спросил он.

— Как? — тихо произнесла я.

— Тсссс, не время, — сказал он, поворачиваясь к работнице загса, которая уже начала произносить торжественную речь. Я не вслушивалась в ее слова. Все еще не могла поверить в происходящее.

Лишь после того, как Андрей сказал «да», я пришла в себя.

Регистратор уже обратилась ко мне:

— Согласны ли вы... — начала она говорить она.

А у меня перед глазами встала та дурацкая записка, и собственный голос, произнёсший:

Замуж лучше не ходить.

Как и "да" не говорить.

— Так, вы согласны? — женщина дважды повторила свой вопрос.

Андрей смотрел на меня. На его лице было удивление, которое готово было перейти уже в любую другую эмоцию. Улыбка окончательно стерлась с его лица, вместо нее в глазах был страх и замешательство. Казалось, весь зал замер в ожидании моего ответа. А мне хотелось разрыдаться. Слишком хорошо я понимала, что наши отношения не выдержат слово "нет". После этого я его навсегда потеряю. Будь что будет, и я решилась.

Зал взорвался внеплановыми аплодисментами, а Андрей выдохнул. Дальше все прошло по типичному для свадеб сценарию, поцелуи, первый танец, фотосессия и ресторан. Мама Леры, плачущая от счастья. Аня, рассказавшая, как именно Андрей это организовал. Да уж, кому-то нужно лучше хранить свой паспорт. А то так не до свадьбы, а до рабства могла дойти. Все это время я думала, как мои собственные родители хотели побывать на моей свадьбе.

Теперь мне нужно было привыкать к новой жизни с новой фамилией, но единственное о чем я думала безумно уставшая от этого безумного дня, не совершила ли я ошибку?

Моя жизнь действительно изменилась. После свадьбы я переехала к Андрею, в его дом. Собственно, Андрей не спрашивал о переезде, просто сказал собирать вещи. А ведь я ни разу у него не была, и даже не

думала, насколько это несравнимо с Лериной жилплощадью, с нашим маленьким уютным гнездышком. Дом был огромен, Андрей выделил мне целый этаж под свои нужды. Но выбивало из колеи меня другое, у Андрея были слуги: домработницы, повар, и даже садовник. Кроме того, лично для меня он решил нанять фитнес-тренера и водителя. Последнее немного расстраивало. Я все же надеялась, что он и дальше будет забирать меня с работы. Но как Андрей пояснил, он просто не хочет, чтобы я садилась за руль. Эх мой муж и не догадывался, что в отличие от настоящей Леры, я не умею водить машину.

Жизнь и правду стала похожа на сказку о Золушке, где Андрей оказался моим прекрасным принцем, готовым исполнить любое мое желание. Память о дурацкой записке почти выветрилась. Слишком хотелось мне наслаждаться каждым мгновением. Даже то что я не слишком понравилась матери Андрея меня несколько не расстраивало, не мне с ней жить. Новоявленная свекровь всерьез советовала сыну всерьез подумать о своем поспешном решении. Но Андрей не желал этого слушать. Через несколько недель женщина все-таки смирилась, сказав, что надеется в скором времени на внуков.

Несмотря на свой переезд, я так и не решилась продавать квартиру. Отшучивалась, что жилье может вполне пригодиться нашим с ним детям. Тема детей, как выяснилось его тоже волновала. А значит, не так долго мне осталось работать моделью. С другой стороны, можно задуматься о своей мечте и наконец-то пойти учиться на врача. Но вначале придется хорошенько покорпеть над книжками, нужно было все-таки освежить память.

После очередной фотосессии, я решила заглянуть на свое прошлое жилье, захватить некоторые вещи. Несмотря на состоятельность мужа, мне еще было не по себе о возможности тратить безумные суммы на одежду. Даже когда мы отправлялись за новым платьем, и я никак не могла выбрать, Андрей не подсказывал, он просто покупал все. Подобная расточительность меня поражала. Хотя, как позднее я поняла, это было проявление заботы, Андрей заботился как мог, и не хотел, чтобы я в чем-то испытывала недостаток. Часто баловал вкусняшками и запрещенными Аней продуктами. Порою я расценивала как диверсию с его стороны, всячески пытался удивлять, мы могли внезапно сорваться в какую-нибудь поездку или ресторан. Хотя мне просто было хорошо рядом с ним, просто быть вместе, валяться на кровати или просто

смотреть телевизор сидя на диване, для меня это было гораздо лучше, чем посещения, каких-то тусовок. Иногда в моменты всего прочего я задумывалась, о том что могло быть, о том, что должно было быть. О том, что сейчас должна была лежать в земле, а не наслаждаться жизнью, но кто-то свыше решил иначе. Кто-то, кто дал мне возможность спасти брата. Кто-то, кто решил наказать моего убийцу, отняв у нее жизнь взамен.

Увлечшись размышлениями, я не заметила, как наткнулась на маленькую девочку, которая растерянно стояла на дороге. В глаза тут же бросились ярко-рыжие волосы. Майка с шортами едва держались на щуплом детском тельце, и на вид были достаточно затасканными, что даже у меня, большую часть жизни прожившую в бедности, сердце сжалось от жалости. Да, и малышка была очень худенькой, даже для своего возраста.

— Эй, девочка, уйди с дороги, — сказала я.

И ребенок послушно подошел ко мне.

— Ты меня не помнишь? — тихо произнесла девчушка. Слишком тихо. Быть может, она попросту потерялась? Или была одной из тех, кому мы помогли?

— Нет, — честно призналась я. — Где твои родители?

На вид девчушке было лет шесть. Не самый подходящий возраст для одиноких прогулок в наши беспокойные времена.

— А ты ведь звала меня, — сказала она. В ее голосе не было ни грамма детскости.

Я лишь изумленно приподняла брови:

— Звала?

Но ребенок продолжал настаивать на своем.

— Ты звала меня, там когда умирала, лежа на холодном асфальте, с переломанными костями. Тебе было больно, ты помнишь? — На секунду у меня слегка подкосились ноги, а во рту возник соленый привкус. Но девочка не обращала внимания на это. Она продолжала говорить, заставляя меня вспоминать. Перед глазами возникла та самая ночь. Яркий свет фонарей, хруст собственных костей и адская всепоглощающая боль, когда даже не было сил вздохнуть. Меня всю начало колотить.

.-Вспомнила? — ласково поинтересовалась малышка. — Тебя так гложит обида. Человек, сбивший тебя даже не остановился на какое-

нибудь мгновение, попросту решился скрыться из виду. Ты понимала, что ты была лишь пылинкой в его жизни. И т чертовски не хотела умирать. И тогда пришла я и забрала твою боль, более того, я дала тебе новую жизнь и наказала виновную.

— Кто ты? — сказала я, чувствуя дикое оцепенение, словно бы не могу пошевелиться, будто бы меня сдерживали неведомые путы.

— А какая тебе разница? — произнес некто в облики ребенка. — Разве не главное то, что я справедлива? — потом на секунду задумалась. — Впрочем, называй меня Лина.

Лина. Сокращение от Ангелины, вспомнила я. Вот только интуиция подсказывала, что создание передо мной от ангела очень далеко.

— Что тебе от меня нужно? — выдавила я из себя, чувствуя панику. Наверно, я должна была испытывать благодарность, именно она дала мне второй шанс, но страх который я испытывала был гораздо сильнее.

Губы Лины тут же расплылись в улыбке, явно показывая, что я угадала.

— Принять меня в свою семью, удочерить, забрать из приюта.

Я удивленно хлопала глазами. Слишком не складывалось у меня ее поведение с подобной просьбой. Неужели передо мной ребенок?

— А что если я откажусь?

— Ты хороший человек, столько делала для других. Я даже пыталась тебе помогать. Пусть ты и не всегда слушала. Предупреждение об Эдуарде ты пропустила.

Так, эти записки побрасывала она?

— Но за жизнь нужна платить, — равнодушно пожала плечами она. — Если не хочешь... — на мгновение я испытала жуткую боль, и внезапно обнаружила, тело Леры валяющееся на тротуаре. Через секунды морок оставил меня, и все вернулось на круги своя.

— Если не хочешь, то вернешься, обратно, туда, где лодна быть. И твое тело займет другая. — равнодушно сказала Лина. — Рассказать тоже не получится.

— Адрес детского дома. Приедешь завтра не позднее двенадцати часов дня. Опоздаешь, — умрешь, расскажешь кому-то умрешь, — сказал демон и протянул мне листик бумаги. Развернулась и ушла, оставив меня одну, с листочком в руках. Вот только в этот раз записка не собиралась сгорать в руке.

Глава 12

Я не помнила дорогу домой, в памяти не отложилось, как машина неслась по извилистым улочкам, все мои мысли заняты были тем, чтобы придумать, выход из ситуации. Нельзя запускать это существо в дом. Нельзя. Лина вызывала у меня панику, жуткое отторжение, хотя бы тем, что в любой момент могла сделать со мной что угодно. Вот только что делать? Что делать, чтобы при этом не умереть? С демона станется подселить в освободившее тело другую душу, а Андрей даже разницы не заметит. Андрей, с ним-то и было связано. Записки демона были подсказками. Первая значительно помогла мне, второй я ослушалась, знать бы чем это грозить? И что, в конце концов, делать? И лучше решать это не одной.

Поскольку рассказать было нельзя, я решила написать. Вот только как я оторвала ручку от листа, все написанное исчезло, бумага оказалась девственно-чистой, будто бы ничего и не было, тоже самое случилось и с сообщением на телефон. Похоже, хитроумный демон и это предусмотрел. Оставалось только радоваться, что он не убил меня за подобную попытку, и я все еще дышу.

Чем дальше шло время, тем больше я понимала, что у меня нет выхода. В любом случае Лина получит желаемое. А я хотя бы знаю, что от нее ожидать. Оставалось только поговорить с мужем. Боюсь, это будет не самый простой разговор.

Андрей, как я и предполагала, среагировал отрицательно:

— Лер, я понимаю, помогать детям это хорошо, но тащить кого-то в свой дом?! Я на своих детей рассчитывал. И не уверен, что способен полюбить чужого ребенка, — ответил он, даже не зная, что этим самым подписывает мне смертный приговор.

Прости, любимый, я этого делать тоже не хочу, но у меня нет другого выхода, мне так и хотелось сказать, но я сдержалась.

— Оформим опеку? Просто дадим шанс девочке на лучшую жизнь? Никаких особых прав, если ты об этом переживаешь. Я вполне могу вырастить из нее модель.

Такая красноречивая ложь. Сколько же раз, я лгала тебе, любимый? Но почему сейчас я чувствую себя хуже всего. Я ведь знаю, что ты

сдашься, Андрей, я знаю тебя, и так не хочу тебя терять. И умирать милый я тоже не хочу. Прости, но это единственный выход. Я должна понять чего она хочет, и найти способ ее остановить.

— Ты хоть представляешь, что такое воспитывать ребенка? Придется отменить планы на медовый месяц. Да и тебе придется ограничить зарубежные поездки. Ты же не собираешься брать ребенка под опеку, чтобы сдать его няне?!

— Я согласна.

Он сдался, пусть и надеялся, что это только лишь моя блажь. Прости, любимый, быть может, все было бы иначе, если б я нашла в себе силы признаться раньше, но сейчас у меня никакой возможности все тебе объяснить.

Главное, Андрей согласился посмотреть девочку, интуиция мне подсказывала, что завершится все-таки дело, как того хочет демон, стоит нам просто туда прийти.

А на следующий день мы отправились в детский дом. Только от его вида, я почувствовала себя не по себе. И дело было тут не в приближающейся встрече. Высокий, похожий на решетку забор беспросветно серые стены самого учреждения вызвали у меня ассоциации с тюрьмой. У этого места была особой энергетика, ведь оно было домом для брошенных детей. Нас встретил лично директор. Который, к слову, немало удивился нашей паре, как что мы пришли именно за определенным ребенком и не хотим смотреть всех.

Но когда я назвала имя, она немного помрачнела и набрала по телефону воспитателя.

Женщина отвела меня в сторонку. Она почему-то не хотела говорить при моем муже.

— Вы наверно, на улице с ней познакомились, — сказала она, констатируя факт, наверно, это был не первый побег Лины, с ее то способностями. — Я надеюсь у вас серьезные намерения?

— Серьезнее не бывает, — мрачно сказала я, смотря на часы. Было уже полдвенадцатого. Надеюсь, воспитатель с подопечной не слишком задержатся. Не хотелось бы так глупо умереть.

— Она немного замкнутая, — продолжила директриса. Похоже, она знала про каждого ребенка. — Все-таки у нее родителей убили на ее глазах. Она единственная выжила тогда, спрятавшись в шкафу. Два дня сидела, пока соседи не нашли.

Я с ужасом смотрела на нее, пытаюсь понять, про одного и того же ребенка мы разговариваем. Неужели такое могло произойти? Неужели Лина действительно ребенок?

Вскоре появилась и воспитательница, Лидия Васильевна, как представила ее начальница, держащая за руку Лину.

— Ты будешь моей мамой? — сказала она, с удивительной надеждой смотря на меня. Даже Андрей умилился подобной реакции.

— Да, если получится, — сказала я как будто у меня был выбор. Слишком хорошо я помнила нашу первую встречу, чтобы испытывать чувства подобные тем, какие испытывал Андрей.

Малышка тут же крепко обняла меня, как будто и вовсе не собиралась отпускать.

— Когда мы оформим все бумаги, — едва пискнула я

— С документами думаю, проблем не будет. Я отправлю к вам моего юриста. Мы ведь скоро можем забрать девочку? — сказал мой муж директрисе.

— Да, как пройдет всю процедуру, — улыбнулась она

— В любом случае нам нужно еще все приготовить дома для девочки, — задумчиво произнес он.

Через неделю малышка переехала к нам. С этого все и понеслось.

Я никак не могла понять, кто же она. Кто это, демон или ребенок или нечто большее? Лина же на мои вопросы отвечать отказывалась. Однажды нас пригласили в церковь на крещение сына друга Андрея, того самого, что помогал в моем спасении из дома Эдуарда. Не пойти туда было бы оскорблением, но что же делать с Линой? Вряд ли демоны могут зайти в церковь

К моему удивлению, сама девочка согласилась пойти, сказав, что ей интересно будет взглянуть. Более того, она спокойна прошла в храм, и даже когда ей случайно брызнули в лицо святой водой ничего не произошло. Что, в свою очередь, заставило меня вновь задуматься, кто же она такая.

Она вела себя так, как будто была обычным ребенком, но вскоре странности начали проявляться. Все началось с того, что к нам заехал друг Андрея, Константин. Не смог пройти мимо нашего нового члена семьи, еще бы у друга появилась дочь, пусть и приемная. А на следующий день, он погиб в автокатастрофе. Все твердили о том, что он не справился с управлением. Но я была уверена в иной причине, она

жила в моем доме, ела за моим столом, и по утрам я заплетала ей косички, а вечерами читала сказки. Вот только чем ей он досадил? Я никак не могла это понять?!

А потом Лина отправилась в школу, но и там случилась трагедия, погиб физрук младших классов, как раз тот, кто вел у нее уроки. Я была вне себя от ужаса, ибо я знала, кто причастен к этому. Казалось, ужас и смерть идут за этим ребенком. Но истинный ужас ждал меня дальше. Погибший оказался детоубийцей и педофилом. Сотрудники полиции даже видео нашли с его участием. Стало по-настоящему жутко когда я поняла, что этот человек работал с детьми, более того, дети ему доверяли.

А через несколько дней вскрылась и другая правда. Андрей позвонил мне, когда я гуляла в саду. Любимый сообщил мне, что его замечательный друг Костя тоже не был чист на руку, и как он в шоке от поступка друга, отравившего собственного отца. Я слушала вполуха, потому что, наконец, была уверена в том, что творила девочка, которую я взяла под свою опеку.

Каждая Лина жертва была в чем-либо виновата, и она наказывала его. Она сама сказала, что справедлива, и я должна была догадаться, какова ее справедливость. Лера, ведь тоже была виновна, и она ее убила.

Кто-то бы сказал, что это должно бы меня успокоить, что ребенок, проживающий под моей крышей, обладающий такой сверхъестественной силой, занят лишь наведением справедливости, но это не внушало мне никакого успокоения. Потому что я жила с человеком, который тоже совершил не самый правильный поступок в жизни. Человек, который скрыл все следы причастности Леры.

Вроде бы не самое страшное преступление, правда? Вот только неизвестно, что мог посчитать ребенок, наделенной по какой-то ошибке судьбы такими возможностями?

В голове тут же всплыли слова:

Замуж лучше не ходить.

Как и "да" не говорить

А иначе будет боль

Лучше будет он не твой.

Это не было обещанием чего-то плохого и ужасного. Она просто предупреждала, что собирается убить моего мужа. Она имела в виду душевную боль. Хотя в данный момент я чувствовала, что меня как

будто физически режут на части. Что же делать?

Я тут же пулей метнулась в дом, на входе чуть не сбив нашу домработницу, которая едва в ужасе успела отпрянуть. Впрочем, сейчас было не все равно. Потому что, возможно, сейчас в это самое время Лина уже планирует убить человека, которого я люблю. Я должна остановить ее любой ценой.

Запыхавшись, я добралась до ее комнаты и открыла дверь.

Она сидела за столом и рисовала, немного нахмурившись. Сейчас она была как, никогда похоже на маленького ребенка, сосредоточенно выводящего буквы и завитушки.

— Привет, мамочка, — поздоровалась она, но мне не было дела до ее обычных игр. Они уже кончились.

— Андрея ты тоже убьешь? — крикнула я.

Она на мгновение выразительно посмотрела на меня.

— Да, — сказала она, как само разумеющееся. — Он тоже виновен, как и все они.

Так легко судить с высоты своих детских лет. Так легко делить мир на черное и белое. Она выносила приговор, не задумываясь, в ней не было и тени сожаления. Ребенок, передо мной был ребенок, уверенный в своей правоте, и мстящий всему миру за смерть близких.

— В чем? — спросила я, отчаянно понимая, мне ее не убедить. Для нее виновны все. — Он защищал свою девушку.

— Он совершил преступление и должен понести наказание.

Лина как я и думала была непреклонна. Оставался единственный выход, самый отчаянный из всех.

— Забирай мою жизнь, только Андрея не трогай. Ты сама говорила, что только одна достойная плата за жизнь только жизнь.

Она на секунду замешкалась, будто что-то вывело ее из колеи, будто что-то рухнуло в ее стройной системе ценностей.

— Ты же его ненавидела за это, — сказала она.

— Я его люблю, — грустно сказала я.

Андрей должен жить, он столько всего хорошего сделал и столько еще может сделать. А мое место, увы, там, где я должна быть, в могиле. Я, итак, жила дольше положенного срока. Это была взятая взаймы, жизнь, чужая, никогда не принадлежащая мне. Но по крайней мере, так я испытала счастье и узнала, что такое любовь. И все равно мне было жалко покидать этот мир. Интересно поймет ли Андрей разницу, когда

мое место займет другая? Будет он ли ее любить также как меня? Или все же почувствует правду?

— Хорошо, я принимаю твою жертву, — сказал демон и протянул руку.

В ответ я протянула свою. Напоследок вспомнила вкус губ Андрея, звучание его голоса. Может быть, все это было не зря?

На мгновение все как будто успела погаснуть, а потом я очутилась в до боли знакомом коридоре.

Каким-то неведомым образом, я вновь оказалась в коридоре больницы. С удивлением обнаружила Павла Олеговича, занятого разговором с Андреем. Кажется, все это уже было. Неужели это тот самый день? День моей смерти.

— Еще раз подобное повторится... — произнес тот человек, которого я любила низким хриплым голосом. Когда-то подобные слова меня напугали, сейчас же я жадно ловила каждое слово, даже несмотря на то, что знала разговор наперед.

— Что вы, что вы... — запинался мой начальник.

— Тебя даже по частям не соберут, — перебил Андрей.

— Сделаю в лучшем виде, — продолжил раскланиваться заведующий отделения.

— Уж, проследите, — ответил Андрей и тут же уперся взглядом в меня.

В прошлый раз именно на этом моменте, я и убежала, вот только сейчас я застыла на месте не в силах отвести взгляд. Такой родной, и любимый. Сейчас я отчетливо понимала, что все уже кончено. Такой как он, никогда не будет вместо такой как я.

— Я думаю, эта медсестра, знает куда больше, чем вы. Девушка, как вас зовут?

Алена, — произнесла я, чувствуя, как от волнения стало сложно дышать.

— Алена, чего на самом деле не хватает вашему отделению?

Начальник внимательно смотрел на меня предостерегающим взглядом.

— Не хватает некоторых лекарств, и аппаратуры, — Я отлично понимала, что из-за своего ответа я точно попрощаюсь с работой. Вид Павла Олеговича об этом однозначно намекал.

— Много ли детей на очереди на трансплантацию?

— Десять, — тихо произнесла я. — Среди них мой брат. кн иг о ед .
нет

Андрей понимающе кивнул, будто бы отмечая у себя какой-то пункт. На мгновение бросил взгляд на Павла Олеговича, который пожал плечами.

— Вы сможете мне составить список того, чего конкретно не хватает? А также предоставить список тех, кому здесь помочь не смогут?

Я послушно кивнула, чувствуя, как мой начальник покраснел от злости.

— И начальника вы не боитесь, — заметил Андрей, мягко улыбнувшись такой до боли знакомой улыбкой. Он все-таки понимал, последствия, сказанного мною. — Вас должность моего помощника по медицинским вопросам устроит?

— Что? — это единственно, что я смогла вымолвить, настолько растерялась. Я никогда не знала Андрея с деловой стороны, собственно как он находил своих работников тоже.

— Не переживайте, зарплата гораздо больше, чем здесь. Предлагаю сегодня вечером это обсудить за ужином.

Я лишь рассеянно хлопала ресницами. Я, конечно, привыкла, что Андрей всегда брал быка за рога, но даже я не думала, что это настолько было в его привычке. И кажется, меня пригласили на ужин? Пусть даже и обсудить работу. Впрочем, уже это огромный подарок судьбы. Мы опять вместе будем работать. И у меня появится вновь возможность вылечить Ваню. Но теперь в этот раз я буду вместе с братом и своей семьей.

— Что ж я вас жду, сказал Андрей. — Сейчас только с вашим руководством решим вопрос вашего увольнения.

Словно пьяная, я побрела в сестринскую, чтобы переодеться. Мне прямо не верилось в происходящее. Сняв халат и повесив его в шкаф, я обнаружила на столике записку.

«Я не караю невинных, поэтому я забрала только чужую жизнь. Не ошибись и не броди сегодня ночью».

И записка, как всегда, растаяла у меня в руках. Да уж, ни в какой ночной клуб я не пойду. Смерть точно не самый лучший подарок на день рождения. Так странно, если бы я тогда не сбежала, то Андрей предложил мне работу, и его невеста не сбила меня той ночью.

Я вышла из сестринской. В коридоре меня ждал начальник вместе с будущим руководителем. Павел Олегович протянул мне лист бумаги, подписать заявление об уходе. Покачал головой. Подписывать не хотелось, я любила свою работу, я любила своих подопечных. Но я знала Жданова, я была в нем уверена и понимала, что так я могу сделать больше

— Не волнуйтесь, вы еще сюда вернетесь только в другом качестве, — сказал Андрей, и я все-таки поставила подпись.

А потом я встретила девочек, я действительно забыла о подругах, пришлось объяснить, что планы на вечер отменяются. Меня ждал ужин с тем кого я любила. Пусть и деловой, касающийся только работы, но сейчас это многое значило. Андрей даже подвез меня домой, перед этим я попросила его остановиться у магазина, купив брату альбом для рисования, мелки, и обещанные раскраски. Кто мог знать, как сложится следующий день?

Эпилог

Несколько месяцев спустя

Газеты пестрели заголовками. «Медсестра для олигарха.» «Из больницы в загс.» «Удивительное перевоплощение невесты Жданова».

И как ни странно все это было обо мне и Андрее. Наверное, только последний заголовок был ближе к истине. Андрей действительно сделал мне предложение, и я правда изменилась. Опыт в теле Леры не прошел даром, я похудела. научала ухаживать за собой, и даже благодаря новой работе, смогла начать хорошо одеваться. Но, главное, было не это, я, наконец, смогла полюбить себя. До этого не могла поверить, что кто-то может полюбить меня. Но Андрей изменил все.

«Помощница отбила у топ-модели жениха» «Модели уже не те»

Вновь очередная газетная ложь.

Я не делала ничего подобного, я не была разлучницей. Андрей с Лерой расстались сами, просто разругались, что не помешало Литвински остаться работать в агенстве. Кажется, Аня явно мне лгала. А вскоре бывшая невеста Андрея вышла замуж за его конкурента. Но газетчики и репортеры предпочли выбрать виновной меня. Пресса заметила, что мы слишком много времени проводим рядом. Андрею было плевать на эти слухи. Но у нас в самом деле закрутился роман, который привел к предложению руки и сердца, ко всеобщему удивлению. Впрочем, на него моему жениху тоже было плевать, как и на мнение матери. Похоже, моя судьба заключалась в том. чтобы не нравиться этой женщине.

Мы начали подготовку к свадьбе. Я все еще не могла забыть то платье, сотворённое Пьетро, и поэтому решила заказать его у него, описав идею. Модельер пришел в неопиcуемый восторг. На одной из примерок лишь пожаловался что не получится показать его на подиуме, ведь я не модель. На что я усмехнулась и прошлась. Модельной походкой, с любимым постановочным разворотом. Память еще хранила прошлую жизнь. Андрей усмехнулся по поводу того, что и обычные девушки что-то могут, а я промолчала.

Лишь подошла к нему и прижалась, не в силах объяснить, насколько я рада, что я с ним. Насколько я рада, что существует

истинная любовь, от которой так просто не уйдешь.